САРОВСКИЙ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НИЯУ МИФИ

Гуманитарный факультет

Кафедра философии и истории

Скрипник А.П.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Часть 2. ИСТОРИЯ КУЛЬТУР ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Учебное пособие

Утверждено:
на заседании кафедры философии и истории
«04» 09. 2014 г.
Научно-методическим Советом СарФТИ
«11» 09. 2014 г.

Саров 2014

Содержание

Тема 1. Культура и история

1. Эволюционизм в культурологии
2. Цивилизационный подход к проблеме исторического развития культуры

Тема 2. Культура Древнего Египта и Месопотамии

1. Основания египетской культуры
2. Искусство Египта
3. Религиозно-мифологические основы месопотамской культуры
4. Искусство Месопотамии

Тема 3. Культура Индии

1. Мифология и религия Вед
2. Неортодоксальные религиозные системы Индии
3. Индуизм: религия, искусство, наука
4. Эзотерические течения в индийской культуре

Тема 4. Культура Китая

1. Общая характеристика китайской культуры
2. Конфуцианство в китайской культуре
3. Культурное значение даосизма
4. Искусство Китая

Тема 1. Культура и история

Одной из важнейших проблем в культурологии является проблема исторического развития культуры: в каком *направлении* развивается культура (прогрессирует она или регрессирует), какие *этапы* в своем развитии проходит, кто является *субъектом* в развитии культуры (человечество в целом, этнос или группа этносов)? В зависимости от решения этой проблемы, культурологи разделяются на два лагеря: эволюционистский и цивилизационный.

1. Эволюционизм в культурологии

Эволюционизм возник в культурологии во второй половине XIX в. на основе теории происхождения видов Ч. Дарвина. По этой теории, жизнь на земле развивается эволюционно – от низших форм к высшим. Подобным образом развивается и культура. Латинское слово «evolutio» образовано от «volute» («завиток») и означает «развитие», «развертывание», «раскручивание». В этом буквальном смысле всякое развитие есть движение по спирали, т.е. одновременно в двух или даже в трех измерениях.

Классический эволюционизм формировался в рамках этнографии и древней истории. Его основными представителями были Герберт Спенсер, Джон Леббок, Эдвард Тайлор, Льюис Генри Морган и др. Г. Спенсер (1820-1903) подвел под теорию эволюции философский фундамент. Эволюция, с его точки зрения, охватывает все формы бытия и представляет собой неизбежный переход **от бессвязной однородности к связной разнородности, от неопределенного к определенному, от хаоса к порядку**. Благодаря последовательным дифференциациям из общего корня возникают многочисленные разнообразные продукты. Переход от однородного к разнородному наблюдается, например, и в отделении различных искусств (поэзии, музыки, танца) друг от друга и от религии, и в многочисленных дифференциациях в каждом из этих искусств. Одновременно с этим устанавливаются связи между выделившимися элементами, а в целом происходит совершенствование систем, их *прогресс*.

Э.Б. Тайлор ограничился рассмотрением эволюции культурных систем. Различные народы, по его мнению, можно, хотя и с трудом, классифицировать по степени их культурности. Критериями большей или меньшей культурности служат степень развития промышленности и ее отдельных отраслей, распространение научных сведений, характер нравственных начал, состояние религиозных верований и обрядов, сложность общественной и политической организации и т.д. В целом культурное развитие человечества является прогрессивным, но отдельные народы могут впадать в состояние вырождения, т.е. развиваться регрессивно. “Вообразим себе, - пишет он, - что мы видим цивилизацию, как она в

олицетворенном виде шествует по миру. Вот она иногда задерживается и останавливается на своем пути, нередко отклоняется на такие боковые дороги, которые приводят ее, утомленную, назад, в такие места, где она проходила уже весьма давно. Однако прямо или отклоняясь, она движется вперед. И если время от времени она пытается сделать несколько шагов назад, она скоро начинает беспомощно спотыкаться. Попятный шаг противен ее природе, ее ноги устроены не так, чтобы делать неверные шаги назад. И взгляд ее и движение, устремленные вперед, являются выражением подлинно типических свойств человечества”[1].

Тайлор обратил особое внимание на то, что культура тяготеет к устойчивости. Созданные ею продукты сохраняются в течение длительного времени после того, как исчезли условия, вызвавшие их к жизни. Такие культурные продукты, которые утратили связь с реальной общественной жизнью и сохраняются только по инерции, он назвал пережитками. Существование пережитков указывает на важную особенность культуры: она предпочитает строить свои сооружения не на пустом месте, а используя созданный ранее материал.

Считая религию главной формой культуры, Тайлор рассматривал культурную эволюцию, прежде всего, как поступательное движение религии от самых примитивных верований в добрых или злых духов и возможность продолжения жизни после смерти («анимизм») до совершенной религии единобожия.

Ключевые положения эволюционного подхода изложены в книге американского ученого Л.Г. Моргана «Древнее общество» (1877):

1. Субъектом развития культуры является *человечество в целом*, взаимодействующее с природой, чтобы обеспечить себя средствами существования. Развитие культуры – это объективный процесс, во многом подобный эволюции органической природы.
2. Культура развивается прогрессивно, т.е. становится более *сложной* и *дифференцированной*, в конечном счете, повышает степень господства человека над природой и удовлетворенность жизнью.
3. Движущей силой развития культуры выступают *технические изобретения* и *открытия*, главным образом, касающиеся способов добывания пищи. Они повышают контроль над добыванием пищи и поэтому изменяют весь образ жизни, а именно, устройство семьи, формы родства, размеры и виды собственности, правила владения и наследования, характер управления обществом.
4. Культура развивается ускоренно, скорость ее развития возрастает в геометрической прогрессии.
5. Все народы мира, вследствие общности происхождения, одинаковых умственных способностей и строения тела, проходят

[1] Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 64

одни и те же стадии культурного развития, а именно, дикость, варварство и цивилизацию[2].

На стадии д**икости** возникает членораздельная речь**, используются каменные орудия** Ее важнейшими техническими достижениями выступают освоение огня, изобретением лука и стрел. В этот период человечество переходит от беспорядочных половых отношений («промискуитета») к самым примитивным формам семьи: кровнородственной и пуналуальной. Первая основана на запрете брачных связей между родителями и детьми; вторая – между родными братьями и сестрами. Дикари создают классификационную систему родства, при которой все мужчины и женщины одного фиксированного поколения называются братьями и сестрами, на одно поколение вверх – отцами и матерями, на два поколения вверх – дедами и бабками, на одно поколение вниз – сыновьями и дочерями и т.д. Начиная с дикости вплоть до появления цивилизации род является важнейшей формой общественной организации. Кроме того, дикость характеризуется присваивающим хозяйством и собственностью только на то, что произведено своими руками: оружие, утварь, одежду, каменные и костяные орудия, украшения. Земля находится в собственности племени, а жилище – тех, кто в нем обитает. С появлением рода имущество умершего распределяется между его сородичами.

Варварство начинается с появлением гончарства, которое позволяет подвергать пищу термической обработке, а потому дольше сохранять ее и расширить спектр потребляемых продуктов. Наряду с этим происходит приручение животных, возделывание некоторых растений с помощью орошения (огородничество и полеводство), строительство домов из сырцового кирпича и камня, обработка железа, позволяющая изготовлять мечи и плуги с железным лемехом. Таким образом осуществляется переход к производящему хозяйству, появляется значительная собственность и рабство. Для варваров характерны *парный брак* («синдиасмическая» семья, основу которой составляет неустойчивая пара супругов) или патриархальное многоженство кочевых скотоводов. Важным изобретением выступает рисуночное письмо.

Цивилизация – та стадия развития культуры, на которой происходит дальнейшее развитие производящего хозяйства и законодательное закрепление собственности, особенно на землю. Здесь появляются *государства* и *города* - многолюдные укрепленные поселения с рынками и преобладанием ремесла. Эта стадия, по Моргану, начинается с изобретения фонетического алфавита. Семья приобретает моногамный характер (единобрачие необходимо для четкой фиксации наследников), а родовая структура теряет значение и отодвигается на периферию общественной жизни.

Эволюция культуры влечет за собой кардинальные изменения в отношениях людей друг к другу. Повышение контроля над источниками

[2] Понятия дикости, варварства и цивилизации как сменяющих друг друга стадий общественного развития предложил английский историк XVIII в. А. Фергюссон

питания способствует тому, что каннибализм (людоедство), повсеместно распространенный на стадии дикости, ограничивается периодами войн и голода у варваров и выходит из нравов у цивилизованных народов.

Цивилизация начинается в Древней Греции в середине IX в. до н.э. и движется только по тому пути, который избрала Западная Европа. Это столбовая дорога человечества, и все народы мира рано или поздно выйдут на нее, в том числе весь Восток и Африка.

Марксизм, очень сочувственно воспринявший идеи Л.Г. Моргана, добавил к эволюционистскому подходу теорию пяти общественно-экономических формаций, которые последовательно сменяют друг друга, образуя закономерный, даже неизбежный ход культурного развития человечества. На смену *первобытно-общинной* формации идет *рабовладельческая*, за нею – *феодальная*, потом – *капиталистическая*, а в финале истории устанавливается *коммунизм*.

В первой половине XX в. эволюционный подход вызвал резкую критику. Главным инициатором этой критики стал американский антрополог Франц Боас (1858-1942). По его выводам, если единая линия культурного развития человечества и существует, то выявить ее чрезвычайно трудно. Каждый народ развивается по-своему, поэтому надо изучать уникальную историю культуры каждого этноса, а не строить глобальные схемы культурного развития человечества. Эволюционизм предусматривает слишком жесткую детерминацию культурных изменений. Культура может развиваться не только на основе технических изобретений и открытий. Народы Америки не открыли способа выплавки железа и, по логике Моргана, не смогли подняться даже до высшей ступени варварства, тогда как на самом деле существовали развитые цивилизации майя, ацтеков и инков. Морган вынужден был отрицать цивилизованность этих народов, а заодно – древних египтян, шумеров и многих других, не знавших железа. Развитие собственности и политических отношений может опережать развитие техники и технологии, а поэтому вся теория культурного прогресса несостоятельна.

С критикой эволюционизма выступили в первой половине XX в. и русские ученые, принадлежащие к «евразийской школе». По мнению одного из них, Николая Трубецкого, в основе эволюционного подхода к культуре лежит примитивный эгоцентризм. “В результате получилась «лестница эволюции человечества». На вершине ее стоят романо-германцы и те народы, которые вполне восприняли их культуру. Ступенью ниже стоят «культурные народы древности», т.е. народы, которые по своей культуре наиболее соприкасаются и сходствуют с европейцами. Далее культурные народы Азии: письменность, государственность и некоторые другие пункты культуры этих народов позволяют находить в них некоторое сходство с романо-германцами. Точно так же – «старые культуры Америки» (Мексика, Перу): впрочем, эти культуры несколько менее похожи на романо-германскую и, сообразно с этим, на эволюционной лестнице помещаются несколько ниже. Все же все

упомянутые до сих пор народы в своей культуре имеют настолько много черт внешнего сходства с романо-германцами, что их удостаивают лестного звания «культурных». Ниже их стоят уже «малокультурные» народы, и, наконец, совсем внизу помещаются «некультурные», дикари. Это – те представители человеческого рода, которые имеют наименьшее сходство с романо-германцами”[3]. Такая картина культурного развития человечества не более убедительна, чем любая форма самовохваления: “Из того же, что «ржаная каша сама себя хвалит», еще не следует, чтобы это была самая лучшая каша в мире”[4].

В ходе полемики было осознано, что эволюционизм неоправданно оптимистичен и под видом научной теории навязывает всему миру, толкуемому как собрание «дикарей» и «варваров», западные образцы культурного развития, оправдывая таким образом колониальную политику.

Подвергнувшись уничтожающей критике, деление культурной истории на стадии дикости, варварства и цивилизации потеряло научное значение, а соответствующие термины были низведены на уровень метафор. Моргановская теория семьи во многих своих элементах оказалась чистейшей фантастикой, а попытка установить однозначное соответствие между системой родства и строением семьи была признана несостоятельной.

Кризис, пережитый классическим эволюционизмом, однако, не привел к «летальному исходу». Во второй половине XX в. произошло возрождение этого подхода под названием «**неоэволюционизм»**. Лидером данного направления стал Лесли Уайт. В его книгах «Наука о культуре» (1949) и «Эволюция культуры» (1959) развивается понимание культуры как инструмента, с помощью которого человечество приспосабливается к изменяющимся условиям существования. Важнейшим адаптивным средством является технология. Культура развивается за счет расширения источников энергии, количества энергии, приходящейся на одного потребителя в год; повышения качества использования энергии. Человечество в целом проходит пять стадий культурного развития:

первая связана с использованием энергии собственного тела,

вторая – энергии домашних животных,

третья – энергии земли,

четвертая – энергии топлива,

пятая, начавшаяся в середине XX в., – атомной энергии.

Дж. и Ж. Ленски также кладут в основу развития культуры технологические сдвиги. Наиболее значительными являются, с их точки зрения, четыре культурные фазы:

1) стадия собирательства и охоты – до VII тысячелетия до н.э.;
2) стадия разведения плодовых культур – VII-III тысячелетия до н.э.;
3) развитие земледелия – III тыс. до н.э. 1800 г. н.э.;

[3] Трубецкой Н. Европа и человечество// Русский мир. Геополитические заметки по русской истории. М.: ЭКСМО – СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 683

[4] Там же. С. 684

4) промышленная стадия – с 1800 г.

На каждой стадии преобладает определенная форма производства, которая связана с соответствующей стратификацией общества и влияет на другие стороны культуры.

Элвин Тоффлер вместо представления о линейном движении цивилизаций по прямой, зигзагу или эллипсу ввел понятие «цивилизационных волн», которые сталкиваются и перекрывают друг друга:

первая волна – изменения в культуре, связанные с переходом от охоты и собирательства к земледелию, - двигалась более 9 тысячелетий;

вторая волна – трансформации, вызванные переходом от земледелия к промышленному производству, - около 300 лет;

третья волна, поднятая переходом от промышленного к информационному обществу, который, как надеется Тоффлер, преодолеет разрыв между производителем и потребителем, возможно, будет продолжаться несколько десятилетий.

Следуя за Л.Э. Уайтом, Тоффлер также учитывает важную роль для цивилизационных волн используемой энергии. Первая волна пользовалась возобновляемыми источниками энергии: мышечной силой человека и животных, энергией солнца, ветра и воды. Вторая волна стала извлекать энергию из ископаемого топлива (угля, нефти, газа), которое невосстановимо. Если первая волна к настоящему времени исчерпала себя, то вторая, достигшая своего гребня после второй мировой войны, продолжает распространяться.

Некоторые неоэволюционисты пересмотрели ряд ключевых положений классического эволюционизма. В частности, Джулиан Стюард (1902-1972) указал на то, что развитие культуры многолинейно. Эволюция включает в себя специфические и общий потоки. С одной стороны, каждый этнос, приспосабливаясь к совершенно определенной среде, создает своеобразные культурные формы. С другой, стороны, происходит взаимодействие этносов, в результате которого отбираются самые перспективные культурные элементы. Так осуществляется общая культурная эволюция, которая не совпадает с развитием ни одного из этносов. Кроме того, неоэволюционисты признали, что ведущая роль внешней цивилизации (технологии и хозяйства) имеет только вероятностный характер. Технологические новации статистически более часто изменяют характер общественной жизни, политические, правовые и моральные - реже, а идеологические - еще реже.

Проведя различие между общей и специфическими линиями эволюции, неоэволюционизм попытался освободиться от тенденциозности классического эволюционизма. Было признано право каждого этноса на самобытное культурное развитие. Но если проанализировать признаки самого перспективного в эволюционном отношении «модернизированного» общества, такие как наибольшее количество энергии на душу населения, минимальная зависимость от среды, сложная и подвижная организационная структура, разветвленное разделение труда, универсальное право, демократическая система управления и т.п., то мы обнаружим, что основное

направление «общей эволюции» намного больше совпадает с развитием западной цивилизации, чем какой-либо другой.

2. Цивилизационный подход к проблеме исторического развития культуры

Во второй половине XIX в. появляется цивилизационный подход к развитию культуры. Его основоположником стал русский ученый Николай Данилевский (1822-1885). Содержание подхода впервые изложено в его книге «Россия и Европа» (1871).

Исходной для Данилевского служит идея о том, что в развитии культуры, как и в биологической эволюции, действуют две независимые тенденции: не только последовательное совершенствование, но и достижение **максимального разнообразия**. Ч. Дарвин и следующие за ним эволюционисты явно недооценивали значение второй тенденции. Благодаря ее действию, множество самостоятельных культурных организмов возникают, развиваются, достигают стадии цветения и плодоношения, а потом истощают свои внутренние силы и гибнут. Они отличаются друг от друга не столько *степенью*, сколько *типом* развития. Отдельный культурный организм, который Данилевский, следуя за немецким историком Г. Рюккертом, называет «*культурно-историческим типом*», характеризуется особенными способами религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного и художественного развития.

Культурно-исторический тип создается племенем или семейством племен, говорящих на одном или нескольких родственных языках. В своем поступательном развитии культурно-исторический тип может пройти три стадии: этнографическую, государственную и цивилизованную. В *этнографический* период происходит формирование особенностей ума, воли и чувств через язык, мифологию и формы быта (отношения людей к природе и друг к другу). На *государственной* стадии народ или группа народов создает единую и независимую от других политическую организацию: унитарное или федеративное государство либо союз государств с одной и той же или родственными правовыми системами. *Цивилизацией* Данилевский называет ту стадию развития, когда народ, выйдя из бессознательной этнографической формы быта, проявляет свою духовную деятельность в науке и искусстве, в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Этнографический период длится долгие тысячелетия, в течение которых накапливаются творческие силы. Цивилизованный период более краткосрочен и завершается исчерпанием творческой активности, после чего наступает либо *апатия самодовольства*, либо *апатия отчаяния*.

Цивилизация тем богаче, чем более разнообразны и независимы составляющие их элементы, ибо ценностные основы одного исторического типа не могут передаваться народам другого. Каждый тип вырабатывает их для себя сам. Принимать в себя от других цивилизация может только то, что

лежит вне сферы народности: выводы и методы позитивной науки, технику и технологию.

Многообразие культурно-исторических типов у Данилевского не исключает, как видим, их глобальной оценки по степени продуктивности. Не все народы могут достичь государственной и, тем более, цивилизованной стадии. Некоторые из них выполняют в истории чисто негативную, разрушительную роль. По Данилевскому – это «бичи Божьи», которые призваны стереть с лица земли те культурные организмы, какие далеко зашли в собственном разложении. К таким «бичам» он относит гуннов, монголов, турков. Другие народы самобытной цивилизации создать не могут, но выполняют конструктивную роль тем, что служат материалом для более развитых культур, увеличивая их разнообразие.

Всего в человеческой истории стадии цивилизации достигли 10 оригинальных культурно-исторических типов:

1) ***египетский***,

2) ***китайский***,

3) ***ассирийско-вавилоно-финикийский***, халдейский, или древне-семитический (Ассирия, Вавилон и Финикия),

4) ***индийский***,

5) ***иранский***,

6) ***еврейский***,

7) ***греческий***,

8) ***римский***,

9) ***ново-семитический***, или аравийский,

10) ***германо-романский***, или европейский.

Еще 2 типа приближаются к стадии цивилизации: ***славянский*** и, возможно, ***новоамериканский***.

Друг от друга эти цивилизации отличаются особенностями и степенью общих форм («разрядов», как их называет Н.Я. Данилевский) культурной деятельности. Всего таких разрядов четыре:

религиозная деятельность – отношение человека к Богу как основа нравственности;

собственно культурная деятельность, которая включает в себя теоретическое (научное), эстетическое (художественное) и техническое (промышленное) отношение к внешнему миру;

политическая деятельность – отношения людей между собой как членов одного народного целого и народов друг к другу;

общественно–экономическая деятельность – отношения между людьми применительно к условиям пользования вещами..

Первые пять культурно-исторических типов, по Данилевскому, носили подготовительный характер. Основные разряды культурной деятельности в них еще не обрели достаточной самостоятельности, развивались в синкретическом единстве. Существовал своеобразный симбиоз религии, науки, искусства, политики и хозяйства. Следующие четыре типа были «односоставными». В них заметно преобладал какой-либо один разряд

культурной деятельности: у евреев – *религия*; у греков – собственно культурная деятельность, особенно *художественная*; у римлян – *политика* и т.д. Десятый культурно-исторический тип развил параллельно два разряда деятельности: *политический* и *собственно культурный*, но уже достиг пределов своего развития и начал разлагаться. Наоборот, славянский тип вступает в период творческого расцвета. Он призван создать уникальную цивилизацию – гармонически развивающую все четыре разряда культурной деятельности.

В конце XIX в. по поводу идей Н.Я. Данилевского в России развернулась острая полемика. Их поддержал Константин Леонтьев, но в числе противников оказались еще более весомые фигуры, в первую очередь Владимир Соловьев. Славянофильская подоплека споров для нас сейчас малоинтересна. Она не очень отличается от той «ржаной каши», которую упоминал Н. Трубецкой, критикуя классический эволюционизм. Прогноз о гармоничной цивилизации не подтвердился и по сей день. Еще в меньшей степени сбылись пророчества о разложении европейской цивилизации. В отношении славян не работает один из главных выводов теории культурно-исторических типов о том, что ценностные основы одной цивилизации не могут быть восприняты другою. Православная религия большинства славян приобретена как раз путем заимствования от Византии. Западноевропейский крайне предвзято толкуется не как самостоятельное религиозное направление, а как симптом разложения католицизма. В целом создается впечатление, что Н.Я. Данилевский отверг однолинейность классического эволюционизма только на словах, ради того чтобы возвысить славянскую цивилизацию над германо-романской. В оценке китайской и индийской цивилизаций он не менее тенденциозен, чем эволюционисты XIX в. Серьезные возражения вызвал и перечень цивилизаций. Не указаны веские причины для выделения именно этих, а не каких-либо иных культурных типов. Почему, например, лишена самостоятельного значения Византия, по территории и населению мало уступавшая Риму или Греции?

В России цивилизационный подход после Данилевского развивали К. Леонтьев и «школа евразийцев» (Георгий Флоровский, Лев Карсавин, Николай Трубецкой, Петр Савицкий и др.). Радикальную форму он приобрел в теории этногенеза Льва Гумилева. С его точки зрения, субъектом культурного развития является каждый этнос. Он создает своеобразную материальную культуру: сумму орудий, предметов быта, вооружений, - и духовную культуру: стиль в искусстве, способ восприятия прошлого, характер фиксации знаний и т.п. Этнос развивается около 1500 лет, проходя следующие стадии:

1) подъем,
2) акматическую стадию (фазу наивысшего расцвета),
3) надлом,
4) инерционную стадию,
5) стадию обскурации (постепенного забвения культурного наследия).

На стадии подъема складывается оригинальная культура. На следующей стадии она отодвигается на второй план, ибо наступает «пассионарный перегрев» - слишком высокая активность, а для творчества необходим душевный покой. В надломе и инерции культура еще может развиваться, но в обскурации сил едва хватает только на сохранение традиций. Пройдя эти пять стадий этнос либо гибнет, либо становится реликтом. Подобно биологическим организмам культуры погибают от рака, если в них внедряются «антисистемы» - общности людей, ненавидящих жизнь.

Через полвека после выхода в свет книги Н.Я. Данилевского сходные идеи развил Освальд Шпенглер (1880-1936) – учитель математики и истории в гимназии Гамбурга. В 1918 г. был опубликован первый том его книги «Закат Европы» («Untergang des Abendlandes»), в 1922 г. – второй том.

Культура здесь понимается как необходимое порождение души, сплотившегося в народ коллектива людей. Уникальность народной души есть основание неповторимости культуры.“У каждой культуры есть свои собственные возможности выражения, возникающие, зреющие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой сути своей друг от друга отличные, пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной жизненной длительностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти. Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гете, а не к мертвой природе Ньютона”[5]. Каждый культурный организм, как система верований, художественных образов, характерных сооружений и социальных институтов, вырастает на определенном ландшафте и выражает его особенности.

Зародышем этого организма служит **первосимвол**, из которого строятся все культурные «органы» и «ткани». Символ вообще – это важнейшее средство, через которое душа выражается и опредмечивается в культуре. Благодаря символам человек сообщает внешнему миру содержание собственного «Я». Так складывается мировоззрение, лежащее в основе всякой культуры. Простейшим выражением мирочувствования является, например, *орнамент*. Во всяком символе, как считает Шпенглер, сквозит осознание смерти и стремление преодолеть ее.

Культура - это воплощение первосимвола народной души в деянии, образе и слове, Для греческой души, например, таким первосимволом выступает *чувственно наличное отдельное тело*, для западноевропейской – *чистое бесконечное пространство*. На основе телесного первосимвола в античной культуре возникли изваяния нагого человека, живопись, отделяющая тела резкими линиями и контурами; поэтический гекзаметр; чувственные культы

[5] Шпенглер О. Закат Европы. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 31-32

олимпийских богов; отделенные друг от друга полисы, идея необоримой судьбы, выразившаяся в мифе об Эдипе; механическая статика и стереометрия как образцы научной теории. Западный первосимвол разворачивается через образы Мадонны, музыкальное искусство фуги; живопись, которая при помощи перспектиы, света и тени творит пространства; рифмованную поэзию; католическо-протестантскую догматику; великие королевские династии; идею судьбы, выразившуюся в трагедии шекспировского короля Лира; гегелевскую диалектику и математический анализ Лейбница-Ньютона.

Народ творит культуру, пока в нем не угаснет созидающая сила. Культура вырождается после того, как душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и т.п. Существование культуры – это страстная борьба за утверждение идеи против внешнего хаоса и внутренней бессознательности. Эта борьба примерно за 1000 лет проходит четыре стадии: детство (весну), молодость (лето), зрелость (осень) и старость (зиму). Когда идея осуществлена, культура становится цивилизацией.

Цивилизация – это высшая и последняя стадия культуры, ее старость, или зима. На этой стадии культурные формы достигают окончательного завершения, поэтому происходит окостенение и разложение культуры.

Признаки наступления цивилизации:

- патриархальные, *почвенные* связи вытесняются *городскими* отношениями;
- происходит замена *патриотизма космополитизмом*, любовь к Родине национальным безразличием;
- *деньги* замещают собой плодородие земли и другие ценности *традиционного уклада*;
- *религиозное чувство* подавляется *абстрактным мышлением*, холодным скепсисом в качестве его вершины;
- *родительские* привязанности и чувства уступают место *сексу*;
- *физическая культура* сменяется *спортом*.

“Вместо мира – *город*, одна *точка*, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа – новый кочевник, паразит, житель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству (и к его высшей форме – провинциальному дворянству),”[6] – так характеризует Шпенглер общество и человека на стадии цивилизации. Вся культурная жизнь на этой стадии концентрируется в «мировых городах» типа Рима, Парижа, Лондона и там неудержимо умирает. “Мировой город – это означает космополитизм вместо «отечества», холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве

[6] Там же. С. 49

окаменелых остатков прежней религии сердца, «общество» вместо государства, естественные права вместо приобретенных”[7]. Народы, достигшие этой цивилизационной стадии, превращаются из увлеченных созидательной деятельностью наций в массу потерявших корни «феллахов», исповедующих принцип «ubi bene, ibi patria» («где хорошо, там и родина»).

В истории были разные культуры: вполне созревшие, умершие в расцвете, неразвившиеся, заглохшие в зародыше. «Высоким» предшествовали примитивные культуры, в которых массы людей еще не составляли народа, а мифы, обряды, зачатки техники и искусства существовали изолированно друг от друга. С возникновением высокой культуры все это связывается в единство.

Вполне созревшими Шпенглер считал 8 высоких культур:

египетскую,
китайскую,
вавилонскую,
египетскую,
индийскую,
античную, или аполлоновскую,
магическую (Арабский Восток и Византия),
западноевропейскую, или фаустовскую,
майянскую.

Особо Шпенглер выделил ***русско-сибирскую*** культуру, которая развивалась на своей собственной основе до реформ Петра I, а потом была насильственно втиснута в чуждые ей формы фаустовской культуры. “На просторах страны, не имевшей городов, заселенной крестьянством, разрослись, словно опухоли, города чуждого стиля. Они были насквозь неестественными и ложными”[8]. Октябрьская революция 1917 г. была вызвана стремлением народа вылечиться от болезни «псевдоморфоза» - принятия чуждой формы. Зрелости не достигли хеттская, персидская и культура кечуа (инков).

История культур – это осуществление возможностей, заложенных в каждой из них. Уподобив отдельные культуры организмам, Шпенглер заведомо преувеличил их внутреннее единство и, как следствие этого, отверг единство человеческой культуры в целом. Отсюда вытекает его идея о взаимной непроницаемости культур, невозможности плодотворного контакта между ними, неизбежного старения и гибели каждой из них. Будучи знаковой системой, культура не может вырастать из одного символа как своего семени, как и, например, язык не может возникнуть из одного единственного слова. Она обязательно пользуется какой-то совокупностью символов, которые можно комбинировать, создавая из них новые. Такое творческое комбинирование и позволяет культуре заимствовать элементы других культур и органично включать их в собственную систему, а потому развиваться безгранично.

---

[7] Там же. С. 50
[8] Там же. С. 916

Одним из коренных недостатков теории О. Шпенглера было признано отрицание преемственности в развитии культур. Английский ученый Арнольд Тойнби ((1889-1975) попытался показать, что цивилизационный подход совместим с преемственностью культурного развития. В многотомном сочинении «Постижение истории», над которым он работал с 1934 по 1961 гг., дан самый развернутый вариант цивилизационного подхода.

Развитие культур объясняется с помощью теории «Вызова и Ответа». Моргановскую схему трех стадий культурного развития: дикости, варварства и цивилизации, - Тойнби наполняет новым содержанием. Первоначально существуют примитивные *бесписьменные культуры*. В них знания и образцы поведения передаются из поколения в поколение через *подражание* старшему поколению и умершим предкам; поведение людей всецело регулируется обычаем. Такие культуры могут существовать до тех пор, пока не столкнутся с **Вызовом** - резким изменением условий жизни. Вызов может разнообразным: суровость природно-климатических условий, необходимость осваивать новые земли, нападение или постоянное давление со стороны соседних народов, ущемление какой-то части народа другой его частью. В любом случае Вызов требует особого напряжения усилий, на которое способны далеко не все примитивные общества. Многие из них просто гибнут, но в некоторых из них появляется «творческое меньшинство», которое способно дать **Ответ** на Вызов. Оно создает новый способ хозяйствования, иную политическую организацию и религию. Так было, например, в IV тыс. до н.э. в Афроазийской степи, когда в ответ на засуху египтяне и шумеры перешли от охоты и собирательства к земледелию, создали централизованное государство и обожествили правителей. В результате подобных мутаций появляются независимые *цивилизации*. Подражание в цивилизованных обществах направлено не на старших, а на способных к творчеству – новаторов. Такие цивилизации существуют до тех пор, пока не потеряют способность к самоопределению. Если это уже произошло, они разрушаются под ударами *варваров*, располагающихся у их границ и неуклонно перенимающих их вооружение и способы ведения войны. Варварство является переходным и непрочным состоянием культуры, ибо оно возможно только благодаря паразитированию на соседних цивилизациях. А. Тойнби называет варваров «внешним пролетариатом», противопоставляя их внутреннему пролетариату – тем социальным слоям в цивилизованном обществе, которые отчуждены от «правящего меньшинства». Внутренний пролетариат способен создать собственную религию, которая является основой для его консолидации. Это второй способ возникновения цивилизаций, каковым, например, западная цивилизация появилась на свет из античной, благодаря вселенской религии христианства. Дочерние *цивилизации* рождаются из материнских на основе церквей, которые формируются в недрах прежней религии, но обретают самостоятельность, а потом и государственную власть.

Человечество, благодаря инерции, задержалось на стадии примитивных культур около 300 тыс. лет. Первые цивилизации появились примерно 6 тыс.

лет назад. Развитие цивилизаций определяется отношениями между тремя названными социально-политическими силами: правящим меньшинством, внутренним и внешним пролетариатом. Пока эти отношения гармоничны, цивилизация развивается поступательно. Критерием поступательного развития выступает не совершенствование технологии, а согласованность частей целого. Утрата этого качества ведет к надлому цивилизации. Надлом происходит, по Тойнби, в том случае, когда творческое меньшинство оказывается не в состоянии дать Ответ на новые Вызовы. Для человечества в целом характерен прогресс в овладении нечеловеческой природой (т.е. в технологии), но в нравственном отношении, в овладении собственной природой (в развитии свободы и совести) люди не становятся лучше, а для жизнеспособности цивилизации это особенно важно. Поэтому многие цивилизации погибли, иногда даже не дойдя до развитых форм.

Задача выделения цивилизаций оказалась очень не простой. Первоначально Тойнби ограничился перечнем 21 цивилизации. К окончанию многолетней работы над книгой «Постижение истории» перечень значительно расширился. В него вошли 34 культурных организмf, в большей или меньшей степени достигшие цивилизованности:

I) Расцветшие цивилизации

А. Независимые цивилизации

а) обособленные

1) месоамериканская (майя, тольтеки, ацтеки и др. народы Центральной Америки),

2) андская (инки);

б) независимые необособленные

3) шумеро-аккадская,

4) египетская,

5) эгейская (о-ва Эгейского моря Лемнос и Крит, Пелопоннес в III-II вв.до н.э.)

6) индская (Хараппа и Мохенджо-даро в III-II вв.до н.э.),

7) китайская;

в) дочерние цивилизации второго поколения

8) сирийская (Сирия, Финикия, Палестина, Иран в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э.),

9) эллинская (Древняя Греция и Рим),

10) индийская;

г) дочерние цивилизации третьего поколения

11) православная христианская (Византия),

12) западная,

13) исламская.

Б. Цивилизации-спутники

14) миссисипская (индейская - в бассейне Миссисипи),

15) юго-западная (индейская - на юго-западе США),

16) северная андская (индейская - на территории совр. Чили и Аргентины),

17) южная андская (индейская - на территории совр. Эквадора и Колумбии),

18) эламская (в Месопотамии),

19) хеттская (в Малой Азии),

20) урартская (в Закавказье),

21) иранская,

22) корейская,

23) японская,

24) вьетнамская,

25) италийская (этруски, латины и др. народы Апеннинского п-ва в I тыс.до н.э.),

26) юго-восточно-азиатская (Индонезия, Малайя и др.),

27) тибетская,

28) русская.

II. Недоразвившиеся цивилизации

29) первая сирийская (ханаанцы, амореи и др. народы Финикии, Палестины и Сирии III-II тыс.до н.э. до захвата их Египтом),

30) несторианская (несторианские христиане-айсоры Месопотамии и Курдистана до завоевания арабами),

31) монофизитская (христиане-монофизиты Египта, Армении, Эфиопии до включения в Арабский халифат)

32) дальнезападная христианская (в Ирландии с V по XVII вв.),

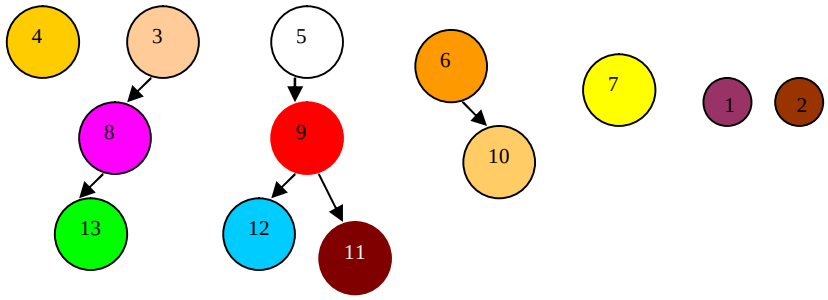
33) скандинавская,

34) западноевропейская средневековая[9].

В этой итоговой классификации Тойнби подразделяет цивилизации по нескольким основаниям. Во-первых, по степени развития они делятся на I) и II) недоразвившиеся. Во-вторых, по степени самостоятельности они могут быть А) независимыми, Б) цивилизациями-сателлитами (спутниками), которые восприняли основы от какой-либо из независимых цивилизаций. Так, русская цивилизация (28), по Тойнби, следовала сначала византийским, а потом западным образцам. В-третьих, по характеру связи с другими цивилизациями выделяются а) обособленные, т.е. не произошедшие от более древних и не порождающие новых; б) независимые необособленные, т.е. не происходящие от более древних, но дающие жизнь новым; в) дочерние цивилизации второго поколения, т.е. имеющих одно поколение предков; г) дочерние цивилизации третьего поколения – имеющие два поколения предков.

[9] См.: Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 724-725; Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 247-249

Линии родственных связей между независимыми цивилизациями можно прочертить так:



Под давлением фактов и критики А. Тойнби вынужден был признать, что дочерняя цивилизация может иметь не одного, а двух и даже четырех родителей. Западная и православная христианская, например, ведут свою родословную не только от эллинской, но и от сирийской, а сирийская – от шумеро-аккадской, египетской, эгейской и хеттской.

Несмотря на все исправления и уточнения, вопрос о том, какие цивилизации следует считать основными, остается открытым. После А. Тойнби к нему обращались многие западные авторы: Ф. Бегби, К. Квигли, Ф. Бродель, У. Макнилл, Л. Хартц, М. Мелко, С. Хантингтон и др. Самюэль Хантингтон, например, признает 7 исчезнувших цивилизаций: месопотамскую, египетскую, критскую, классическую (античную), византийскую, центрально-американскую, андскую, - и 8 продолжающих существовать: синскую (цивилизацию Китая и родственных ему стран), японскую, индуистскую, исламскую, западную, латиноамериканскую, православную и африканскую, которая находится в стадии становления. От тойнбианского списка независимых цивилизаций этот вариант отличается введением трех новых систем (японской, латиноамериканской и африканской), изъятием сирийской, объединением индской и индуистстской цивилизаций в одну. Достаточно широко употребляется квалификация современных цивилизаций, принятая ЮНЕСКО:

европейская и североамериканская,
дальневосточная,
арабо-мусульманская,
индийская,
тропически-африканская,
латиноамериканская.

Особую остроту в современной мире приобрела проблема взаимоотношения цивилизаций. Традиционная идея о противостоянии Востока и Запада давно уже не соответствует политическим и культурным реалиям. Термин «Восток» складывался в рамках «европоцентризма». Под него подвели все культурные системы, так или иначе отличающиеся от европейской и североамериканской. Сегодня этот термин во многом стал пустой абстракцией и штампом средств массовой информации. Исламская,

китайская, индийская, японская, русская православная цивилизации настолько сильно отличаются друг от друга, что говорить об их общности можно говорить только в уничижительном смысле, скрыто предполагая их неполноценность по сравнению с западной. Культурный мир все больше теряет свою биполярность и становится сложной системой со многими центрами, ведущими интенсивный диалог друг с другом.

Основной недостаток цивилизационного подхода состоит в игнорировании принципиальной разницы между культурными и биологическими организмами и, наоборот, в преувеличении культурных различий между народами. В пределе то и другое соприкасается с расизмом. Вывод о взаимонепроницаемости культурных систем все более противоречит исторической реальности. Поэтому явное противостояние характерно для классических вариантов эволюционизма и учений о самобытных, замкнутых культурах. Современная культурология настойчиво ищет промежуточные решения, свободные от крайностей эволюционного и цивилизационного подходов. Главным ее итогом можно считать выделение двух относительно самостоятельных факторов в истории мировой культуры: 1) **эволюции** отдельных культурных организмов как их развития на собственной основе путем включения старых культурных продуктов в новые более обширные системы и 2) **встречи** различных культур, результатом которой является опосредование и образование новых систем.

Литература

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Книга, 1991

Ионов И.Н. Империя и цивилизация (Идеи и догадки Н. Данилевского в сравнительно-историческом освещении)// Общественные науки и современность. 2003, № 2

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 152-158, 173-175

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 35-64

Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 42-125

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 265-424

Трубецкой Н. Европа и человечество// Русский мир. Геополитические заметки по русской истории. М.: ЭКСМО – СПб.: Terra Fantastica, 2003

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 46-112

Хачатурян В.М. Теория культурно-исторических типов Н. Данилевского: логика и противоречия// Общественные науки и современность. 2003, № 2

Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 149-177

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 29-98

Тема 2. Погибшие культуры Древнего Египта и Месопотамии

Первые цивилизации возникли в долинах великих рек: Нила – Египет, Тигра и Евфрата – Шумер и Аккад, Инда – Индия, Хуанхэ – Китай. Крупные реки с множеством притоков – это естественная система сообщения. Она позволяет связать в одно целое людей, проживающих на огромной территории. Водными путями устанавливалась единая политическая власть и духовная общность – вера в одних и тех же богов, признание одних и тех же символов. До сих пор не решена проблема, где возникла первая цивилизация: в Месопотамии или в Египте. Целесообразнее поставить эти цивилизации в равное положение, начав их историю с IV тысячелетия до н.э.

1. Египетская культура

Египетская цивилизация относится к числу погибших. Она просуществовала более трех тысячелетий, потом была завоевана и насильственно присоединена к Древнему Риму. В 30 г.до н.э. вместе со смертью последней египетской царицы Клеопатры Египет окончательно потерял самостоятельность, превратившись в одну из римских провинций. После IV в. н.э. никто больше не писал египетскими иероглифами, а потом исчезли и люди, способные их читать. Древнеегипетский язык, принадлежащий к семито-хамитской семье неностратических языков, постепенно трансформировался в коптский, который сохранился сейчас только в культовой практике коптов – отдаленных потомков древних египтян, исповедующих монофизитское христианство. От того, что некогда было великим и могучим целым, осталось только собрание фрагментов: сооружений, статуй, настенных рельефов и росписей, текстов религиозного и политического содержания, доступных прочтению только с XIX в.

В истории египетской цивилизации принято выделять следующие этапы:

2) *додинастический период* – до 3000 г. до н.э.;
3) *Раннее Царство* – до 2778 г. до н.э.;
4) *Древнее Царство* – до 2222 г. до н.э.;
5) *Среднее Царство* – до 1600 г. до н.э.;
6) *Новое Царство* – до 1200 г. до н.э.,
7) поздний период – до гибели египетской цивилизации.

С этой периодизацией соотнесена история развития египетского языка. Додинастическому периоду, Раннему и Древнему Царствам соответствует *староегипетский* язык; Среднему Царству – *среднеегипетский*, или классический; Новому Царству – *новоегипетский*; позднему периоду – *демотический* язык.

Природную основу египетской цивилизации заложил Нил. На берегах Нила были построены крупнейшие египетские города: Хет Ка Птах (Мемфис), Уаст или Уасет (Фивы), Оуну (Гелиополь), Бехдет (Эдфу) и др. Ежегодные разливы великой реки стали причиной развития мелиорации – орошения и осушения земли. Строительство каналов, плотин и дамб, поддержание их в рабочем состоянии превращало большие территории в

единое политическое и культурное пространство. Египетские «номы» (области) изображались в виде земли, разделенной каналами на прямоугольные части – подобно игральной доске. Символ культуры как возделанной земли восходит, таким образом, к Египту.

Каждый ном персонифицировался в определенном боге. Собственный бог был к каждого города: У Мемфиса – **Пта**, у Гелиополя – **Атум**, позже **Ра**, у Фив – **Монсу**, позднее **Амон**, у Эдфу – **Гор** и др. Но цивилизация как целое возникает только тогда, когда появляются символы и ценности, общие для всех, когда в сознании множества разных людей и племен складывается образ единства. Одним из таких образов стал Хапи, бог Нила, который почитался во всех номах и городах. В гимне он представляется несущим урожай, жизнь и процветание всей стране:

Слава тебе, Хапи!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтоб оживить Египет.
Бог его таится, подобно мраку,
Среди дня, когда слуги воздают хвалу ему.
Он орошает поля, созданные Ра,
Чтобы дать жизнь каждой козе;
Он поит и пустыню и сушь, -
Ведь это его роса падает с неба…
(Пер. А. Ахматовой).

Река, текущая с юга на север, связывала номы и города в единое целое. Такая же роль отводилась и солнцу, которое персонифицировалось в образах богов Ра, Амона и др. Течению реки уподоблялось движение солнца по небосводу. Оба они вместе моделировали Вселенную египтян, определяли ее пространственную и временную структуру. Земной реке соответствовала небесная, по которой с востока на запад движется солнце в дневное время, и подземная, по коей оно плывет ночами в обратном направлении. Область, где заходит солнце, называлась «Поле даров», или «Поле отдохновения»; восходило оно на «Поле тростника», в своеобразном египетском раю. Восточная часть мира считалась местопребыванием богов и царей, западная – обиталищем мертвых. Периодические разливы Нила и движения небесных тел в их взаимосвязи стали основой для деления времени, составления годовых и месячных циклов.

За долгие тысячелетия своего существования египетская культура развернула множество форм. Но, вместе с тем, она представляла некое единство. В основе этого единства лежали не только образы Нила и солнца как божеств, несущих благо всем египтянам, но еще две идеи, две коренных ценности и соответственно два символа: **власти** и **вечности**. Идея власти предполагала победу над противниками, идея вечности – над смертью.

Правда, оценивая давно исчезнувшую культуру, мы можем проявить односторонность, поскольку имеем дело только с тем, что сохранилось в веках, и лишены возможности видеть ее живые, текучие формы, которые могли быть альтернативными по отношению к заботе о власти и личном бессмертии. Тем не менее, мы вынуждены ограничиться имеющимся материалом, а он вполне определенно свидетельствует о преобладании названных идей.

Власть понималась как высшее объединяющее начало. Очевидно первыми правителями были племенные вожди, потом главы областей, за ними появились цари Верхнего и нижнего Египта, а в 3000 г. до н.э. произошло объединение обоих царств. Правитель обладал достаточной силой, чтобы отразить нападение врагов и удерживать поведение своих подданных в определенных рамках. Показательно, что графическими символами власти у египтян были крюк «**хека**» и жезл «**уас**».

С этим жезлом в руке изображались обычно боги мужского пола. По одной из версий, в уасе заключена магическая сила древнего демонического животного. Верхняя его часть отдаленно напоминает морду и уши собаки или лисицы. Соответствующий иероглиф означал «счастье». Но судя по его форме можно допустить и другое – что уас восходит к остроге, орудию которое позволяет держать под контролем покоренное существо.

Соизмеримое с ним место в египетской культуре принадлежало графическому символу «**анх**» - «кресту с ушком», который символизировал неизменное восхождение солнца после его заката, т.е. вечную жизнь.

Этот символ представлял собой синтез двух других универсальных символов: креста и круга. В нем мыслилось соединение противоположностей Осириса и Исиды, мужского и женского, небесного и земного. Дополнительно с этим символом связывалось представление о ключе, которым можно открыть ворота смерти.

Из соединения этих идей вытекает тесная связь между внутренней цивилизацией и религией Египта. Египетский мир представлял собой нисходящую иерархию: ***боги – царь – мертвые – люди***. Существа, находящиеся на этих ступенях, отличаются друг от друга степенью приобщения к власти и вечности.

Боги. Боги были символическими персонификациями определенных единств в системе мироздания: родоплеменных и территориальных общностей, небесных тел, природных стихий (воды, воздуха, ветра и пр.), различных животных и растений. Каждый бог властвовал над тем единством, которое он олицетворял. Хапи, например, контролировал все движения Нила от истока до дельты, в половодье и при спаде воды, ибо он и был этими движениями; Ра – движения солнца и все то, что как-либо от него зависит.

Мощью своей боги намного превосходили людей. Единственным ограничением власти каждого бога над миром была мощь других богов. Божественные силы иногда вступали в смертельную борьбу друг с другом: Ра еженощно сражается со змеем Апопи и другими силами тьмы, Гор боролся с Сетхом и т.п. Борьба может завершиться изгнанием и даже смертью побежденного. Поскольку одним богам противостоят другие, все они нуждаются в содействии людей. Это содействие состояло в жертвоприношениях и других формах заботы, словесных восхвалениях, а также в символическом участии людей в божественных сражениях. Многие

ритуалы и мистерии Египта имели форму агона – состязания между участниками, одни из которых представляли, например, соратников Гора, а другие – Сетха. Такие ритуальные схватки всегда заканчивались победой сил добра над силами зла. Победившие боги вознаграждали своих человеческих соратников земными и загробными благами, т.е. уделяли им какую-то долю власти и вечности.

Религиозно-мифологическая система Египта весьма сложна и запутанна. Культы одних богов со временем сменяли собою другие, и образы новых богов, выдвигаясь на передний план, оттесняли или поглощали образы прежних. Одним из наиболее влиятельных оказалась учение о происхождение богов, развитое жрецами Гелиополя. Линия богов начинается здесь с солнечного бога **Атума,** впоследствии отождествленного с богом Ра.

Проглотив собственное семя, он произвел на свет божественных близнецов **Шу** (Воздух) и **Тефнут** (Влагу). От этой пары родились **Геб** (Земля) и **Нут** (Небо). Распределение функций между полами у египтян получилось необычайным: в подавляющем большинстве иных мифология небо олицетворено мужским богом, а земля – богиней. На иное распределение ролей оказала решающее влияние египетская грамматика, где чисто случайно слово «небо» оказалось женского рода.

Шу отделил их друг от друга, соорудив, таким образом, общий каркас мироздания.

От Геба Нут родила множество детей-звезд, проявив впоследствии странное обыкновение поедать утром собственных детей, чтобы вечером рожать их снова. Этим обыкновением объяснялась смена дня и ночи. Кроме того, Нут дала жизнь четырем важнейшим богам сначала Гелиополя, а потом и всего Египта: **Осирису** (Усири), **Сетху**, **Исиде** (Исе) и **Нефтиде**.

Двое из них Осирис и Исида познакомились и полюбили друг друга еще в материнском чреве. После рождения они стали мужем и женой. Исида – богиня плодородия, воды и ветра. Осирис – культурный герой Египта. Он дал его жителям законы, научил почитать богов, выращивать злаки и виноград. Сетх – бог знойного суховея пустыни – стал его антиподом, своего рода «трикстером». Снедаемый завистью, он с сообщниками устроил заговор против Осириса. Был сделан сундук или саркофаг точно по меркам Осириса и выставлен на собрании богов, чтобы проверить, кому он придется впору. Когда ничего не подозревающийся Осирис устроился в сундуке, заговорщики, как гласит одна из версий мифа, заколотили его и по Нилу сплавили в море. Безутешная Исида долго и напрасно искала его по всей стране. Ее любовь к пропавшему мужу была так сильна, что однажды, пролетая в образе сокола над телом мужа в плывущем сундуке, она забеременела и родила сына Гора. По другой версии, Сетх расчленил тело Осириса на 14 частей и разбросал по всему Египту. Исида терпеливо разыскала все эти части, кроме фаллоса, который стал пищей для рыб. В ответ на мольбы Исиды Осирис был воскрешен, но отказался от земной власти и стал повелителем Царства мертвых. Там он руководит «психостасией» - взвешиванием сердца каждого умершего, чтобы определить его загробную судьбу.

Сундук, где было спрятано тело Осириса, и дерево, в которое он врос, почитались египтянами как сакральный символ – *джед*.

Маленький Гор был воспитан в потаенном жилище из папируса. С тех пор это растение почитается как священное. Подросший Гор долго сражался Сетхом и одержал победу, став царем Египта. Сыновья Гора считаются владыками сторон света: Амсет в человеческом облике – юга; Хапи с головой обезьяны – севера; Дуамутеф с головой шакала – востока; Кебехсенуф с головой сокола – запада.

Цари. Уникальное место в мировой иерархии занимал царь. Обширное освоенное пространство требовало монолитной государственной власти. С этим связан один из важнейших феноменов египетской культуры – **теократия** (букв. с греч. «боговластие»). Первыми царями египтян считались настоящие боги, прежде всего, боги номов и городов. Царями Египта были общеегипетские боги Осирис и Гор. Древние цари считались воплощениями бога Гора. Иероглифически царское имя записывалось изображением сокола – сакральным символом Гора.

Египетская культура придавала огромное значение *слову* вообще, но особенно *имени*. Со времен V династии фараоны имели пять имен, каждое со своими собственными функциями: так называемые «имя Гора», «имя золотого Гора», «имя двух владычиц» (верхнеегипетской богини-грифа Нехбет и нижнеегипетской богини-змеи Уаджет), «имя царя Верхнего и Нижнего Египта», «имя сына Ра». Четвертое и пятое имена писали в *картушах* — замкнутых овалах, символизировавших вселенную, обходимую солнцем, над которой властвует фараон.

С выдвижением в центр культа бога Солнца – Ра царей стали представлять сыновьями этого бога. Согласно мифу, однажды ночью Ра посещает царицу, правда, приняв на этот случай образ ее земного супруга. Имена царей служили воплощениями особых сил и потому были символичны: Хааф-риа (Хефрен) означает «воссеивает оно, Солнце», Риа-масэ-са (Рамсес) - «рожденный Ра», Аман-хатпи (Аменхетеп) - «Амон доволен» и т. д. После упоминания о царе добавлялась формула вежливости: «(да будет он) жив, невредим, здрав!» Сами имена царя не произносились: его называли иносказательно: «он», «его величество», «Гор». Начиная с Дхут-маси (Тутмоса) III, правившего в XV в. до н. э., их называли *фараонами* – от словосочетания «per-aa», означающего «великий дом».

Верховный правитель становился важнейшей основой объединения египтян, получая от богов харизматическую власть. Он был вместилищем жизненной силы страны: растительного, животного и человеческого плодородия, - совершал ритуалы, благодаря которым сменялись времена года и начинались разливы Нила. Ему приписывалась способность ассоциироваться со многими из богов, даже противоположными по функциям. Благодаря “объединению космической и земной власти правитель становился одновременно и живой личностью, и бессмертным богом: рождаясь и умирая, как все прочие люди, он в то же время и возрождался, как его другое «я» - Осирис, - ибо могущество правителя обновлялось всякий день, как всякий день возвращается солнце, Ра-Атум, благополучно миновав ночь и вновь показавшись с востока”[10]. Живой царь был воплощением небесного или солнечного бога (Гора, Атума, Ра, Амона), умерший – Осириса.

[10] Мамфорд Л. Миф машины. С. 228

Египетский правитель был гарантом миропорядка («maat»)[11], солнцем, побеждающим тьму. Сияние царя было столь ослепительным, что теряли сознание те, кто неосторожно бросал на него свой взор. Отсюда вытекала необходимость ритуализации и регламентации жизни царей. Профанное и сакральное были для них нераздельны, божественная и человеческая сущность сливались в единое целое. При всей полноте власти, фараон не мог изменить что-либо в своем поведении по собственному желанию. Подобная регламентация стала одной из начальных форм этикета. Одно из центральных мест в религии Египта занимал ритуал «*хеб-сед*» («тридцатилетие»), призванный обновлять магическую силу фараона.

Умерший царь подвергался мумификации, а затем его хоронили в роскошной гробнице, причем церемония погребения сопровождалась сложнейшими обрядами. Смерть фараона понималась как его восхождение на небо и соединение с родителем. С его смертью возникала опасность нарушения мировой гармонии: ни Египет, ни мироздание в целом не могли существовать без преемника божественной власти. Нового царя встречали как возродившееся светило.

Культ умерших. Служение умершим – весьма важный и специфический момент рассматриваемой культуры. Возделывание человеческого в человеке вылилось у египтян в убеждение о многослойности человеческой природы.

Египетская культура не поднялась до философии в собственном смысле, и поэтому не был не только решен, но и поставлен вопрос о том, как соотносятся друг с другом различные слои или оболочки человека. Таких составляющих специалисты насчитывают 7: «ба», «ка», «ах» (привидение), «рен» (имя), сердце, тень и «сах» (мумифицированное тело)[12]. Ясного различия нельзя провести даже между первыми двумя, которые в текстах упоминаются наиболее часто. И «ба», и «ка» присущи как людям, так и богам. У Ра, например, 7 различных «ба» и 14 «ка». Такая множественность, вероятно, позволяла богам быть одновременно в нескольких местах и совершать несколько дел. В эпоху Древнего Царства возможность иметь «ба» и «ка» приписывалась только фараонам, начиная со Среднего Царства она распространяется на знать, а потом и на простолюдинов.

Главное назначение этих дубликатов – существование после смерти. Их культурный смысл заключается в том, что они лишь отчасти даны человеку заранее, а во многом создаются его собственными усилиями или заботой окружающих его людей. Будущей загробной жизни человек может лишить себя сам либо лишиться стараниями или небрежением других. Идейную основу погребального культа составляло стремление обеспечить вечную жизнь своему невидимому двойнику, который назывался «ка». Чтобы «ка» существовало вечно, развилась техника *мумификации*. Из усопших фараонов, а потом и представителей знати извлекали внутренности и мозг, тело обрабатывали специальными растительными и минеральными веществами. “Египетская мумия – это символ высочайшего значения. Увековечивали тело умершего и равным образом сохраняли длительность его личности, его «ка» при помощи портретных статуй, изготовлявшихся нередко во многих экземплярах, удерживавших связь с этой личностью при помощи очень глубоко понятого сходства”[13]. Перейдя в новое качество, человек испытывает

[11] Египетское слово «maat» означало порядок как противоположность хаосу и справедливость как верность обычаям

[12] См.: Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М.: Наука, 1976. С. 194

[13] Шпенглер О. Закат Европы. С.18

почти все те потребности, которые он имел в земной жизни. Ему требуется жилище, пища, питье, различные амулеты и обереги, даже слуги, которые будут выполнять вместо него необходимую работу. Возможно, в бесписьменной древности правителей хоронили вместе с их слугами, пока не нашли символических заместителей в виде «*ушебти*» - деревянных или глиняных «ответчиков», укладываемых в гробницу.

Существенным элементом египетской культуры была **забота** самого человека, его близких или подданных о будущем загробном существовании. Сущность этой заботы сводилась к тому, чтобы всеми возможными средствами противостоять небытию и забвению, т.е. растворению в физическом и духовном мире. Окончательный, бесповоротный переход в небытие – это величайшее зло для египтян. И возведение гробниц, и мумификация, и многое другое производилось ради того, чтобы сохранить целостность умершего. Египетская религия еще не проводила того резкого различия между душой и телом, которое так характерно для многих последующих религий. Человек не сводится к своей телесной оболочке. У него и духовная сущность («ба»), и символическая сущность (имя и титулы); но для загробной жизни необходимо сохранить и тело – именно это физическое тело, а отнюдь не освободиться от него, как излишней обузы. Египту чуждо одухотворение культуры, которое возникнет позднее – в мировых религиях буддизма и христианства.

Своеобразной формой диалога между живыми и мертвыми были письма к умершим. Их писали иератическими знаками на сосудах с пищей и питьем или на листах папируса, оставляемых в гробницах. Это были просьбы, например, излечить от болезней, иногда сопровождаемые угрозами прекратить заботу о покойнике или обещаниями ее усилить. И наоборот, от имени умерших делались «обращения к живым» с просьбами произнести магическую формулу, необходимую для существования после смерти.

Отношения между людьми. За рамками религиозного ритуала, власть фараона не знала границ. После объединения Верхнего и Нижнего Египта он полновластно распоряжался в любом из номов, которые входили в его царство, по своему произволу перемещал правителей из одного нома в другой. Ему подчинялся *верховный сановник (везир)*, бывший одновременно главным судьей и управляющим всеми отраслями хозяйства. Ниже его располагались *военачальники*. Духовная власть в стране осуществлялось через посредство жрецов, светская – чиновников («писцов»). Эти виды власти часто совмещались. До Нового Царства жречество как особое сословие не существовало.

В распределении социальных статусов сочетались принцип наследования по отцовской линии и принцип личной заслуги. Соотношение этих принципов колебалось в зависимости от возможностей царской власти. В периоды усиления централизации преобладал принцип заслуги, фараон лично формировал элиту, исходя из способностей и активности того или иного претендента. В периоды децентрализации возрастало значение наследования. На закате египетской цивилизации эта тенденция окончательно возобладала.

Семейная жизнь египтян строилась на основе моногамии, но с элементами полигамии у фараонов и высшей знати. Для тех и других обычным стал инцестуозный брак между братом и сестрой. Смысл его заключался в сохранении династической линии. Идейным обоснованием подобного брака служил миф об Осирисе и Исиде. Женщины обычно вступали в брак с 12 лет, мужчины с 15-17. Египетские женщины участвовали в общественной жизни и обладали многочисленными правами, которых были лишены женщины в других странах Древнего Востока.

Нравственность развивалась в тесной связи с магическими ритуалами. В загробном мире, где производилось «взвешивание сердца», человек должен был держать ответ перед 42 судьями, каждый из которых ведал определенным грехом. Некоторые из этих грехов перечисляются в «негативной исповеди» 125 главы «Книги мертвых»:

Я не совершил несправедливостей против людей;
я не был жесток к животным;
я не совершал грехов в Месте Истины;
я не пытался узнать то, что еще не стало;
я не был безразличен, видя зло;
мое имя не было сообщено водителю Ладьи;
я не богохульствовал; я не отнимал [ничего] у бедняка;
я не нарушал божественного табу;
я не вредил служителю в глазах его хозяина;
я не отравлял;
я не заставлял [никого] рыдать;
я не убивал;
я не приказывал убивать;
я никому не причинял страдания;
я не преуменьшал пищевые доходы храма;
я не портил хлеба для богов;
я не крал печенья [поднесенные] для умерших;
я не был педерастом;
я не предавался прелюбодеянию в святилище моего городского бога;
я не увеличивал и не уменьшал никаких мер;
я не увеличивал веса гири;
я не надувал на весах;
я не отнимал молока от уст младенцев;
я не лишал мелкий скот пастбища;
я не ловил птиц [предназначенных] богам; я не удил их рыбу;
я не устанавливал заслонов для [отведения] воды;
я не тушил горящего [на алтаре] огня;
я не нарушал мясной пост;
я не останавливал скот;
я не задерживал выхода бога [из храма].

Составители этого перечня грехов, очевидно, исходили из предпосылки, что избежать их всех нормальному человеку невозможно, и поэтому вооружали усопшего магическими средствами, позволяющими отвести от себя обвинения (например, настоящее его сердце священным жуком-скарабеем). Однако уже сама идея загробного наказания за подобные действия, идея о необходимости «чистоты сердца» свидетельствовала о **возвышении нравственного содержания религии**. Кроме того, магическая сила слова способствовала посмертному преображению человека, его очищению от греха и скверны. Вера в то, что богам угоден нравственный образ жизни во все времена выступала могучей силой развития культуры.

Нельзя исключить возможность влияния египетской «психостасии» на христианское учение о загробном воздаянии.

<u>Письменность и литература</u>. В рамках египетской религии родилась иероглифическая письменность. Слово «иероглиф», введенное в оборот христианским писателем Климентом Александрийским, в буквальном переводе с греческого означает «священная резьба». Это были знаки типа а) *идеограмм*, обозначающих конкретные предметы («воин», «глаз», «цветок», «солнце», «плуг», хлеб») и действия («бить», «летать», «идти», «есть», «плакать»), абстрактные понятия («правление», «старость», «юг», «прохлада»); б) *двусогласных фонетических знаков* («мс», «мн», «мр» и др.); в) *алфавитных знаков* («п», «м», «н» и др.), а также г) *детерминативов*, которые не озвучивались, но указывали на класс объектов, к которому относятся предыдущие иероглифы («мужчины», «деревья», «страны», «города» и т.п.).

Образец иероглифического письма:

млекопи-тающее животное | огонь | чужая страна | город | абстракция | женский род | множест-венное число

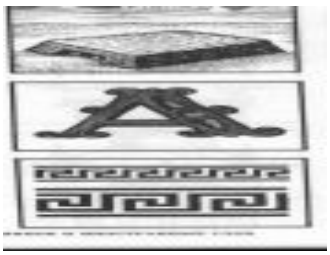
Умение читать и писать иероглифы принадлежало к эзотерическому слою культуры, поскольку держалось жрецами и писцами в строжайшей тайне. По косвенным данным, оно было доступно менее чем 1% жителей Египта.

Письменное слово предназначалось не столько для живых, сколько для мертвых. С Древнего Царства сложилась традиция помещать в гробницах вместе с телами умерших заупокойные тексты («саху»), необходимые, как предполагалось, для их преображенной жизни. Самым древним памятником письменности являются «Тексты пирамид» - заклинания и обрядовые формулы, запечатленные зеленой краской на внутренних стенах гробниц. Они относятся к Древнему Царству (XXVI-XXIII вв. до н.э.) и касаются только фараонов. К Среднему Царству (XXI-XVIII вв.) принадлежат «Тексты саркофагов», запечатленные на стенках деревянных ящиков, на стенах гробниц знатных людей и на трех отдельных папирусах. В начале эпохи Нового Царства на основе этих текстов составляется «Книга мертвых». Ее писали на свитках папируса, которые укладывали потом в гробницах. Окончательная редакция «Книги мертвых» появилась в VII в. до н.э., хотя количество ее глав и по сей день считается приблизительным (от 162 до 200). Кроме нее сохранились «Разговор разочарованного со своею душой» («ба»), «Повесть Петеисе III», «Рассказ Синухе», «Песнь арфиста» и другие тексты.

Иероглифические тексты создавались в так называемых «домах жизни», которые можно считать подлинными культурными центрами древнего Египта. Некоторые из этих текстов относятся уже, собственно, к сфере искусства, но применительно к древним цивилизациям, говорить о самостоятельных формах культуры: религии, науке и искусстве, - можно только со значительной степенью условности. Искусство возникло в рамках религии и почти исключительно ради сакральных функций.

Архитектура. Основные виды египетского искусства: скульптура, живопись, драматические представления, - разворачивались вокруг зодчества, предназначались для архитектурных сооружений и в тесной связи с ними. Первыми сооружениями египтян, очевидно, были жилища. Они строились из непрочных материалов – тростника, дерева, глины или глиняных кирпичей (кирпича-сырца). Камень употреблялся для более важных целей - погребений и культовых сооружений. Обыденная жизнь, которая изменчива и быстротечна, противопоставлялась загробному существованию, совершенно стабильному и уходящему в вечность.

Древнейшим погребальным сооружением была *мастаба*. Название дано впоследствии арабами, поскольку эти сооружения своей наземной частью напоминали скамьи.



Фасады некоторых мастаб I династии украшали скульптурными головами быков с естественными рогами. Подземная часть состояла из вертикальной шахты, уходящей в глубину от 3 до 32 м и ведущей в погребальную камеру.

Во времена I и II династий мастабы еще возводили из глиняных кирпичей. Позже появились *стелы* – каменные плиты, которые вмуровывали лицевой стороной вниз в потолок камеры над погребением. На этих стелах изображали умершего, его имя и титулы, а также продукты и приспособления для еды и питья. В дальнейшем каменные стелы переместились с потолка на стены погребальной камеры, постепенно превратившись в «ложные двери» в западной стене. При этом, вероятно, предполагалось, что усопший, изображенный над притолокой, будет выходить через эту дверь из погребальной камеры, чтобы отведать угощения, которое будут регулярно приносить в гробницу его живые родственники, и потому их также перечисляли и изображали на ложной двери. Погребальная камера была сориентирована по сторонам света: на западной ее стене изображалась колонна джед, на северной – ушебти, на восточной – шакал, на южной факел.

Из усложненной мастабы XXVIII в. до н.э. возникла ступенчатая пирамида Да-са (Джосера). Шесть ее ступеней поднимаются на высоту 60 м. Переход от ступенчатой к классической форме пирамиды происходит в том же веке при царе Санфара (Снофру), основателе IV династии. Самая крупная и знаменитая – пирамида Хуфу (Хеопса) в Гизе (XXVII в. до н.э.) – имеет идеальную геометрическую форму с квадратным основанием 233 м и высотой 146 м. Вход в пирамиду расположен на северной ее стороне. Подземная камера сориентирована на звезду α Дракона, которая в ту эпоху была полюсом мира. Рядом с нею расположены еще две пирамиды: Мин-куу-риа (Микерина) и Хааф-риа (Хефрена). Все они составляют единый ансамбль, точно ориентированный по сторонам света. В основу размеров положен принцип «**золотого сечения**», согласно которому отрезок делится на 2 части так, чтобы одна из них была во столько же раз больше другой, во сколько сама меньше целого.

В дальнейшем размеры пирамид заметно сокращаются, а потом их прекращают строить вообще. Всего сохранилось около 80 пирамид. Своей монументальностью они намного превосходили царские дворцы, возведенные из сырцового кирпича. Погребальная камера не под землей, а над ее поверхностью, внутри пирамиды. Иногда для большей безопасности в подземной части устраивались ложные камеры. Однако большинство пирамид вскрыто и разграблено еще во времена египетской цивилизации.

Во многих усыпальницах обнаружены амулеты в виде лестницы. Очевидно, они должны были обеспечить «ба» усопшего восхождение на небо. Не исключено, что путь к небу символизировали и сами пирамиды. Они строились в равнинной местности, где не было естественных гор – сакральных мест, связывающих людей с небесными богами, - а потому представляли собой рукотворные горы.

С появлением царских пирамид мастабы стали гробницами знати, которые фараоны дарили своим приближенным еще при их жизни. Вместе с пирамидами мастабы составляли целые города мертвых – некрополи. Их возводили на западном берегу Нила, на границе орошаемых земель и мертвой Ливийской пустыни.

Другой тип выдающихся архитектурных памятников Египта представляют *монументальные храмы*. Идея храма («хет нутер» - «жилище бога») развивалась постепенно путем отделения молельных помещений, пристроенных к мастабам. Самым древним прототипом храма, вероятно, был шалаш, сооруженный из связок папируса и деревянного каркаса. Исходной формой были заупокойные храмы, которые вместе с пирамидами составляли единый погребальный комплекс. В XXVI-XXV вв. храмы становятся центральными элементами таких комплексов. Молельня, т.е. помещение для ритуалов и молитв, у пирамид располагалась в восточной части погребального комплекса. Постепенно она превратилась в храм сложной планировки с тремя обязательными частями: двором, украшенным колоннами; обширным залом, по периметру которого находились статуи царя, и главным святилищем, обращенным фасадом к пирамиде.

Заупокойные храмы возводились из камня, но при этом сохраняли преемственность с более древними сооружениями, в которых использовались конструкции из дерева и тростника. Стволы каменных колонн и полуколонн напоминали связки стеблей папируса. Капители (верхние части) оформляются в виде бутонов *лотоса*, *папируса*, *пальмовых* листьев. Отдельные характерные детали появляются уже в заупокойных храмах при пирамидах Джосера и Снофру, завершенную форму приобретают в храме царя Сах-и-риа (Сахуры) в Абусире.

В период V династии строилсь *солнечные* храмы с высокими *обелисками*, которые венчались иглой, покрытой золоченой медью. По названиям этих храмов: «Горизонт Ра», «Удовлетворение Ра» и др.,- видно, что они предназначались для служения верховному богу. Храмовое пространство, на котором находились обелиск и жертвенник было обнесено стеной; богослужение совершалось под открытым небом. Обелиск символизировал священный камень Бен-бен, на который поднялось Солнце (Ра), родившееся из бездны.

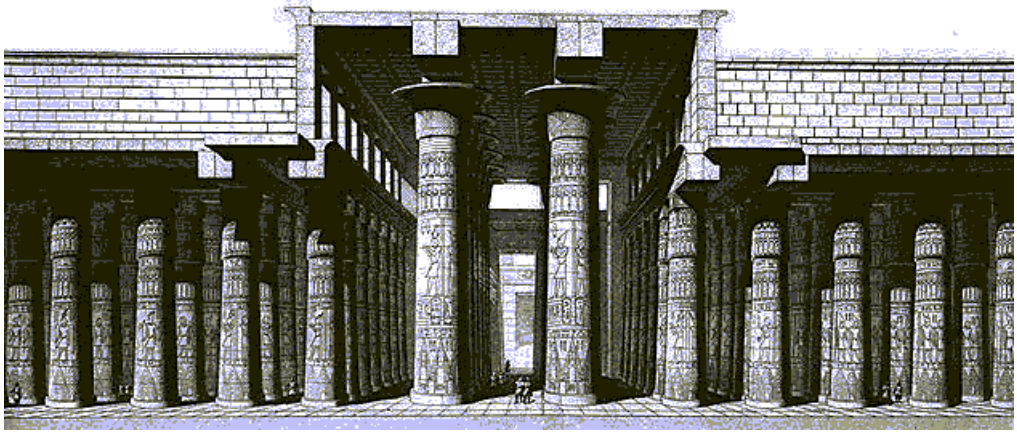
В эпохе Среднего Царства, когда столица Египта переместилась в Фивы, продолжилось строительство заупокойных ансамблей. В комплексе, который построил фараон Менту-хатпи II в Дейр-эль-Бахри в XXI в. до н.э., соединив пирамиду со скальной гробницей, входят уже две террасы, соединенные

пандусами. Возможно они совмещают верхний и нижний храмы с двумя колонными залами.

Постепенно складываются элементы нового храмового стиля. Обязательным становится «бехон» (пилон) – ворота в виде высоких массивных башен, стены которых суживаются кверху и венчаются карнизом. Перед пилоном возвышаются обелиски и статуи фараонов, сразу за ним располагается открытый двор, обнесенный колоннами, далее портик и большой колонный зал, за ним – главное святилище. Внутренняя структура храма определялась последовательностью фаз богослужения. Движение снаружи внутрь совпадало с переходом от света во тьму: открытый двор был залит солнечными лучами, в колонном зале царил полумрак, святилище было погружено во тьму. Наряду с растительными появляются хаторические колонны – с капителью, изображающей голову богини Хатхор. Храм в целом символизировал мироздание: пол представлял земную поверхность, растительные колонны – заросли папирусов, лотосов и пальм, потолок – небесный свод, усеянный звездами. К пилону храма от Нила вела аллея сфинксов.

Когда в эпоху Нового Царства фараоны XVIII династии стали вырубать для себя потайные усыпальницы в скалах Долины царей близ Фив, заупокойные храмы окончательно отделились от гробниц. Сложились три основных типа храмовых комплексов: наземные, полускальные и скальные.

Са-на-уасра (Сенусерт) I создал в Фивах на восточном берегу Нила святилище Амону, которое стало началом Карнакского храма - величайшего наземного храма в Египте. Комплекс его сооружений создавался на протяжении более 1000 лет. Каждый фараон делал все возможное, чтобы оставить память о себе какою-либо пристройкой, иногда безжалостно уничтожая то, что было сделано его предшественниками. Всех превзошел Риа-масэ-са II, завершивший Большой гипостильный зал со 134 колоннами.



Зал храма Амона-Ра в Карнаке. XIV-XII в. до н. э. Реконструкция.

Ансамбль храмов в Карнаке протянулся в длину почти на 1,3 км. При Аман-хатпи-III аллея сфинксов соединяет его с храмом в Луксоре, который отличается мощным пилоном, сооруженным Риа-масэ-са II в память о войнах в Азии, и гигантскими, но удивительно стройными и изящными колоннами.

Папирусовые колонны с капителями в виде бутонов и распустившихся цветов символизируют зарождение и расцвет жизни.

К *полускальным* относится заупокойный храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. Он соединялся с молельней, вырубленной в скалах. В первой половине XIII в. до н.э. Риа-масэ-са II построил огромный скальный храм в Абу-Симбеле. В наружной части скалы вырублен только фасад, а помещения уходят внутрь и обустроены по типу гробниц. У входа в храм находятся вытесанные из скальных монолитов четыре колоссальные статуи сидящего фараона. Входом храм обращен к востоку, но до задней стены главного святилища солнечные лучи доходят только два раза в год, освещая фигуры Амона, Ра и самого фараона. Бог Пта навечно остается во мраке.

Скульптура. Культовое происхождение имеет и египетское ваяние. У истоков круглой скульптуры находились изготовление кремневых орудий путем оббивки и вырезание бусин и других украшений. Возможно, создателями примитивных глиняных статуэток были первые гончары. К самым древним относятся женские фигурки из захоронений неолитической культуры. Из кости, в том числе слоновой, вырезали фигурки птиц и зверей, главным образом в качестве украшения гребней. Не исключено, что некоторые из них были тотемами или божествами в животном облике. Для египетского представления о богах весьма характерно комбинирование животных и человеческих черт, что в дальнейшем отчетливо выразилось в скульптурах сфинксов. Скульптурный портрет возник в рамках погребального культа. Надгробные статуи из дерева и известняка, появившиеся в конце Раннего Царства, запечатлевали личность погребенного (невидимое «ка») вместе с его именем и титулами. Их размещали в *сердабах* – помещениях, соседних с погребальными камерами, где находилась мумия. Позже их собирали в храмах, поблизости от статуй богов.

Божественная и человеческая линии сходились в статуях фараонов. Их сидящие или идущие фигуры помещались не только в гробницах и перед ними, но и в культовых помещениях, предназначенных для ритуала «хеб-сед». С одной стороны, в скульптурном портрете должна быть запечатлена индивидуальность данного властителя, с другой стороны, выражен идеальный тип – социальный статус со всей его идеологической символикой (коронами, головным платком, змеевидным уреем и т.п.), в расцвете жизненных сил.

Особый скульптурный жанр составляли так называемые «ушебти» (букв. «ответчик», «тот, кто отвечает»). Для тягот загробного существования считалось целесообразным находить своеобразного заместителя, который брал бы их на себя. Его фигуру делали из глины или камня.

Египетская скульптура, как и архитектура, подчинялась *канону* - строгому набору тем, поз и жестов. Стиль, сформировавшийся в конце Раннего Царства, преобладал на протяжении всей египетской истории, подвергаясь незначительным вариациям. Непреложным правилом изображения было выдвижение левой ноги немного вперед. Стоящая фигура напряженно выпрямлена, голова высоко поднята, руки опущены, прижаты к телу. У

сидящей фигуры руки симметрично положены на колени или одна согнута в локте, прижата к груди; торс выпрямлен, взор устремлен вдаль. Мужские статуи покрывались коричневой краской, женские – розово-желтоватой. Скульптуры всегда предназначались для фронтального восприятия, фигуры почти всегда изображались целиком; особое внимание уделялось лицу. Оно индивидуализировано и вместе с тем наделено стандартным выражением, соответствующим статусу: сознанием собственного величия, бесстрастностью, погруженностью в себя. Особенного мастерства египетские скульпторы достигли в изображении глаз. инкрустация кварцем, хрусталем, обсидианом и рельефная обводка по контуру век придавали взгляду магическую выразительность, иногда даже шокирующую зрителя.

Тщательно разработана система пропорций человеческого тела, рассчитаны соотношения между размерами всей фигуры и ее отдельных элементов. На основе того же «золотого сечения», которое использовалось в строительстве пирамид, выделены 8 пропорциональных величин: расстояния от темени до носа, рта, плеч и т.д.

Самые значительные скульптурные портреты созданы в эпоху IV и V династий древнего Царства: изображения архитектора Рахотепа и его жены Неферт, архитектора Хемиуна, писца Каи, сановника Капера и др.

Кроме круглой скульптуры были широко представлены *настенные рельефы* – посредствующее звено между скульптурой и живописью. Древнейшие образцы рельефной скульптуры появились на *палетках* - сланцевых пластинах с круглой выемкой посередине, служивших для растирания косметической черной краски. К таковым относится палетка Нармера (царя 0-й династии Мер Гор-Нара), объединившего Верхний и Нижний Египет. Форма палеток была воспроизведена в стелах, которые располагались на потолке, а потом на стенах гробниц.

Переместившись на стены, рельефные изображения приобрели характер сложных повествовательных композиций. Они воспроизводили эпизоды из жизни царей и сановников: походы, сражения, охоту, рыбную ловлю, принятие жертвоприношений и т.п., - а так же сцены из жизни их подданных: земледельческие и строительные работы. Эти изображения не предназначались для обычных человеческих глаз, поскольку на протяжении веков пребывали в замурованных гробницах. Они должны были служить заменой действительности для «ба» умершего, своеобразной символической вселенной, воспроизводящей в идеализированном виде черты земного мира.

Все рельефы эпохи Древнего Царства были раскрашены минеральными красками. Цвет имел условное и символическое значение: выражал сущность тех объектов, которым принадлежал. Белый цвет символизировал божественную власть, святость и чистоту. Черный цвет, цвет Анубиса и Осириса указывал на смерть, подземное царство и возможность возрождения. Красный цвет ассоциировался со страстной и опасной стихией жизни; синий, наоборот, с божественным и космическим покоем; зеленый с растительной жизнью.

К наиболее искусным образцам рельефной скульптуры принадлежат рельефы из мастабы сановника Ти в Саккара (V династия), из полускального храма царицы XVIII династии Хи-Шапсауа (Хатшепсут) в Дейр-эль-Бахри, храмов Сутайа I Риа-ма-са III. Самые распространенные форма рельефа – *барельеф* (резцом удаляется фон и изображение слегка выступает над поверхностью) и «*en creux*» (франц. «во впадине») - изображение располагается в плоскости фона, а линии контура врезаны вглубь.

В целом египетская скульптура представляла ту или иную форму соединения **идеализации** и **реалистического** отображения живых существ, в первую очередь, людей. Резкий поворот в сторону реализма произошел при Эхнатоне (Аман-хатпи IV) – фараоне XVIII династии, основавшем свою столицу в Амарне (Ахетатоне) и учредившем вместо прежних культов новый государственный культ малоизвестного бога солнечного диска Атона. Эхнатон, проповедовавший «правду» в своем религиозном учении, запретил изображать других богов даже в иероглифах, призвал к отказу от идеализации в создании образов царя. В скульптурах и рельефах фараона-реформатора переданы не только индивидуальные портретные черты, но и особенности строения тела: удлиненный овал лица, массивная нижняя челюсть, длинная шея, широкие бедра, объемистый живот, тонкие руки и ноги. «Заземленность» образов выражается также в особом эмоциональном колорите: подчеркнутой лиричности, задушевности и теплоте сцен семейной жизни. Большинство скульптурных и живописных произведений эпохи его царствования отмечено высоким уровнем оригинальности и одновременно верностью натуре. Непревзойденным шедевром этого периода является портрет царицы Нефертити скульптора Тутмеса. Черты амарнского стиля сохранились в раскрашенном рельефе с изображением следующего фараона Тутанхамона и его жены.

Живопись. У истоков египетской живописи находились росписи посуды, а в дальнейшем – на стенах гробниц. Изображалось то, что может понадобиться «ба» усопшего в загробном существовании, а также значительные эпизоды из его земной жизни. Вплоть до Среднего Царства росписи составляли единое целое с рельефами. Как и в рельефах, отличительной особенностью в изображении человека выступало совмещение элементов рисунка и чертежа, т.е. лицо и фигура воспроизводились одновременно с разных точек зрения, сразу и в профиль (ступни ног и голова), и в фас (плечи, торс и глаз) и т.п. эта особенность проявилась еще в додинастический период и сохранилась на всем протяжении египетской истории. Исключение составляли только *амарнский стиль*, сместивший акцент на профильное изображение, и *фаюмский портрет* эпохи эллинизма, который возник, собственно, уже за рамками египетской цивилизации, как синтез египетской и римской культур.

В Среднем Царстве росписи отделяются от рельефов. Линии контура становятся более тонкими, что расширяет возможности цветовой гаммы. Эти тенденции усиливаются в Новом Царстве. Особенно ярко расписываются молельни в заупокойных храмах. Они превращаются в своеобразные

настенные книги, где текст перемежается иллюстрациями. Появляются и настоящие иллюстрации на папирусах «Книги мертвых». Изображаются сцены повседневной жизни, жертвенных пиров, перехода к загробному существованию с участием богов. Значительное влияние на живопись оказала цветовая символика.

Наука. Научные знания в Египте не обладали самостоятельной ценностью. Они в качестве составной части входили в тот сплав внутренней цивилизации и религии, который характерен для древних культур. Знания носили прикладной характер; наибольшее развитие получили медицина, соединенная с магией (один из самых древних египетских трактатов содержит учение о врачевании ран), геометрические измерения и вычисления, астрономические наблюдения.

Для определения религиозных праздников египетские жрецы составили *календарь*. Год состоял из 12 месяцев по 30 дней каждый. К ним прибавлялись 5 дополнительных дней, выигранных Тотом в шашки. Год начинался с того дня, когда на восходе солнца появлялся Сириус – звезда Осириса. Сезон «Половодье» продолжался с середины июля по середину ноября. За ним следовал сезон «Всходы» - до середины марта. Завершался год сезоном «Засуха». День и ночь делились на 12 частей – *часов*. Летоисчисление велось по годам царствования и по династиям, коих до завоевания Египта Александра Македонским насчитывалось 30.

Наиболее значительное влияние египетская культура оказала на эгейскую, месопотамскую, сирийскую, а позднее – эллинскую.

2. Культуры Месопотамии

В междуречье Тигра и Евфрата, называемого по-гречески «Месопотамия», сложились три основных культурных центра:

- Шумер на юге Месопотамии, развивавшийся с IV тысячелетия по XVIII в. до н.э., в городах Киш, Эреду, Ур, Урук, Ниппур, Лагаш и др.;
- Аккад и Вавилон в средней Месопотамии, существовавшие с III тысячелетия по VI в. до н.э. (города Аккад, Мари, Вавилон и др.);
- Ассирия в северной части Междуречья – со II тыс. по середину VII в. до н.э. (города Ашшур, Ниневия, Арбаилу, Карана и др.).

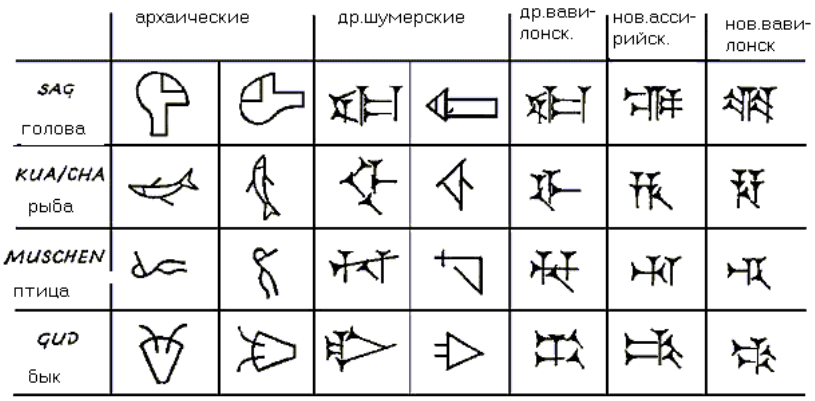
На протяжении нескольких тысячелетий в этом регионе существовало множество городов государств, то объединявшихся под властью какого-то одного из них, то снова рассыпающихся, как бусы при обрыве нитки.

Хотя шумеры и аккадцы говорили на совершенно разных языках[14], их культура строилась на единой теократической основе и имела множество сходных черт. Теократия состояла не в том, что власть и собственность

[14] Принадлежность шумерского языка какой-либо известной языковой макросемье до сих пор обнаружить не удалось. Этот язык состоял из 21 звука (6 гласных и 15 согласных) и был агглютинирующим, т.е. не допускал изменений корня в отличие от индоевропейских и семитских языков. Аккадский язык относится к семитской ветви семито-хамитской макросемьи, жители Древней Ассирии пользовались аккадским языком

принадлежали исключительно храмам и священникам, как считали некоторые ученые, но в том, что царям присваивали статус бога или полубога.

Общею для всех центров стала изобретенная шумерами клинопись – система слоговых знаков и несколько алфавитных гласных звуков, которые наносились на сырую глину табличек. Клинописное письмо эволюционным путем возникло из пиктографии:



Обучение грамоте производилось в шумерских школах *эдуббах* («домах табличек»), которые, вероятно, возникли при храмах, а потом обрели самостоятельность. Их можно считать самыми древними учебными заведениями в истории человечества. Учились в них дети состоятельных горожан. В течение нескольких лет они овладевали языком и клинописью, штудировали теологию, ботанику, зоологию, география, математику, астрономию и др. образование давало возможность стать храмовыми или дворцовыми писцами.

Боги. Общими или сходными чертами отличаются ключевые мифологические образы и сюжеты. Религия Месопотамии во всех ее главных моментах была создана шумерами. С течением времени аккадские имена богов стали заменять шумерские, а олицетворения стихий уступили место звездным божествам. Местные боги могли также возглавить пантеон того или иного региона, как это произошло с Мардуком в Вавилоне или Ашшуром в ассирийской столице. Храмовая башня (зиккурат) была местом, где останавливались небожители. Она символизировала человеческое стремление установить связь между небом и землей. Как правило, обитатели Месопотамии мало полагались на благоволение богов. Они старались умилостивить их, совершая все более сложные обряды. Как и в Египте религия представляла собой *политеизм*. Божество по-шумерски обозначалось словом «дингир» («ясный», «светлый», «сверкающий»); по-аккадски – «эллу». Пантеон включал в себя более 3000 богов различных рангов, обладающих разной степенью власти.

На вершине божественной иерархии стоят 7 «вершителей судеб» и 50 «великих богов». Существовали боги – покровители различных видов

человеческой деятельности (в том числе Нинкаси – богиня пивоварения) и личные покровители). Особенно почиталась верховная мужская троица:

Ан (аккадский Ану) – бог неба – первоначально считался верховным, но постепенно превратился в «праздного бога», практически не вмешивающегося в земную жизнь людей; празднество в честь Ана совпадало с началом нового года и отсылало к акту сотворения мира;

Энлиль (Эллиль) – «Владыка урагана», бог воздушного пространства, ветра, плодородия и творческих сил; считался сыном Ана, заменившим отца на небесном престоле. Возможно, эта замена была связана с выдвижением на передний план его города Ниппура;

Энки (Эа) – «Владыка низа», бог водной стихии и мудрости, покровитель города Эреду и людей в целом.

Власть богов над миром осуществлялась силою *слова*. Как предполагает видный американский шумеролог С. Крамер, вера в созидательную силу слова была “результатом аналогий, основанных на созерцании человеческого общества: если царь мог достичь практически всего, чего хотел, повелением, т.е. не более, чем словом из своих уст, то насколько более широкие возможности открывались для бессмертных человеческих существ, ответственных за четыре стороны вселенной!”[15]. Ни одно из месопотамских божеств не было исключительным источником силы, ни одно не имело абсолютной власти. Полнота власти принадлежала собранию богов, по традиции избиравшему предводителя и утверждавшему все важные решения. Так, решением 50 «великих богов» и 7 «вершителей судеб» бог Энлиль за изнасилование своей будущей супруги Нинлиль был изгнан из божественного города в подземный мир.

От верховного бога Ана («Отца богов» и «Царя богов») происходит харизматическая царская власть. Простой народ не имеет права обращаться к божествам с просьбами и жалобами; это прерогатива царя.

Женская группа богов возглавляется великой матерью богов **Нинхурсаг**, которую называли также Нинмах и Нинту – богиней земли. В Уруке весьма почиталась **Инанна** (Иштар) – богиня планеты Венера, любви, плодородия, победы, правосудия, покровительница проституток и т.д. кроме Инанны к астральным богам принадлежали **Нанна** (Син) – бог луны и **Уту** (Шамаш) – бог солнца. 50 «великих богов» в текстах нигде не перечисляются.

Вместе с Энки Инанна принадлежит к разряду *культурных героев*. Согласно одному из мифов, Энки владеет запасом ключевых элементов шумерской культуры, так называемых «*ме*». Они являются божественными принципами организации различных вещей и занятий. Существуют «ме» царствования, скотоводства, земледелия, жречества, письменности, проституции и т.п. Кто владеет «ме», тот имеет власть над соответствующей сферой действительности. У Энки в океанских глубинах хранились все эти материализованные основы. Однажды пируя у себя дома с Инанной, Энки захмелел, расчувствовался и подарил ей больше сотни «ме». Инанна пила

[15] Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. М.: Центрполиграф, 2002. С. 135-136

меньше, поэтому быстро смекнула, что к чему, забрала подарки и незаметно скрылась, чтобы осчастливить ими жителей своего города Урук. Так была реализована древняя и не безупречная в нравственном отношении форма «культурного заимствования».

По Крамеру, миф об Инанне и Энки – это первая попытка анализа культуры, ее характерных черт и комплексов[16]. Не все термины удалось расшифровать и понять, но по тем 68 которые были идентифицированы, можно заключить, что они перекрывают все виды культуры: внешнюю цивилизацию (искусство владеть оружием и разрушать города, обрабатывать металлы, строить, плести корзины и т.д.); внутреннюю цивилизацию (все формы власти и социальные статусы, включая 3 разновидности евнухов, правосудие и законы, моральные качества героизма, прямоты, мудрости); собственно культуру (умение нисходить в преисподнюю и возвращаться обратно, 4 вида сакральной службы, музыку в целом и отдельные музыкальные инструменты).

Одну из главных идей шумерской мифологии выражает миф о сотворении людей. До появления человека боги бедствовали. Они ходили нагими, жевали траву как овцы и пили воду из канав. Для того, чтобы обеспечить себе уход и пропитание, Энки и Нинмах (Мать-Земля) в том месте, где находится «пуп земли», т.е. центр вселенной, вылепили из глины людей по своему подобию. Но перед началом работы они изрядно выпили, поэтому наряду с нормальными людьми из-под их рук вышло шесть видов уродства: бесплодная женщина, бесполое существо, обоеполое и т.п. И вообще, как утверждается в шумерской поэме, сходной по идее с библейской «Книгой Иова», ни одно человеческое дитя не может быть без изъянов. В эпической поэме о царе Урука **Гильгамеше** различие божественного и человеческого уделов представлено так:

Боги, когда создавали человека, -
Смерть определили они человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем да ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу –
Только в этом дело человека!
(Пер. И. Дьяконова).

Главное предназначение людей – служить богам строительством храмов и каналов, жертвоприношениями, молитвами, религиозными представлениями. В Шумере была изобретена очень своеобразная форма богослужения – храмовая проституция. Такая культовая практика называлась «служить телом Инанне». Жриц низшего ранга отправляли на постоялые дворы для обслуживания путешественников. Эту практику сохранили и аккадцы. Все

[16] См.: там же. С. 136-137

женщины Вавилона однажды в жизни должны были отдаться чужеземцам за деньги. Для этого их, как сообщает грек Геродот в своей «Истории», усаживали рядами у храма Иштар (Астарты). Чужеземцы прохаживались по рядам и выбирали себе партнершу по священному обряду. Некоторым не особенно привлекательным женщинам приходилось ждать выбора годами.

Осознавая собственное несовершенство, человек, как и в египетской культуре, заботится о преображении. Главной целью преображения выступает обретение бессмертия – свойства богов. Этот мотив отражен в цикле преданий о Гильгамеше. После смерти своего друга Энкиду Гильгамеш отправляется на поиски бессмертия к **Утнапишти**, который спасся от всемирного потопа, был принят в собрание богов и обрел в нем вечную жизнь. Утнапишти указывает ему таинственный цветок с шипами, растущий на морском дне. Обладание этим цветком дает вечную молодость. Опустившись на дно, Гильгамеш срывает этот цветок, но его похищает у него змея, обретя для себя дар обновляться, сбрасывая старую кожу. Гильгамеш, как и весь его народ, остается смертным.

Человеческие мечты о совершенстве в образе рая – месте, где нет ни физического, ни морального зла: ни смерти, ни болезни, ни пороков, даже роды проходят безболезненно. Таким священным местом у шумеров является Дильмун – «страна жизни».

Ритуалы и праздники. Некоторые исследователи, в частности, С. Крамер, отмечают слабую связь месопотамских мифов с ритуальной практикой. Больший акцент в них ставится на объяснение космических или социальных событий. Но эти объяснения лишены смысла, если они исключают возможность влияния на ход мировых процессов. Поэтому космогонические мифы все же дают, если и не прямое, то косвенное руководство к действию, по крайней мере, для сохранения сложившейся расстановки космических сил. Известную роль в культовой практике играл миф об Инанне и Думузи. **Думузи** (аккадский Таммуз) – бог скотоводства (пастушества)очевидно, имеющий более низкий сакральный ранг, – становится жертвой повышенной властной активности своей жены. Инанне показалось мало земного владычества и, чтобы увеличить его она отправляется в подземное царство к своей сестре Эрешкигаль – богине смерти и мрака. Чтобы попасть туда, надо пройти 7 ворот (7 – магическое число месопотамских культур). У каждых ворот надо снять с себя какую-то часть одежды и вместе с нею лишиться определенного «ме». В конце пути Инанна оказывается нагой и бессильной. Эрешкигаль без труда делает ее своей пленницей. Правда, от плена можно освободиться, если предложить вместо себя на вечные муки кого-то другого. Инанна предлагает своего мужа. Духи подземного царства хватают скрывающегося от них Думузи и уводят с собой.

Томящийся в подземелье бог пастушества тоже ищет себе замену. Разумеется, не соглашается никто. Только его сестра, богиня растительности **Гештинанна** изъявляет готовность разделить его скорбную участь пополам. В результате этого компромисса на полугодовое мученичество в подземный мир отправляется она, потом ее сменяет Думузи и так далее, до

бесконечности. На земле параллельно этому происходит смена скотоводческого и земледельческого периодов. Ежегодное нисхождение Думузи и, соответственно, возрождение Гештинанны отмечалась как один из главных праздников Шумера.

Этот миф можно расценить как косвенное свидетельство наличия человеческих жертвоприношений в погребальных обрядах древних жителей Месопотамии. Его стержневая идея о том, что участь какого-то существа в преисподней может быть облегчена, если туда отправится другой, как-то связанный с ним человек, служит обоснованием практики ритуального убийства ближайших родственников после смерти царя. Раскопки царских гробниц в Уре показали, что первых царей Шумера, как правило, в могилу сопровождали не только наиболее ценные вещи, но и «значительный человеческий кортеж»[17]. В дальнейшем реальное жертвоприношение сменилось символическими действиями.

Самым главным праздником считался Новый год. Частью его была иерогамия – символический священный брак между царем, выступающим в роли бога Думузи и жрицей в роли Инанны. Целью обряда было обеспечение плодородия всей страны.

У аккадцев космогоническое значение приобрел поединок между Мардуком, верховным богом Вавилона, и богиней подводных стихий **Тиамат**, который воспроизводился в ритуале, знаменующем начало нового года. Празднование нового года «акиту» продолжалось 12 дней (в соответствии с числом месяцев). В храме Мардука жрецы читали поэму «Энума элиш», сочиненную в конце II тыс. до н.э. Это чтение было магическим воспроизведением времени, в которое творился мир. Две группы противников разыгрывали поединок между Мардуком и Тиамат, который неизменно завершался победой Мардука под торжествующие возгласы: «Пусть он и впредь побеждает Тиамат и сокращает ее дни!». К этому комплексу ритуалов примыкал также «закмук» - «праздник судеб», который предопределял содержание каждого из 12 последующих месяцев. Для очищения от грехов и несчастий из города изгонялся «козел отпущения». Священный брак Мардука с Сарпанитой служил сигналом к началу коллективной оргии, которая, как полагает М. Элиаде, должна была знаменовать возвращение к хаотическому состоянию – обязательное условие обновления[18]. Сходная мифологическая структура легка в основу религиозных культов в других цивилизациях, например, в эллинской.

Внутренняя цивилизация. Власть в шумерском государстве принадлежала *царю*, который назывался «лу-галь» («большой человек»). Сначала она была выборной, потом стала наследственной. Городом руководил «*энзи*», в важных вопросах опираясь на совет «старейшие» и «мужей». В городах и между городами велась интенсивная торговля. Деньгами служили серебряные или диски стандартного веса.

---

[17] Там же. С. 151

[18] См.: Элиаде М. Трактат по истории религий. Т.2. С. 306-307

Основу общества составляла *семья*. Обычным был моногамный брак по договору между родителями, но, если жена бесплодна, муж имел право завести другую. Правда, вторая жена обязана была мыть ноги первой и носить за ней стул. Измена жены каралась утоплением.

Одним из самых значительных достижений месопотамской культуры стала кодификация права. Древнейший кодекс законов утвердил царь Ура Ур-Намму (XXII-XXI гг.до н.э.). Он касался торговых сделок, отношений между мужем и женой, а также между основными категориями населения: знатью, свободными общинниками, зависимыми гражданами и рабами. Рабы при определенных условиях могли обрести свободу. Которая обозначалась словом «амарга» (букв. – «возвращение к матери»).

Наказание преследовало цель вразумления. Вора и жену-изменницу побивали камнями, на которых была прописана их вина. Жене, словесно оскорбившей мужа, полагалось выбить зубы о кирпич, воспроизводящий ее выражение.

В XVIII в. до н.э. вавилонский царь Хаммурапи издал собственный кодекс законов, предполагающий смертную казнь за убийство, грабеж, воровство, укрывательство беглых рабов, лжесвидетельство, уклонение от воинской службы, злоупотребление должностью и другие преступления. В законах точно определялись условия аренды земли и домов, торговых сделок, выполнения долговых обязательств, наследования, развода. Кодекс стоял на защите родственных связей, как кровных, так и символических. Наказанию подвергались различные формы кровосмешения. Сожительство с матерью каралось сожжением, с дочерью или с мачехой после смерти отца – изгнанием. Приемный сын, отрекающийся от родителей от усыновивших его родителей и уходящий к кровным, за неблагодарность наказывался отрезанием языка или вырыванием глаза. Сословный характер кодекса Хаммурапи проявился в резком ужесточении наказания, совершаемого лицами низшего социального ранга в отношении к лицам высшего ранга. Его архаичность отчетливо видна в применении принципа талиона «Око за око, за зуб» по отношению к лицам равного статуса и в смертной казни невинных лиц - ближайших родственников виновного.

Нравственные назидания содержатся в шумерских «наставлениях Шуруппака своему сыну Зиусудре», «Вавилонской теодицее», собраниях пословиц. Вот некоторые из них:

Кто много ест, тот плохо спит.

К вражде ведет не сердце, к вражде ведет язык.

В открытый рот влетает муха.

Дружба – на день, родство – на века.

Искусство. Месопотамское искусство, как и египетское, выросло из религиозных корней. Основные мифологические сюжеты развернуты в **гимнах, плачах** и **эпической поэзии** шумеров. Сохранилось 9 эпических поэм: «Гильгамеш и страна жизни», «Гильгамеш, Энкиду и нижний мир» и др. Гимны посвящались богам, царям и храмам; плачи – гибели городов или

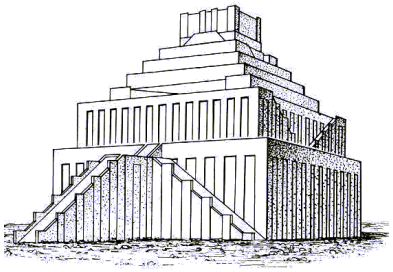
страданиям Думузи. Некоторые сочинения носили характер агона – словесного состязания между персонажами: «Спор Зимы и Лета», «Спор Скота и Зерна», «Спор между выпускниками двух школ» и т.п. Главные поэтические приемы – повтор и параллелизм, метафоры и сравнения. Размер и рифма отсутствовали.

Архитектура. Месопотамии известна в основном по храмам и царским дворцам, которые возводились для того, чтобы обеспечить богов жилищем и через это – благополучие царей и их подданных. Строили в основном из сырцового кирпича с добавлением резаной соломы и тростника. В Уруке находилось «Белое святилище Ана» – Эанна, построенное из известняковых блоков на основании 80×30 м. оно возвышается на высокой платформе, к которой сдвух сторон вели лестницы или пандусы. Прямоугольное святилище имеет открытый дворик. Его наружные и внутренние стены украшены прямоугольными нишами и выступами. Внутренние дворики устраивались и в жилых домах.

Самой типичной формой храмовой архитектуры были *зиккураты* – трех- или семиступенчатые башни, которые появились в конце III тыс. до н.э. Число ступеней соответствовало числу небес, где обитали боги. На последней ступени располагался храм как обиталище соответствующего бога. В храмовом святилище обязательно находилась ниша со статуей бога и кирпичный стол для жертвоприношений. Зиккураты являли собой модель вселенной. Возведение зиккурата, как событие космического значения, сопровождалось множеством ритуалов: очищением всех горожан от скверны и пороков. Идея о параллелизме между земной и небесной топографией в месопотамской культуре играла весьма заметную роль. Каждому городу соответствует определенное созвездие. Зиккураты использовались для наблюдений над положением небесных светил, а те, в свою очередь, для предсказания человеческих судеб. К числу древнейших относится зиккурат Ура, нижний ярус которого имел прямоугольное основание 43 × 65 м.

Нижний ярус выкрашивали в черный цвет, средний – в красный, верхний – в белый. В семиступенчатых зиккуратах добавлялись желтые и голубые цвета.

Наиболее знаменитый зиккурат – Вавилонская башня Этеменанки («Дом основания неба и земли») в храме Мардука, упоминаемая недобрым словом в Ветхом Завете.



Некоторые древние авторы относят ее к «семи чудесам света», но большинство указывает на другое строительное чудо – «висячие сады Семирамиды. Они построены в VII в. до н.э. по приказу вавилонского царя Навуходоносора для его жены Амиты, чтобы они напоминали ей родные края. Сады, по описаниям, размещались на четырех террасах общей площадью 200 м² и питались сложной системой водоснабжения.

В Ассирии ведущая роль перешла от храма к укрепленному царскому дворцу. Дворец Саргона II в Дур-Шаррукине (VIII в. до н.э.)состоял из 200 помещений. 5-метровые статуи крылатых быков «шеду» у входа служили одновременно и материальной опорой и магической защитой.

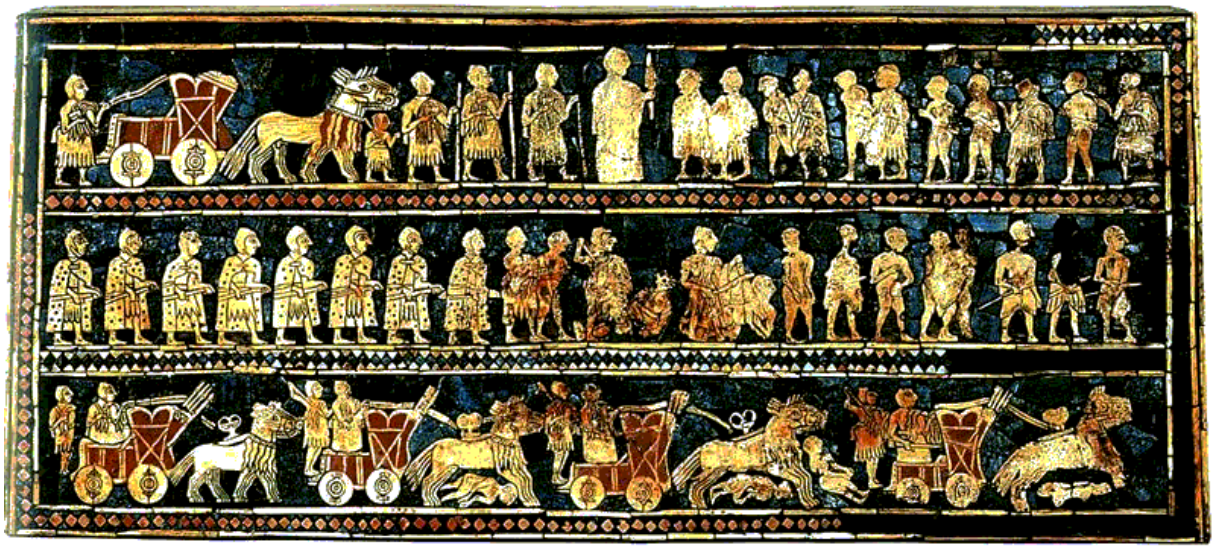
В месопотамской архитектуре безусловно преобладаю прямоугольные объемы. Контрастом по отношению к ним выступает использование арки – дугообразного перекрытия дверей, и свода – закругленного потолка, удерживающегося силой сцепления сырцовых кирпичей, без деревянных балок и столбов. Идея свода могла быть навеяна сооружениями из тростника в низовьях Евфрата. На очищенном участке тростниковые стебли сгибали и связывали верхушками, образуя сводчатый «потолок». По крайней мере, условием этого изобретения оказался недостаток дерева и камня.

В храмах и царских дворцах высокого совершенство достигло мастерство настенного **рельефа** (наиболее масштабное и утонченное – в Ассирии), а также **мозаики** и **росписи**. Сохранились скульптурные изображения богов, правителей и частных лиц с эффектной инкрустацией глаз лазуритом. Огромные глаза и уши считались знаками всеведения и мудрости. Но в целом круглая скульптура существенно уступала высокому рельефу. Чисто месопотамским изобретением являются каменные цилиндрические печати с рельефными изображениями, которые переносились потом на сырую глину табличек или посуды. Впоследствии они стали чем-то вроде личного штампа со стандартным образом бога-покровителя. В живописи Шумера и Аккада преобладала иконография. Центральное место в ней наряду с образами богов занимал образ Мирового древа (финиковой пальмы). Вокруг него рисовались звезды, птицы или змеи, которые олицетворяли небо, воздушное пространство, подземный мир. Излюбленный предмет изображения - реальные и фантастические животные: львы, полульвы-полуорлы, чудовища с длинными переплетенными шеями.

Как и в египетском изобразительном искусстве, наблюдалось совмещение фаса и профиля. Животных и птиц изображали в основном в профиль, но отдельные части – в фас, чтобы, например, хвост сделать максимально пышным. В профиль воспроизводились ноги и лица людей, но с разворотом

плеч и глаза. Более часты, чем в Египте, отступления от канона, менее совершенна техника, более значительны искажения пропорций. Отсутствовало сходство изображения с изображаемым вследствие акцентирования внутреннего содержания.

Техника мозаики была своеобразной: мелкие глиняные конусы выкрашенные в черные, красные или темно-желтые цвета, вмуровывали в сырую глину стен и колонн, образуя геометрический орнамент. Излюбленными объектами изображения были сцены охоты на хищников, ритуальных жертвоприношений, сражений. Образы группировались в большие серии, расположенные ярусами, как, например, в так называемом «Штандарте из Ура», где изображены шумерские воины и сцены пира.



В Ассирии изобразительное искусство всецело подчинено прославлению военной мощи державы и ее правителя. Изображение царя следовало строгому канону, в других объектах, например, животных (лошадей, собак, львов) художникам предоставлялась творческая свобода. Поэтому образы животных доводятся до виртуозности, изображениям людей придается динамика, пропорциональность, выразительность, каких не было у шумеров.

Во время ритуальных церемоний использовались **музыкальные** инструменты: *гусилим*, *лилис*, *уб*, *мези*, *ала*, которые относились к классу аэрофонов, хордофонов, идиофонов и мембранофонов. О сущности месопотамской музыки известно только то, что она развивалась в храмах (особенно, посвященных Инанне) как часть богослужения и была призвана «радовать сердце» богов и людей, утешать мертвых, свидетельствуя им, что они не забыты. Игра на инструментах составляла неразрывное целое с пением и танцами.

Помимо прочего Месопотамия обогатила мировую цивилизацию **косметическим** искусством. В нем использовалась завивка волос и притирания для глаз с поэтическим названием «Пусть придет, пусть он придет».

Наука. Месопотамская наука не оформилась в самостоятельную отрасль культуры, развиваясь в тесной связи с техникой и технологией, с одной стороны, и религией, с другой. В шумерских текстах обнаружены различные

классификации – распределение предметов по смысловым группам: домашние животные, дикие животные, рыбы, деревья, травы, овощи, камни. С древнейших времен развивалась астрономия как средство предсказания будущего и составления лунно-солнечного календаря, связанного с циклом сельскохозяйственных работ. Год делился на лето и зиму и состоял из 12 месяцев по 29-30 дней в каждом, а для выравнивания лунного и солнечного циклов время от времени вводился дополнительный месяц. Сутки начинались с заката и делились на 12 двойных часов. Практика указания несчастливых дней легла в основу выделения семидневной недели, которое произошло уже за рамками Месопотамии – в Палестине.

Для записи чисел использовалась система, в которой базовыми были знаки единицы (ϒ), десятки (<)и шестидесяти (┐). В школах обучали четырем арифметическим действиям, возведению в квадрат и куб и, соответственно, извлечению корней, вычислению площадей прямоугольных и круглых земельных наделов.

Месопотамская медицина, тесно связанная с магией, использовала различные растительные, минеральные и животные составы для припарок и внутренних средств.

Сложная оросительная система требовала инженерных и агрономических знаний, которые также преподавались в эдуббе. Именно Шумеру принадлежит приоритет в изобретении колеса.

Наибольшее влияние шумеро-аккадская культура оказала на сирийскую и эллинскую. Характеризуя египетскую и месопотамские культуры в целом, следует отметить, что внешняя цивилизация и собственно культура в них более непосредственно связаны с внутренней цивилизацией, чем в античной Греции и, тем более, на Западе. Социальная структура цепко держала в своих тисках и материальное производство, и религии., и искусство, и науку. Почти то же самое относится к древним цивилизациям Индии и Китая, которые мы рассмотрим далее.

Литература

Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока// Малая история искусств. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1977; М.: Искусство, 1976. С. 52-154, 200-342

Белецкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980

Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983

Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М.: Наука, 1976

Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М.: Центрполиграф, 2002

Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. М.: Худ. лит., 1978

Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худ. лит., 1973. С. 23-112, 115-226

Тураев Б.А. История Древнего Востока. Минск: Харвест, 2002. С.71-362

Тема 3. Культура Индии

История индийской культуры насчитывает не менее пяти тысячелетий. Ее древнейшие следы относятся к III тыс. до н.э. в это время в долине Инда существовали крупные города Хараппа и Мохенджо-Даро с десятками тысяч жителей, двухэтажными домами и храмами. От этой цивилизации, которую называют индской или хараппской, сохранились иероглифические надписи на тысяче печатях, не расшифрованные по сей день.

Вот одна из них:

В XVIII-XVII вв. до н.э. эта цивилизация по неизвестным причинам деградирует и впоследствии гибнет.

В конце II тыс. до н.э. на месте индской цивилизации появляется другая - индоарийская. Ее создает народ, называющий себя «арии» или «арийцы», что значит «благородные». Скорее всего, представители этого народа принадлежали к белой расе в отличие от темнокожих обитателей Хараппы. Со временем появляются арийские города: Хастинапутра (совр. Дели), Таксила, Паталипутра и др. Эта культура развивается на единой основе до середины I тыс. до н.э. Следующий этап связан с возникновением неортодоксальных религиозных систем джайнизма и буддизма, которые противостоят ортодоксальному брахманизму. Он продолжается примерно до II в. На этом рубеже неортодоксальные течения постепенно теряют влияние в Индии и вытесняются индуизмом.

В целом периодизация индийской культуры имеет следующий вид:

1) хараппская культура – до XV в. до н.э.,
2) ведийская культура – до середины I тыс. до н.э.,
3) эпоха великих религиозных движений (VI-IV вв. до н.э.)
4) эпоха Маурьев – до II в. до н.э.,
5) кушанская эпоха (I-III вв. н.э.),
6) эпоха Гуптов (IV-VI вв.),
7) период средневековой раздробленности (VI-XI вв.),
8) исламизация Индии (XI-XVIII вв.),
9) период английского колониального владычества (до сер. XX в.),
10) культура независимой Индии (по наши дни).

1. **Мифология и религия Вед**

Исходную основу индоарийской культуры составляет слово – сборник священных текстов, называемый «Веды», что значит «Знания». Он стал основой для древнейшей религиозной системы, в которой обосновывается социальная принадлежность человека и соответствующий ей образ жизни. Индийская религия начинается со священного слова, ценность которого определяется древностью. Последующие слова представляют собой комментарий к исходным. Всю индийскую культуру можно представить как постепенно концентрическими кругами разворачивающиеся пояснения к Ведам. В четырех древнейших книгах Вед, которые называются *самхитами*: «Ригведе», «Самаведе», «Яджурведе» и «Атхарваведе»[19], - появились термины и символы, составляющие каркас индийского мировоззрения. Главная из самхит – Ригведа – состоит из 1028 гимнов, 10580 стихов в честь богов. Гимны Ригведы возникли около 1500 г. до н.э., а полностью записаны только в XV в.н.э. Таким образом, они длительное время сохранялись в памяти и передавались изустно. И сегодня каждый образованный индуист обязан знать наизусть весь состав гимнов.

К самхитам примыкают *брахманы* – книги, сочиненные священнослужителями для внутреннего употребления. Они содержат пояснения к ритуалам, толкуют смысл жертвоприношения как повторяющегося аналога космогонического процесса. Третья большая часть Вед – *араньяки* – включает правила жизни для лесных отшельников. Последнюю группу текстов составляют *упанишады*. В них дается философское толкование основных положений ведической религии. **Упанишады – это вершина духовной культуры Индии ведического периода**.

Веды составлены на языке, который принято называть ведическим. Он относится к индоарийской языковой семье и обладает очень сложной системой флексий. Параллельно с ним существовал особый язык – **санскрит** (букв. «очищенный»), который использовался только в литературных произведениях (эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна») и философской прозе. Он был подчинен строгим грамматическим правилам и почти не изменился вплоть до современности.

Религия и поэзия долгое время не прибегали к письменности, оставив ее для административных, юридических и хозяйственных документов. Первый индийский алфавит называется *брахми*. Возможно, он сложился под влиянием арамейской письменности, одной из самых древних в мировой культуре. Уже в нашу эру над каждой буквой брахми стали надписывать черточку для выравнивания строки. Позднее эти черточки слились в сплошную линию. Современный алфавит для записи санскритских текстов возник в XIII в. н.э. и получил название *деванагари* («божественный городской»). Он включает в себя 50 знаков:

13 – гласные и дифтонги,

33 – слоги из согласного и краткого «а»,

---

[19] Эти 4 книги представляют собой 4 разновидности священных словосочетаний: «риги» - гимны богам, декламируемые жрецом *хотри*; «саман» - песни священного содержания, распеваемые жрецом *удгатри*; «яджус» - жертвенные формулы, слова, произносимые жрецом *адхварью* во время заклания жертвы и сожжения ее частей, необходимые для божественного принятия жертвы; *атхарван* - жрец огня как главный исполнитель магических заклинаний, которые в основном производились над жертвенным огнем. Каждое словосочетание соответствовало определенному ритуалу.

4 – вспомогательные знаки.

Один из самых популярных графических символов ведийской культуры – *свастика* (санскр. «su astica» - «причастное благу»). Это знак удачи, счастья, солярный символ. Имелась в ведизме и разветвленная числовая символика. Основу ее образует число «четыре»: 4 части Пуруши, 4 варны, 4 части речи, 4 книги Вед, 4 самхиты и т.д. Числом «три» обозначается количество мировых сфер, видов богов, гун как динамических элементов мира, букв в священнгом слоге. Числу «пять» соответствуют 5 ветров, разделяющих и соединяющих мир; 5 дыханий, сплетающих в единое целое человеческую жизнь; 5 материальных элементов (пространство, воздух, огонь, вода, земля) и т.д.

Боги. Ведийский пантеон состоял из 33 главных богов, которые распределялись по трем сферам:

1) небесные боги

Дьяус – бог сияющего дневного неба,

Варуна – справедливости и мирового порядка,

Митра – хранитель договора между людьми и богами,

Сурья – солнца,

Вишну – хранитель,

Ушас – богиня утренней зари и др.;

2) атмосферные (воздушные) боги

Индра – бог-громовержец, покровитель воинов и государственной власти,

Рудра – грозы, гнева и ярости,

Ваю – ветра;

3) земные боги

Агни – бог огня домашнего очага, жертвенного костра,

Сома – одноименного божественного напитка,

Притхиви – земли,

Яма – смерти и подземного мира,

Кама – бог любовного вожделения и т.д.

Кроме богов – *дэвов* и *асуров* – древние индийцы признавали мелких духов гор, лесов, рек: *гандхарвов* и *апсар*. В отношении к человеку они по большей части доброжелательны. Противоположность им составляли злые демоны – *ракшасы*.

Верховным божеством почитался отнюдь не отец богов Дьяус, а Индра, которому посвящено 250, т.е. почти четверть всех гимнов Ригведы. “Индра – прекрасное воплощение буйства жизни, преизбытка космической и биологической энергии; он гонит кровь и жизненные соки, оживляет ростки, дает волю течению рек и раздвигает тучи”[20]. Это воплощение бьющей через край жизни соединяет в себе оплодотворяющую (явленную в образе быка) и сокрушающую силу (в образе «ваджры» - одновременно молнии и алмаза, испепеляющей и нетленной сущности). Такая же картина с некоторыми вариациями повторится потом и в прочих индоевропейских мифологиях: эллинской, римской, скандинавской, германской, славянской. Центральный миф Вед повествует о борьбе Индры со змеем Вритрой.

[20] Элиаде М. Трактат по истории религий. Т.1. СПб.: Алетейя, 2000. С. 173

В нем символизируется победа военного порядка над изначальным хаосом. Этот миф разыгрывался в новогоднем ритуале возрождения мира.

Показательно, что мировая власть и порядок представлены в образах разных богов. Олицетворением космического и земного порядка и справедливости («рита») выступает Варуна. Он осуществляет контроль за поведением всех существ: и богов, и людей, и животных и даже движением вод. Днем глазом ему служит солнце, а ночью звезды. Поэтому ни один дурной поступок не может остаться вне его поля зрения.

Мир в целом представлялся в образе гигантского дерева, растущего из небесных корней ветвями вниз. Ветви этого дерева – пространство, воздух, огонь, вода, земля.

Ритуалы. В целом ведийская религия – это культ природных сил. Центральное положение в культе занимал ритуал *шраута*. Он включал в себя сакральное действие *агништома* – возлияние сомы в священный огонь и своеобразное жертвоприношение.

Назначение данного ритуала трояко:

- благодарность богам за оказанную помощь,
- искупление ранее совершенного греха (богов поили сомой, чтобы они забывали о грехах);
- магический акт, подчиняющий бога воле жертвователя.

В последнем своем назначении ритуал приобретает космический смысл, становится актом переустройства мира.

Ведическое жертвоприношение *ашвамедха*, как предполагал М. Элиаде, первоначально адресовалось Дьяусу, позднее – сменившему его Варуне, а в конце концов – Праджапати (или Индре). Приносимый в жертву конь отождествлялся с космосом, а сам акт жертвоприношения воспроизводит акт творения мира. 34-й бог Праджапати создает мир путем самопожертвования. Все существа, включая богов, происходят из его тела. Прекратив существовать в телесном облике, Праджапати присутствует в мире как духовная основа его единства. Всякое жертвоприношение символизирует возрождение этого бога. Одновременно обряд *ашвамедха* имел значение инициации: участник его обретал бессмертие, т.е. выходил за рамки человеческого состояния в божественное. Брахманы, участвующие в ритуале, прибегали к аскетической практике.

Сходное значение имел ритуал сооружения алтаря Агни, который выступал посредником между людьми и богами. Этот алтарь (в исходной форме – жертвенный костер) символизировал вселенную, а его устройство как бы повторяло акт сотворения мира. Тот, кто производил этот обряд на захваченной территории, обретал законное право на нее.

Коллективное жертвоприношение *саттра* включало в себя магический половой акт и символический агон между брахманом и шудрой, который всегда заканчивался победой брахмана, навсегда закрепляя торжество арийцев над их врагами.

В число ведийских богов включена Вач – богиня речи. Хотя ей посвящен только один гимн Ригведы, в нем она зовется первой из достойных жертвоприношения. Поэтому, помимо действий, частью ритуала было произнесение *мантр* –

священных слов и словосочетаний. В историческом движении от самхит к упанишадам значение словесного обращения к богам возрастало. Внешнее жертвоприношение уступало место внутреннему. Мантра – звук или мелодия, состоящая из одной либо нескольких нот: «Хрим», «Шрим», «Крим», «Ихат». Джина – многократное повторение мантр, увеличивающее их силу. С помощью мантры осуществляется отождествление с божественной формой или энергией. Каждое божество имеет свою биджа-мантру («слог-зерно», т.е. изначальный слог). Самая важная из них – знаменитая **АУМ** (Ом). В ней сконцентрирована такая положительная энергия, что даже боги, находя в ней убежище, становятся «бессмертными и бесстрашными». Вот как она выглядит в графическом виде:

ॐ

Каждой букве этого слога соответствует одна из трех самхит: А – Ригведа, У – Самаведа, М – Яджурведа, а также определенная *гуна*: А – творение, У – сохранение, М – растворение. Согласно тантризму, который мы рассмотрим позднее, вселенная возникла из 50 биджа-манр, соответствующих 50 буквам санскритского алфавита. Существует три способа произнесения мантр: вслух, едва слышно, про себя.

Социальная структура. Религия Вед закрепляет господство ариев в идее незыблемости *варновой* (или, но не точно, кастовой) структуры общества. Люди делятся на четыре варны («цвета»):

1) **брахманы** (возможно, санскр. «молитва») – священнослужители, жрецы, которые ассоциируются с *белым* цветом и имеют в качестве главной обязанности организацию ритуалов и передачу Вед из поколения в поколение;
2) **кшатрии** (санскр. «власть») – воины и светская аристократия, ассоциирующиеся с *красным* цветом крови;
3) **вайшьи** (санскр. «поселенец»), связанные с материальным производством: ремесленников, земледельцев, торговцев; их цвет *желтый*;
4) сословие **шудр** составляют слуги и рабы, соединяемые с *черным* цветом.

В Ригведе происхождение варн объясняется расчленением прачеловека Пуруши:

Когда разделили пурушу на сколько частей он был разделен?
Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, ноги?
Брахманом стали его уста, руки – кшатрием,
Его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.
(Ригведа,Х, 90).

У истоков этого мифа о происхождении стояло, как предполагает М. Элиаде, реальное или аллегорическое человеческое жертвоприношение. Общественная структура возникает благодаря принесению в жертву или самопожертвованию сверхчеловеческого существа.

Варновое деление отразилось, как полагает Р. Генон, в пространственном расположении городов. “В Индии брахманы жили на севере, кшатрии - на востоке, вайшья - на юге и шудры - на западе. Таким образом город делился на «кварталы», в прямом смысле этого термина, первоначально означавшего «четвертину», то есть - четвертую часть поселения, хотя в современном словоупотреблении данное значение более или менее стерлось. Совершенно ясно, что эта планировка тесно

связана с более общей проблемой ориентации, игравшей чрезвычайно важную роль во всех традиционных цивилизациях древности, касалось ли это города в целом, или отдельных зданий” (Генон Р. Зодиак и страны света).

Принадлежность к варне в древности обозначалась суффиксами мужских имен. К имени брахмана добавлялся суффикс «-шарма», кшатрия – «-варма», вайшьи – «-гупта», шудры – «-даса».

Каждая варна имеет собственное понимание высшей ценности и престижа. В ведийском учении в связи с этим было развито учение о **дхарме** (санскр. «порядок», «правило». Для каждого существа, владеющего словом и разумом, своя дхарма, т.е. свое правило жизни, обусловленного его природой и местом в мире.

Для *брахманов* – учение, обучение, жертвоприношения для себя и других, раздача даров и их получение;

- для *кшатриев* – добыча пропитания оружием и охрана живых существ;
- для *вайшьев* – земледелие, скотоводство и торговля;
- для *шудр* – послушание, услужение, ремесло и актерство.

Кроме того, дхарма конкретизируется в связи с четырьмя этапами человеческой жизни:

- для *ученика* – учение, обет нищеты, служение учителю до конца его жизни, а потом его сыну;
- *домохозяина* – добывание средств жизни трудом, брак, исполнение супружеских обязанностей в строго установленное время;
- *лесного отшельника* – отказ от благ внешней цивилизации (земля в качестве постели, шкура антилопы как одежда, лесная пища);
- *для странствующего аскета* – обуздание чувств, прекращение активных действий и общения с людьми, принятие милостыни, постоянная перемена мест.

Одним словом, дхарма предписывала основной род деятельности, стиль отношения к другим людям и живым существам вообще, характер отношения к самому себе, собственным потребностям и страстям.

Мужчины из трех первых варн проходят инициацию (*упанаяну* – обряд одевания священной нити) и поэтому называются *дважды рожденными*. Чем выше варна, тем раньше наступает культурная зрелость. Брахманы проходят инициацию с 8 до 16 лет, кшатрии – с 11 до 22 лет, вайшьи – с 12 до 24. Инициированный приобретает право жениться. Невесту обязан брать только из своей варны, но, во избежание инцеста, из другого рода («готры»). Шудры не проходили инициации и назывались «*единожды рожденными*». Знание Вед было для них запретным.

Из низшей варны в высшую можно перейти только после смерти и нового рождения, если при жизни неукоснительно выполнялись обязанности своего статуса. «Разноцветные» дети, родившиеся от незаконной связи между представителями различных варн, составляли самый низкий социальный разряд – *чандала* «неприкасаемых»). Они должны были селиться вне городских стен, заниматься самыми грязными профессиями (золотарей, палачей, скотобойцев) и извещать о своем приближении стуком, чтобы лица нормальных социальных статусов нечаянно не прикоснулись к ним.

Эта социальная структура носит характер идеальной нормы, определяющей реальную жизнь только в самых чертах. В современной Индии насчитывается около 200 крупных и 2000 мелких кастовых групп, которые формируются на основе наследственной передачи профессий и называются *джати*. Но их поведенческая значимость существенно снизилась. Великий политический и религиозный деятель Индии Мохамдас Карачамчанд Ганди назвал традиционное отношением к чандала «преступлением против человечности». Закон уравнял в правах неприкасаемых, которых сейчас называют *далитами*, но обычай продолжает считать их ритуально нечистыми.

Рождение философии. Завершением ведизма являются упанишады (букв. санскр. «upa-nishad» - «сидящий около», поучение, получаемое учеником от учителя, эзотерическое знание). В этих книгах комментариев, которых насчитывают 108, духовная культура Индии поднимается до уровня философии. Основные их тексты: «Брихадараньяка», «Чхандогья», «Каушитака», «Кена», «Шветашвара», «Майтри» и др., - составлялись в течение длительного периода с VIII по II вв.до н.э. Последняя была написана в XVI в., когда основной состав школ индийской философии уже сложился.

В упанишадах производится радикальная переоценка ценностей власти и мудрости. Повелитель мира Индра 101 год изучает Веды у бога-творца Праджапати, чтобы открыть истинную сущность собственного «Я» и вселенной. Открытие «Я» уподобляется переходу от бодрствования ко сну. Живое существо, в том числе и человек, может пребывать в трех состояниях: бодрствовать («джаграт»), спать и видеть сны («свапна»), находиться в глубоком сне без сновидений («сушупти»). Видящий сновидения более свободен, чем бодрствующий, так как видимый им телесный мир меньше увлекает его и привязывает к себе. Погруженный в глубокий сон свободнее того, кто видит сновидения. Поскольку сняты все зрительные заслоны, ему открывается его истинное «Я» - Атман (в санскрите «atman» - рефлексивное личное местоимение «сам»), одинаковый для всех богов и людей. Во сне человек не передвигается, не видит, не слышит, не говорит, не мысли. У него сохраняется только одна функция – дыхание («прана»). Оно и составляет основу жизни[21]. Может быть и четвертое состояние – выход из сна вообще, полная утрата индивидуальности. Такое состояние в упанишадах называется «турия». В нем Атман сливается с Брахманом (возможно, от корня «brh», означающего разрастание, разбухание жизненной силы) – творческим принципом всего мироздания. «Атман есть Брахман» - важнейшее положение упанишад и ведийской философии в целом. Это именно та истина, которую постиг Индра, учась у Праджапати 101 год.

Подъем на уровень философии, осуществленный в упанишадах, радикально изменил значение мифологии. Мифы теряют самостоятельную ценность и

[21] Индийская культура, как никакая другая, уделяла дыханию огромное внимание, хотя во многих культурах, особенно возникших на индоевропейской основе, «дух» и «дыхание» в своем первоначальном значении совпадают. Понимая дыхательные упражнения как путь к открытию настоящего «Я» и одновременно как способ связи с миром, брахманы выделяли 5 видов дыхания: *прану* – вдох и выдох, производимый легкими; *апану* – дыхание, идущее вниз; *вьяну* – дыхание, разлитое по телу; *удану* – дыхание, идущее верх и находящееся в горле; *саману* – дыхание, находящееся в середине тела и способствующее пищеварению.

превращаются во вспомогательный материал для центрального положения «Аман есть Брахман». Осознание этой истины придает новое звучание проблеме **смерти**. Это не исчезновение в полном слова, а переход из одного состояния в другое. В момент смерти душа покидает тело и направляется по одному из двух путей: либо «дорогой душ» («*питрияна*»), которая ведет на луну, где душа отдыхает в ожидании нового воплощения; либо «дорогой богов» («*деваяна*»), которая ведет к солнцу посвященных - тех, кто освободился от иллюзий, обусловленных неведением. Непосвященная душа переселяется в иное существо, которое как раз готовится родиться. Бесконечный круг таких перерождений называется *сансара*. Умерший человек может вновь родиться богом, злым духом, зверем и т.п. Реинкарнация подчинена особому закону – *карме*. Учение о карме (санскр. «деяние») занимает важное место в упанишадах. Огромная роль ритуальных действий в устройстве и переустройстве мира была распространена на человеческие поступки вообще. **Карма – совокупность всех добрых и злых поступков человека, которая определяет его судьбу в этой и последующей жизни**. Считается, что ни один поступок человека не проходит даром, но получает своеобразное воплощение в человеке. В связи с учением о переселении душ и идеей мокши как прекращения перерождений, окончательного освобождения души, в похоронном ритуале *кремация* постепенно вытеснила ингумацию. Вместе с умершим сжигали некоторые его личные вещи.

Начиная с упанишад, индийская культура ориентируется на обретение знания, а через него – подлинного бытия. Поклонение богам, ритуалы, материальные вещи отодвигаются на второй план. Они, даже если произведения искусства, могут отвлечь от выполнения дхармы. Поэтому от ведийского периода не осталось ни храмов, ни скульптур.

В течение долго времени упанишады оставались эзотерическим оазисом в индийской культуре. Экзотерический характер приобрели ортодоксальные религиозные системы джайнизм и буддизм.

2. Неортодоксальные религиозно-философские системы Индии

Джайнизм. Джайнизм, возникший в VI в. до н.э., заменил мифологию Вед учением о *тиртханкарах*. Это не боги, а своего рода «культурные герои» - «создатели пути». Двадцать четвертым из них объявлен кшатрия Вардхамана, создатель джайнизма (от слова «джина» - «победитель»). Джайнизм разделяет ведийское учение о карме, но отвергает незыблемость варнового деления. Карма – это разноцветная материальная оболочка, прилипающая к душе всякого живого существа, как следствие его действий. Цвет кармы варьирует от черного через синий, серый, красный, желтый до белого – всего 148 оттенков. Вводятся новые понятия «кевала» и «ахимса». *Кевала* – отделение от всякой дурной кармы, обретение всеведения и блаженства. *Ахимса* – один из путей, ведущих к кевале, а именно, «непричинение ущерба всем живым существам». Прочие пути сводятся к отказу от лжи, присвоения чужого, от собственности вообще и целомудрию. Аскетствующий монах с марлевой повязкой и метелкой (в качестве средств, предохраняющих от нечаянного повреждения насекомых) может достичь кевалы за 12 лет. Освободившиеся люди выше богов. Для них жизнь становится

бессмысленной, и им лучше добровольно уйти из нее голоданием. Эти положения способствовали распространению вегетарианства, характерного для Индии и соседних стран.

Примерно в V в. до н.э. джайнизм разделяется на два течения в зависимости от строгости аскетических правил. *Шветамбары* («одетые в белое») допускают ношение одежды; *дигамбары* («одетые небом») требуют полной наготы. В современной Индии джайнизм занимает небольшую социокультурную нишу. Его исповедуют около 3 млн. человек. Некоторые называют его «несостоявшейся мировой религией»

Буддизм. Усвоив и переработав джайнский комплекс идей, Индия породила настоящую мировую религию. Буддисты Индии создали свой собственный, отличный от санскрита литературный язык – *пали*. На нем написаны канонические тексты, объединенные в Типитаку («Три корзины»): Сутра-питака (сборник бесед наставительного характера), Виная-питака (правила поведения для членов буддийской общины – сангхи), Абхидхамма-питака (7 философских трактатов). Возможно, эти тексты первоначально были составлены на санскрите, но до нас дошли только палийские варианты. Первые две «корзины», подобно Ведам, долго существовали в устной передаче.

Основателем буддизма является мудрец («шакьямуни») по имени Сиддхартха Гаутама. После четырех ключевых встреч: со стариком, больным проказой, похоронной процессией и аскетами, - он становится *Буддой*, что буквально означает «проснувшийся», «просветленный». Итогом просветления явилась мысль, что земная жизнь, всякое индивидуальное существование неотделимо от страдания («*духкха*»). Но жизнь в материальном мире является иллюзией, как и сам этот мир и даже «я» в качестве постоянного субъекта. Поэтому от жизни как страдания можно избавиться, однако не смертью, не самоубийством, но путем самосовершенствования, ведущего к *нирване* (палийск. «ниббана»). Просветленному Сиддхартхе открылись четыре благородных истины:

1. Жизнь есть страдание.
2. Причина страданий в самой жажде жизни.
3. От страданий можно освободится.
4. Существует «благородный восьмеричный путь» спасения, т.е. освобождения от страданий.

Каждая из четырех благородных истин имеет свое центральное понятие. Для первой это «*духкха*» - страдание, для второй «*таньха*» - жажда наслаждения и чувствования, для третьей – «*ниродха*» - прекращение страдания, для четвертой «*марга*» - путь. Речь идет в данном случае о восьми этапах, звеньях, или ответвлениях пути:

1) истинное воззрение (*диттхи*), отказ от ложных учений;

2) истинное намерение (*санкаппа*), искоренение помыслов, создающих дурную карму;

3) истинная речь (*вача*), отказ от лжи, клеветы, ругательств, распускания слухов;

4) истинные поступки (*камманта*), запрет убийства, кражи, прелюбодеяния, алчности и гнева;

5) истинный образ жизни (*аджива*), избрание только таких занятий, которые не причиняют вреда другим;

6) истинное усилие (*ваяма*), концентрация на совершении добрых дел;

7) истинное памятование (*сати*), память только о том, что связано с духовным освобождением.

8) истинное сосредоточение (*самадхи*), созерцание, обращенное внутрь.

Первые два этапа вместе составляют **мудрость** (*«праждня»*); следующие три: 3-й, 4-й и 5-й – **нравственность** (*«шила»*), три последние – это этапы **сосредоточения** (*«самадхи»*). В целом такой путь представлялся серединой между чувственным наслаждением и аскетическим самоистязанием. Это и есть буддийский вариант того, что в Европе стали называть обретением *истинной культуры*. Всеми его частями следует овладевать не последовательно, а одновременно, т.е. развивать сразу и речевую, и когнитивную и нравственную культуру, очищать поведение и расширять горизонты сознания, сосредотачиваться на главном, отвлекаясь от побочного и второстепенного.

Человек в буддизме объявляется высшим существом, даже более высоким, чем боги, так как он может непосредственно стать Буддой, а бог – только после того, как родится человеком. Лишь человек может освободиться от оков сансары и достичь нирваны. Собственных богов в буддизме практически нет. Исключение составляет Мара – бог чувственных наслаждений, который с помощью подчиненных ему злых духов отвращает людей от благородного пути. Часть божественных существ буддисты заимствовали у ортодоксальных религий Индии (Брахму, Вишну, Индру), часть, в последующем – из тибетской мифологии. Боги могут оказывать какое-то влияние на ход мировых событий, но они, как и низшие существа, подчинены закону кармы и вынуждены обращаться за помощью к Будде. Лишь Будды способны радикально изменить ход событий в своих и чужих мирах. Гаутама Будда ушел в нирвану, подарив миру свое учение, и в культовой практике почти не играет роли. Будд бесконечно много, как песчинок на берегу Ганга.

В зависимости от того, каким представлялся путь к нирване, в I в. н.э. буддисты разделились на Хинаяну и Махаяну. Хинаяна (букв. «малая колесница») предписывает «узкий путь спасения». Самоназвание этого течения – *Тхеравада*. Нирваны может достичь только святой архат – мужчина-аскет, ушедший от мира, т.е. отказавшийся от варны, семьи и собственности. Дурную карму можно искупить аскетической и добродетельной жизнью в течение нескольких перерождений. Монахи-тхеравадины дают обет не петь, не танцевать, не есть когда попало, не употреблять сильно пахнущих и ярких вещей. Из этих обетов выкристаллизовалось отрицательное отношение к изобразительному искусству. Хинаяна долгое время запрещала изображать Будду в скульптуре и живописи из-за презрения ко всему телесному. Хинаянская версия буддизма распространилась в странах Юго-Восточной Азии: Шри Ланке, Бирме, Таиланде, Лаосе, Кампучии, где по сей день остается господствующей религиозной системой.

Махаяна (букв. «большая колесница») допускает «широкий путь спасения». Нирваны могут достичь не только монахи, но и миряне, если они выполняют религиозные заповеди под руководством священников, раздают милостыню и исполняют комплекс нравственных принципов, называемый «*шила*».

Центральное место в махаяне занимает мифологический образ *бодхисаттвы*. Это человек, достигший просветления, но не ушедший в нирвану, а оставшийся в мире для помощи людям и другим живым существам, чтобы спасти их всех. Кардинальным отношением бодхисаттвы ко всему живому является «*махакаруна*» (великое сострадание).

Постепенно сложился собственный пантеон богов, так называемых *дхьяни-будд*. Из них наиболее почитаемы следующие пять:

Вайрочана, который ассоциируется с синим цветом, центром мира, а из органов чувств – со зрением;

Акшобхья – белый цвет – восток – слух;

Ратнасамбхава – желтый – юг – осязание;

Амитабха – красный – запад – обоняние;

Амогасиддха – зеленый – север – вкус.

В буддизме сформировались 4 крупные философские школы: *сарвастивада*, или вайбхашика (ее главные представители Дхарматрата, Васумитра и Васубандху) и *саутрантика* (Кумаралата, Яшомитра и др.) в Хинаяне; *мадхьямика*, или шуньявада (Нагарджуна, Арьядева и др.) и *виджнянавада*, или йогачара (Асанга, Стхирамати) в Махаяне. Стержень буддийской философии направлен на критику центральной концепции упанишад. С устранением Атмана-Брахмана вырывается, как полагали все буддисты, корень человеческого эгоизма. Вместо абсолютно устойчивых сущностей Атмана и Брахмана буддизм вводит закон «взаимозависимого порождения» (*пратитья-самутпада*), по которому наши действия (карма) постоянно изменяют и нас самих и мир в целом. В человеческом «Я» нет ничего устойчивого и постоянного. Все его элементы: телесные органы, ощущения, восприятия, волеизъявления, акты сознания – это пучок, связанный кармой. Миру, где действует этот закон, миру *сансары* буддисты противопоставили нирвану.

В центр обсуждения выдвигается понятие *дхармы* (палийск. «дхамма») как основного элемента человеческого опыта и реальности. Буддийская дхарма – это просто наличная качественная определенность. Было выделено 75 различных дхарм: 11 типов материальных форм (зрение и зримое, слух и слышимое и т.п.), ум, 46 сопутствующих умственных факторов (формы внимания и пр.), 14 условий, отделенных от ума (грамматические категории, постоянство и непостоянство, накапливание и рассеивание кармы и т.д.) и 3 необусловленные дхармы (пространство, отделение от загрязненных дхарм, невозникновение загрязненных дхарм. Все дхармы анализируются в их отношениях друг с другом и с точки зрения их кармических последствий.

Различие философских школ хинаяны и махаяны состоит в истолковании дхармы. Первые считают, что есть дхармы, которые существуют абсолютно и не подлежат причинной обусловленности (последние три из 75). Махаянские школы отрицают существование таких дхарм, полагая, что все они причинно обусловлены. **Сарвастивада** утверждала, что дхармы существуют реально: как в настоящем, так и в прошлом и в будущем. **Саутрантика**, критикующая эту точку зрения, заявляла, что дхармы реально существуют лишь в данный момент времени, когда они оказывают причинное воздействие на события мира. Все остальные дхармы

реального существования не имеют, а только служат именами для описания и объяснения. **Мадхьямика** искала средний путь между учениями о том, что все существует, и учениями о том, что не существует ничего, развивая учение о двух слоях истины: «сокрытой», или относительной истины «самврити сатья») и истины высшего смысла («парамартха сатья»). Первая открывается до конца не пробудившемуся человеческому сознанию. Она касается только вещей, данных нашим чувствам, причинно обусловленных и выражаемых словами. В этой истине обозначаемое скрыто за обозначающим. Истина высшего смысла доступна только нирваническому сознанию, которое уже вышло за пределы обозначающего и обозначаемого и постигает то, что не может быть выражено словами. Но эта последняя не может быть открыта сразу. «Сокрытая» истина выступает ее предварительным этапом и необходимым условием. Для того, кто достиг истины высшего смысла, исчезает разница между сансарой и нирваной.

Виджнянавада поставила целью устранение привязанности к объектам внешнего мира и для этого подвергла критика 8 видов сознания: зрительное, слуховое, осязательное, обонятельное, вкусовое, опытное, рефлективное и *алайя-виджняна* («сознание-хранилище, в котором пребывают семена прошлых впечатлений, прорастающих в новые впечатления). Все эти виды сознания иллюзорны, поскольку способ нашего видения вещей определяется прежними впечатлениями. Они должны быть преодолены и преображены в «великое сознание-зеркало, которое точно отражает все без каких-либо предпочтений, склонностей, предвосхищений и привязанностей.

Махаяна распространилась в Китае, Корее, Японии, Вьетнаме, оказавшись более влиятельной, чем Хинаяна.

Третья разновидность буддизма – **ваджраяна** («алмазная колесница») – возникла в III в. н.э. Ее называют также буддийским тантризмом или тибетским ламаизмом. Символ ваджры (молнии-алмаза) перешел к Будде от ведийского Индры. По доктрине ваджраяны, нирваны можно достичь даже за одну жизнь, если овладеть тайным знанием («тантрами»), выполнять йогические упражнения и медитировать с помощью *идамов* – личных божественных покровителей. Этот путь, названный «необычным», считался дополнением к «обычному пути»: изучению буддийских сочинений, очищению сознания от страстей и обретению мудрости через слушание учителя. Тибетский ламаизм включал в себя четыре основные школы.

Первая из них *ньингма-па* («древняя») была организована в VIII в. буддийским миссионером Падмасамбхавой, написавшим книгу «Лам рим чен мо» («Стадии пути»). В этой школе сложилась система 9-летнего монастырского образования, построенного на изучении тантрических текстов и комментаторских книг;

Основателем школы *саскья-па* (названная по местности Саскья, где возник первый монастырь) был Гунга Ньинпо (XII в.). здесь изучалась история буддизма и родословная царей, в практику обучения введен философский диспут. Именно эта школа способствовала распространению буддийского тантризма у монголов.

Школа *кагьюд-па* сместила акцент в образовании с изучения текстов на передачу знаний от учителя к ученику, на усвоение техники изменения сознания и личности. В системе ламаистского образования особая роль отводилась слушанию как начальной фазе изменения сознания.

Гелуг-па, основанная Цзенкадой (Цзонхавой) в XV в., с XVI в. стала доминирующей в политической жизни Тибета, создав теократическое государство, верховная власть в котором принадлежит Далай-ламе, главе школы.

Долгое время тибетские школы развивались в полной изоляции друг от друга. В конце XIX в. движение Римей призвало первые три школы к диалогу.

Монастыри с моментами их зарождения выступали центрами производства и распространения культуры. Монастырские школы были аналогами европейских университетов с тремя или четырьмя факультетами: философским, тантрическим, медицинским и астрологическим. В них изучалось наследие всех 4 школ буддийской философии: как махаянских, так и хинаянских. Изучение философии включало 5 дисциплин: мадхьямику, виджнянаваду, «Энциклопедию Абхидхармы» Васубандху, «Праджняпарамиту» и «Виная-питаку».

Ламаизм распространился в Тибете, Бутане, Монголии, а также в трех республиках России: Бурятии, Тыве и Калмыкии.

В самой Индии буддизм практически не сохранился, был вытеснен индуизмом. В настоящий момент насчитывается всего 3,8 млн. индийских буддистов, что не соизмеримо с общим населением этой страны.

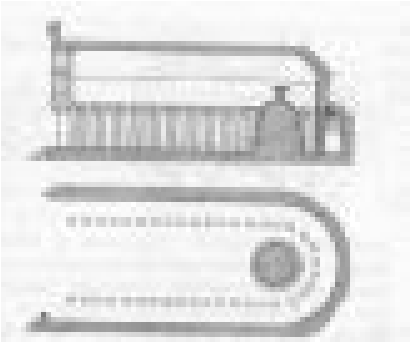
Буддийское искусство. Махаяна способствовала развитию каменной архитектуры и скульптуры. Самые характерные сакральные сооружения – *ступы* – выложенные из кирпича купола, появившиеся еще в эпоху Маурьев, до разделения буддизма. Они постепенно развились из погребальных холмов, посвященных святым, в трехмерную модель вселенной. Первоначально ступа символизировала перевернутую миску Будды, служившую для сбора подаяний. В дальнейшем она разделилась на три части, которые символизируют три уровня вселенной:

1) круглый или квадратный цоколь соответствует *земле*;
2) полусферический купол на цоколе – *воздушному пространству*;
3) каменные зонтики над куполом – *небу*.

Через весь купол до его основания проходит стержень, обозначающий мировую ось. На вершине ступы, под зонтиками располагается *хармика* – квадратная надстройка, символизирующая жилище богов – гору Меру, находящуюся в центре мира. Ступа обнесена каменной оградой с 4 воротами *торана*, сориентированными по сторонам света. Ступа предназначалась для хранения буддийских святынь. В ней находились тела святых, мумифицированные в соли или проваренные в масле.

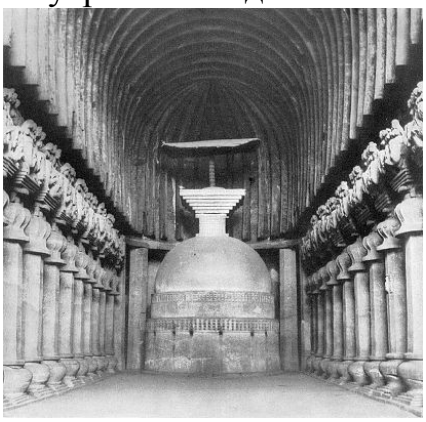
Большая Ступа в Санчи (III-II вв. до н.э.). Резные ворота (торана) высотой 11 м были сооружены в конце I в. до н.э.

Важными культовыми сооружениями были *чайтьи* – храмы, включающие уменьшенную ступу в качестве своей составной части – самого священного места.



Первоначально в них строго соблюдалась пропорция 1:2:1. С III в. до н.э. чайтьи вырубались из цельной скалы. Отличительными их признаками выступают абсида – полукруглый выступ с той стороны, где находится ступа, и сводчатый потолок. Единственным источником света служило подковообразное окно. Колонны и покрытие стен имитируют наземные сооружения.

Внутренний вид чайтьи:

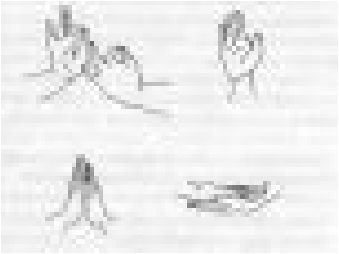


Особым стилем отличались *вихары* – залы для собрания монахов, которые представляли собой квадратный или прямоугольный зал с плоским потолком.

Вторую позицию, после архитектуры, в иерархии буддийских искусств занимала скульптура. Она включала в себя каменные рельефы на оградах и воротах ступ, на стенах чайтий и вихар. В рельефах чаще всего изображались *якши* и *якшини* – божества, выполнявшие охранительные функции, а также *майтхуны* – любовные пары, символизирующие соединение мужского и женского начал. К ним в полной мере относится характеристика индийского искусства как искусства «набухающих форм». В них воплощен индийский идеал красоты: «Широкие, массивные, тяжелые бедра; глубокий пупок; лишенное волос лоно; округлые, твердые груди, расположенные вплотную друг к другу, и шея, пересеченная тремя складками, - вот что приносит блаженство и радость». Мужские фигуры также наделялись женоподобными, мягкими и пышными формами.

Круглая скульптура – изображения Будд и Бодхисаттв для почитания – появилась позднее, вместе с махаяной. До этого вместо статуй использовались цветок лотоса, дерево Бодхи, под котором у Гаутамы случилось просветление, или дхармачакра (колесо со спицами как символ арийского восьмеричного пути), т.е. знаки, указывающие на основные вехи его жизненного пути.

Как и в Египте, ваяние подчинялось жестким правилам, хотя и другим. Они касались, в первую очередь, позы и положения рук, а также выражения лица. Символические жесты рук назывались «*мудры*».



В соответствии с их разновидностями в I в. н.э. сложились два основных типа изображения Будды:

- *абхая мудра* - Будда стоит, левая рука вытянута вдоль бедра, правая поднята и повернута ладонью к зрителю (жест покровительства);
- *дхьяна мудра* – Будда сидит медитируя, правая его рука вложена в ладонь левой.

Каноническим для последнего типа изображения Будды является отрешенное выражение лица. В самых богатых храмах хранились статуи не из камня, а из золота и серебра.

Росписи на стенах и потолках пещерных храмов воспроизводят сцены из жизни Будды. В эпизодах из его предшествующих жизней присутствовали эротические мотивы.

3. Индуизм: религия, искусство, наука

Индуизм сложился в конце I в. до н.э. путем соединения религии Вед с местными культами. С одной стороны, в него вошел весь комплекс Вед, называемый «*шрути*» («услышанное») и понимаемый как божественное откровение. С другой стороны, мифологическую основу индуизма составили «*смрити*» - эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», в которых повествования о ведических богах соединяются с образами аборигенных, неарийских богов: Нараяны, Кришны, Лакшми и др. «Индуизм» - европейское название. Сами индусы называют свою религию «варна-ашрама-дхарма».

В культе Индра отодвигается на второй план, а на передний выходит «тримурти» - троица богов:

Брахма – творец мира, отождествляемый с Праджапати и символизируемый красным цветом, священное животное – гусь, знак – А;

Вишну – хранитель – белый цвет – орел – У;

Шива – разрушитель – черный цвет – бык – М.

Таким образом, троица богов вместе составляет уже известную нам священную биджа-мантру АУМ, где каждый звук эквивалентен определенному состоянию сознания: А – бодрствованию, У – сновидению, М – сну без сновидений. Безмолвие вокруг священного слога равнозначно не явленному трансцендентному, т.е. состоянию *турии*.

Рангом ниже тримурти располагаются *локапалы* – божественные хранители стран света:

Индра – восток, Яма – юг, Варуна – запад, Сома (иногда Агни или Кубера) – север.

Служение богам включало в себя жертвоприношения и другие виды заботы, оказываемые жрецами в храмах так называемым «*мурти*» - статуям богов Вишну, Шивы, Шакти, Ганеше, Хануману и т.д. Священнослужители наносили на тело символические атрибуты божества: метательный диск *чакру* и раковину *шанкху*. Сначала это были татуировки, потом выжигаемой клеймо. К священнодействиям относились *упаваси* (воздержание от пищи) и очищение.

Со временем Брахма-Праджапати утратил первостепенное значение, а индуисты разделились на четыре основные религиозные системы: **вишнуизм**, **шиваизм**, **шактизм** и **кришнаизм**. Главными качествами Вишну, которого звали также Нараяна и Бхагават (Господь), считались всеведение и любовь. Из любви к людям Вишну уменьшает дистанцию между божественным и человеческим, принимая низший, явно не свойственный ему способ бытия, воплощаясь в дереве гуласи, камне салаграма или в иных земных формах. Таким образом, чтобы спасти людей, бог идет им навстречу. Священный символ вишнуитов – трезубец, рисуемый на лбу. Красный зуб означает менструальную кровь, два серых – семя. У Вишну 10 *аватар* - различных воплощений, одним из которых является Кришна – бог любви.

Шиваиты (иначе «шайвы») поклоняются Шиве как олицетворению жизненной силы и мужского начала. Каменные «лингамы» в храмах и храмы в форме лингамов символизируют его колоссальные творческие возможности, способность ритмическим творить и разрушать вселенную. Обычно лингам изображается вместе с «йони» - аналогичным женским органом, олицетворяющим Парвати – супругу Шивы. Опознавательным знаком шиваитов служит перстень с изображением лингама и йони.

Космическая роль Шивы сосредоточена в его магическом танце. С его помощью он приводит вселенную в порядок. В конце каждой *кальпы*,

длящейся 4 млрд. 320 млн. человеческих лет бог разрушения испепеляет мир, взирая на него своим третьим глазом.

В индуизме сложилась иерархическая система основных ценностей. К ним относятся:

1) **дхарма** – священный долг, содержание которого зависит от варны и ашрама;

2) **артха** – материальная выгода и политическая целесообюразность;

3**) кама** – чувственное, в том числе эротическое наслаждение;

4) **мокша** – освобождение от перерождений и субъективности как таковой.

Эта иерархия свидетельствует о том, что для индийской культуры характерен синтез аскетизма с эротикой. Особой силы он достигает в кришнаизме и индуистском тантризме. Кришна обладает 16108 женами и волшебной способностью выполнять супружеские обязанности одновременно со всеми. Даже далеко за пределами индийской культуры широко известна кришнаитская мантра: «Харе Кришна, харе, харе». Эротические мотивы проявились и в *шактизме*. Шакти – творческая сила мужского божества, представленная как его женская ипостась. Таковою выступает богиня Лакшми по отношению к Нараяне. Этой идеей пронизана традиция *пуран*, утвердившаяся в VI-VII вв.

Искусство. Индуистское искусство развивалось под влиянием Вед и буддийских импульсов. Среди временных видов искусства выше всего ценились поэзия и музыка, которые были необходимой частью ритуала, направленного на услаждение богов.

Древнейшие термины, используемые для характеристики словесного искусства, как отмечает В.В. Иванов, происходят из плотницкого и ткацкого ремесла. Поэзия первоначально была включена в систему ритуальных отношений между различными варнами, основанную на принципе обмена дарами. Гимны понимались как дары богам. Их сочинители вводили себя в сакральное экстатическое состояние, употребляя божественный напиток – сому. Подобно жрецам, они связывают небо и землю, богов и людей, внося божественный порядок («риту») в земную жизнь. Древнейшим жанром индийской поэзии были *брахмодии* – вопросно-ответные диалоги жрецов, серии загадок и отгадок, касающихся устройства мира.

Начиная с Ригведы, индийская поэзия тесно связана с грамматикой. Она пользуется *метром*, основанным на соотношений долгих коротких слогов и внутренней рифме. Стих делился на *пада*, которые содержали 8, 11 или 12 слогов. Метр определялся характером и количеством пада в стихе. Наибольшее распространение получили 4 метра:

- гаятри (3 пада по 8 слогов);
- ануштубх (4 пада по 8 слогов);
- триштубх ((4 пада по 11 слогов);
- джагати (4 пада по 12 слогов).

Из ануштубха сложился преобладающий жанр индийского эпоса – *шлока*. Характерным поэтическим приемом выступает употребление слов

одновременно в нескольких смысловых плоскостях и связанное с этим увеличение числа переносных значений каждого слова.

В лирической поэзии («*кавья*»), которая понималась как органическое соединение слова и музыки, возник особый литературный язык *махараштри*, приспособленный к потребностям пения. В нем допускалось соединении любого числа гласных.

Собственные языки: *шаурасени* и *магадхи*, - сложились и в искусстве театра. Через них маркировался социальный ранг персонажей. Актеры, исполнявшие роль брахманов, царей, военачальников и т.д., говорили на санскрите. На шаурасени говорила главная героиня, ее подруги, мужские персонажи среднего ранга: евнухи, астрологи и т.п. Магадхи употреблялся персонажами низкого социального статуса: стражниками, соглядатаями, мужчинами, живущими в женских покоях. Для указания на принадлежность к самому низкому социальному слою в речь персонажей вводились слова и обороты из неарийских языков.

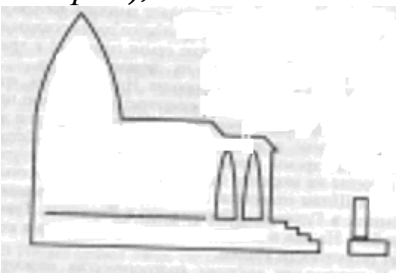
Искусство театра считалось даром Брахмы и «пятой ведой», доступной для всех варн, а не только для «дважды рожденных». Представление начиналось с ритуального восхваления богов и вызывало 8 видов настроения: эротическое, комическое, патетическое, героическое, грозное, боязливое, одиозное и волшебное. Индийская драма строилась на 5 основных видах связи между действующими лицами: *мукха* (завязка), *пратимукха* (развитие), *гарбха* (созревание), *авамарса* (пауза) и *нирвахана* (развязка). Различные комбинации этих связей дают 10 драматических жанров: анка, прахасана и т.д. Драматическими шедеврами являются «Шакунтала» Калидасы, «Глиняная повозка» Шудраки и др.

В музыке существовали 2 основных лада: *са-грама*, которая приблизительно соответствовала европейскому мажору, и *ма-грама*, сходная с минором. Оба лада имели общую шкалу интервалов, включающую 7 ступеней. Отличие между ними определялось положением тоники и ее величиной. Тоникой первого лада была ступень «са», второго – «ма». Минимальным интервалом считался «шрути». Общее число шрути в в ладе было постоянным и равнялось 22, но их величина была неравною. Ступень лада мыслилась не как отдельный звук, а как звук, слитый с интервалом. Допускались 6 и 5-ступенные варианты обоих ладов, т.е. возможность выпадения одной или двух любых ступеней лада. Шкала была ориентирована сверху вниз, все ее интервалы отсчитывались от верхней ноты. Абсолютная высота звука не имела никакого значения. Весьма вероятна органическая связь ладовой системы индийской музыки с письменностью деванагари.

Среди пространственных искусств, которые начали бурно развиваться в эпоху Гуптов, на первом месте находилась архитектура, на втором скульптура, на третьем живопись. Храмовая архитектура выросла из махаянистких образцов и ведийской ритуальной практики. Ведийская религия не предполагала храмов, но для постоянных жертвоприношений сооружались алтари с навесом, ориентированные по линии «прачи» (запад –

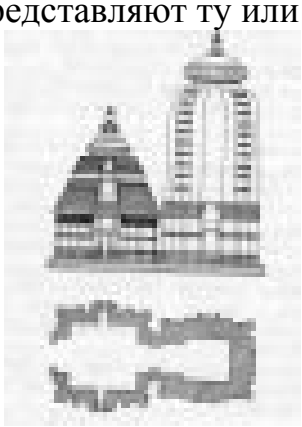
восток). Нижние три алтаря назывались «агни». Строительство алтаря, как отмечал М. Элиаде, уподоблялось сотворению мира. Вода указывала на связь с исконными водами; глина – с землею, боковые перегородки – с воздухом. Алтарь «агни» символизировал собою год, 360 камней в его ограде – это 360 ночей в году, 360 камней в самом алтаре соответствуют числу дней. “Таким образом, алтарь превращается в микрокосм, который существует в мистическом времени и мистическом пространстве, качественно отличных от времени и пространства профанных. Сотворение алтаря само по себе означает повторение космогонии”[22]. Любой камень алтаря, превращаясь в Праджапати, может отождествляться со всем мирозданием.

Ведические алтари в свернутом виде вошли в структуру храмов (*мандиров*), каковые начали возводиться в эпоху Гуптов.



Самый простой храм имел в плане прямоугольную форму и включал в себя *гарбхагриху* (святилище) с алтарем и статуей божества, *мандапу* (зал для собраний) и *ардхамандапу* (помещение при входе). У входа в храм устанавливалась статуя, символизирующая средство передвижения соответствующего бога: быка Нанды для Шивы, орла Гаруды для Вишну или крысы для Ганеши. Над гарбхагрихой надстраивалась конусная или ступенчатая башня – *шикхара*.

На юге Индии возводили многоярусные пирамидальные башни (храм Кайласанатхи в Эллоре VIII в.), на севере шикхары фаллической формы (храм Муктешвары в Бхуванешваре X в.) В плане многие храмы представляют ту или иную *янтру*, т.е. графический символ.



В индуистском ваянии представлены круглая скульптура и рельеф для украшения храмов. В основном это изображения богов, подчиненные каноническим размерам. Основной измерения служила *ангула* – ширина средней фаланги среднего пальца мастера. Высшие боги изображались

[22] Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 2. С. 260-261

высотой в 108 ангул, средние и низшие – 104, 100, 98 ангул. Изображение богов было священной обязанностей касты горшечников.

Каменная скульптура Вришаки (примерно VIII-X вв.).

Живопись подчинялась двум принципам:

- каноническому набору признаков: тип человека, цвет тела, вид одежды и украшения;

- требованию сходства с реальным объектами.

На скульптуру и живопись существенное влияние оказали искусство танца и театр. Индийский танец отличался дискретностью смены движений во времени: одна поза резко сменяется другой без плавных переходов. Для индийского искусства вообще характерны глубокие связи между различными видами, как временными, так и пространственными. Рельефы храма Чидамбарама считаются настоящей энциклопедией танца.

Насильственная исламизация Индии на протяжении многих веков не смогла подрубить корни самобытного художественного творчества. Пуританский дух мусульманского искусства , поддерживаемый властью, не

одолел жизненный поры «набухающих форм». Колонны и статуи из разрушенных индуистских храмов, вставленные в каркасы мечетей, минаретов и мавзолеев, проросли торжеством индийского духа, удивительным образом сочетающего в себе йогический аскетизм с утонченной чувственностью. Творческое взаимодействие культур воплотилось в мавзолее Тадж-Махал (XVII в.) и живописных миниатюрах Могольской школы, школ Декана, Раджастхана и Пахари.

Миниатюра «Весенний танец Кришны» (XVIII в.).

Картина мастера школы Моголов «Пастушка Радха»

Философия и наука. В познавательной культуре индуизма издавна различались изучение общего и изучение частного. Самым значительным продуктом этой культуры является философия. Огромное влияние на ее развитие оказали упанишады и VI часть Махабхараты – *Бхагаватгита* («Божественная песнь»). Точное время ее составления не известно, специалисты указывают на период с V по I вв. до н.э. В Бхагаватгите изложено учение о йоге как пути к освобождению человека, учение,

составляющее, пожалуй, своеобразное ядро индийской культуры, уникальный синтез игрового и серьезного содержания.

Речь идет в нем о внутреннем освобождении человека от мира насилия и греха. Человек не может не участвовать в мировых событиях, но, совершая что-либо, например, участвуя в войне, он не должен слишком сильно привязываться к совершаемому, т.е. должен уметь отстраняться от него. Путем самонаблюдения человек отделяет ту часть собственного «я», которая направляется внешними событиями и такими страстями, как ненависть, гнев, страх, вожделение, от настоящего «я», которое способно в любой ситуации сохранять спокойствие и бесстрастие. Через отстранение, как мы уже установили, организует себя игровое содержание культуры. Доведенное до предела, оно вырождается в «искусство для искусства», в позицию стороннего наблюдателя, бесстрастно любующегося происходящим. В Бхагаватгите, а потом и в индийской философии вообще впадению в такую крайность препятствует учение о *бхакти* – страстной любви к богу, которая является и результатом отстранения от своих действий и путем, ведущим к нему.

Индийская философия зарождается в рамках религии Вед как попытка критического переосмысления религиозных положений. Наиболее известной философской системой, радикально отрицающей ведическое мировоззрение, считается *локаята*. В самом ее названии указывается на то, что единственной реальностью признается чувственный мир («*лока*»). Прямым выводом из такого признания является отрицание переселения душ и кармы. Все вещи в мире разлагаются на пять элементов: эфир («*акаша*»), воздух, огонь, воду, землю. Такой принцип философствования принято называть материализмом. Наиболее радикальные материалисты ограничивались признанием 4 последних элементов, отвергая существование неосязаемого эфира.

Намного более влиятельными в индийской культуре оказались те философские школы, которые признавали сакральный авторитет Вед и потому относились к «*астике*». Их различия связаны с идеей, что хотя истина одна, приближаться к ней можно разными путями. 6 таких путей образуют 6 *даршан* – ортодоксальных школ индийской философии.

Ньяя, основателем которой считается легендарный мудрец Готама, разрабатывает систему методов ведения *дискуссии*. ***Вайшешика***, приписываемая мудрецу Канаде, рассматривает основные принципы *классификации* – сходства и различия вещей.

Санкхья, которую связывают с мудрецом Капилой, занимается проблемами бытия. Ее центральные понятия: *пракрити* (природа) и *пуруша* – первочеловек, духовное существо. Соединение пуруши с пракрити создает мир с тремя его *гунами*: *тамасом*, *раджасом* и *саттвой*.

Гуны («нити», «волокна», «свойства») – это то, из чего сплетаются все вещи, существа и события. “Саттва означает ясность, чистоту, уравношенность и символизируется белым цветом. Раджас характеризуется стремительностью, возбуждением и символизируется красным цветом.

Тамас характеризуется тьмой, инерцией, тяжестью и символизируется черным цветом”[23]. Преобладание той или иной гунны в человеке определяет его характер и последующую реинкарнацию. Если в его «ткань» вплетено слишком много черных нитей, он будет в этой жизни беспечным, ленивым и тупым, а в новой жизни станет животным или даже растением. Преобладание красных нитей делает человека страстным, деятельным, предприимчивым и обрекает на повторное рождение в человеческом облике. Белые нити дают знание и радость, а после смерти – рождение в божественном облике. Есть и четвертое состояние, которое свободно от всех гунн: и от невежества, и от страстей, и от радостей познания, - это состояние отрешенности. В нем пуруша освобождается от связи с пракрити.

Основателем ***йоги*** считается Патанджали. «Йога» означает, во-первых, «связь», «соединение», во-вторых, «упражнение», «усилие». Этим термином именовалась аскетическая практика, стремящаяся поставить под контроль все душевные и телесные функции. Выделились четыре основные пути или направления:

а) бхакти-йога,

б) карма-йога,

в) джняна-йога,

г) раджа-йога.

Первая из них – йога благочестия, всепоглощающей любви к богу, требует безусловной преданности своему божеству и своему гуру (духовному наставнику, учителю). Идеи ее изложены в «Бхагаватгите» - одной из частей «Махабхараты». Величайшими представителями бхакти-йоги считаются Рамануджа и Шри Чайтанья.

Джняна-йога («йога знания») нацелена на постижение внутренней сути вселенной с помощью интеллектуальной интуиции. Ее лидером почитается Рамана Махарши.

Раджа-йога (т.е. «царская») представляет собой высший путь. Ее целью выступает достижение самадхи – непосредственного восприятия божественной реальности. В качестве приемов она включает в себя сосредоточение и визуализацию. Йогическая практика включает в себя восемь ступеней:

1) *яму* – дисциплину и самоконтроль,
2) *нияму* – предписания и правила,
3) *асану* – 84 специальные позы тела; главные из них: *поза лотоса* (падмасана), и *полулотоса*, кроме того, *поза совершения* (сиддхасана), *поза трупа* (шавасана) и т.д.
4) *пранаяму* – дыхательные упражнения,
5) *пратьяхару* – избегание нежелательных действий (например, брахмачарья – обязательное безбрачие);
6) *дхарану* – сосредоточение,
7) *дхьяну* – более сложные медитативные действия,

[23] Смирнов Б.Л. Санкхья и йога// Бхагаватгита. СПб.: A-cad, 1994. С. 356

8) *самадхи* – непосредственное созерцание божества.

На высшей стадии самадхи йог впадает в экстаз, который длится 21 день, а потом умирает.

Виртуозы йогической практики приписывают себе обладание сверхчеловеческими способностями (сиддхи). К ним относятся *анима* – произвольное уменьшение собственной величины до размеров атома; *антардхана* – обретение невидимости; *камавашайта* – умение управлять страстями; *камарупитва* – способность принимать разные формы; *лагхима* – левитация (полет над землей на высоте около 60 см.)[24]; *махима* увеличение своих размеров до величины планеты и т.д., всего 84 способности.

Миманса дает логическое объяснение ритуалов. ***Веданта***, основание которой приписывается Вьясе, постепенно вытеснила предшествующие школы. Всю совокупность философских построений она выводит из центрального тезиса о тождестве Атмана и Брахмана. Именно к этой школе принадлежаливедущие философы Индии Шанкара (VII-VIII вв.), Рамануджа (XI в.), Мадхва (XIII в.) и др.

Научная мысль Индии воплотилась преимущественно в лингвистике, математике, астрономии и медицине. Уже на основе Вед оформился комплекс 6 наук (*веданг*):

шикша – морфология, учение о частях слова;

кальпа – наставления по совершению обрядов;

вьякарана – учение о строении предложений;

нирукта – о происхождении смысла слов из составляющих их слогов и звуков;

ихандас – о поэтических метрах;

джьотиша – астрономия.

В этом комплексе наук безусловно преобладала грамматика. Ее доминирующая роль обусловлена тем, что первыми грамматиками были жрецы, организующие ритуалы жертвоприношения. Поскольку эти ритуалы включали распевание гимнов, необходимо было следить за правильностью произносимых слов так же, как за правильностью производимых действий. Подобно расчленению жертвенного животного жрецы-грамматики делили текст на составные части и устанавливали систему их внутренних и внешних соответствий[25].

Медицинский трактат «Аюрведа» содержит множество магических способов излечения, заимствованных из Атхарваведы. Таково, например, заклинание на обретение мужской силы:

Каков уд носорожий,
Слоновий и тот, что ослиный,
Каков у мощного коня –

---

[24] «Окрыленность», способность летать становится, как полагает М. Элиаде, символической формулой выхода за рамки условий человеческого существования. Возможность взлететь, воспарить означает доступ к высшим, последним реальностям бытия

[25] См.: Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки// Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 42

Такой же уд пусть вырастет у тебя.

Цифры, которые мы называем арабскими, на самом деле происходят из Индии. В VIII-IX вв. была создана позиционная система записи чисел, включавшая в себя нуль как обозначение незанятой позиции. Крайняя справа цифра обозначала единицы, стоящая перед ней десятки, следующая сотни и т.д.

Индийский календарь включал в год 360 дней, добавляя еще один месяц каждый пятый год. Выделялись огромные временные промежутки: 1 кальпа = 1 махаюги = 4 юги = 4 млрд. 320 млн. человеческих лет.

4. Эзотерические течения в индийской культуре

Тенденция к мистическому самоуглублению была свойственна индийской культуре с древнейших времен. Уже в упанишадах проводится радикальное различие между внешней стороной ритуала и его сокровенной сутью. В дальнейшем разделение экзотерического и эзотерического происходило как в ортодоксальных так и в неортодоксальных направлениях.

Важнейшим эзотерическим течением в индуизме является тантризм. В основе термина лежит корень «тан» - «расширять». Речь идет о расширении сознания и человеческих способностей вообще. Сохранилось множество священных текстов этого течения – *тантр*. Они написаны от начала нашей эры до XIX в. Большинство из них – диалоги между Шивой и Парвати. Тантры делятся на четыре группы: метафизические, йогические, ритуальные, этические. Самые известные – «Гуптасатхана-тантра», «Йони-тантра», «Кумари-тантра» и др.

Концепция тантризма сформировалась около V в. и достигла максимума популярности на рубеже XII-XIII вв. Колыбелью течения являются Бенгалия и Ассам. Тантристы считают свое учение более высокой ступенью посвящения по сравнению с экзотерическим индуизмом. Структуру учения составляет теория чакр, йогическая практика (кундалини-йога), визуализация (янтры и мандалы), произнесение мантр. В тантрах употребляется особый язык, основанный на метафорических замещениях. Обычные слова «падма», «бхага», «ваджра», «линга» приобретают тайное сакральное значение.

Высшей реальностью считается единство Шива-Шакти. Момент слияния с этой реальностью вызывает восторженную радость – *ананда*. Шива – мужское начало вселенной, Шакти – женское. В микрокосме аналогом Шакти является кундалини. Тантризм учит, как пробуждать кундалини и выводить ее на духовный уровень.

По древней традиции, в теле человека выделяются четыре чакры – центра тонкой психической энергии:

1) Манипура-чакра, имеющая поэтическое название «жемчужный город»;
2) Сахасрира-чакра («тысяча»),
3) Вишуддха-чакра («чистая»),
4) Анахата-чакра («нетронутая»).

Первая чара представляет собой золотой лотос с 64 лепестками, расположенный в середине пупка. Вторая находится на макушке. Энергия кундалини соединяется в ней с чистым сознанием и человек выходит за пределы сансары. Представляет собой лотос бледно-лилового цвета с 1000 лепестками. Третья находится в горле, глоточном сплетении и являет собой 16-лепестковый лотос небесно-голубого цвета (по иной версии, дымчато-фиолетового). Четвертая чакра пребывает в центре груди, в районе сердца как 15-лепестковый красный лотос.

Позднетантрическая система включает семь чакр. К четырем древним добавляются:

5) Муладхара-чакра, самая нижняя, которая находится в области копчика и промежности – 4-лепестковый ярко-малиновый лотос, главное средоточие энергии кундалини;
6) Свадхиштхана-чакра – 6-лепестковый ярко-красный лотос, размещенный между лобком и селезенкой и представляющий собой половой центр;
7) Аджна-чакра – двухлепестковый молочно-белый лотос между бровей, на том месте, где изображают третий глаз.

Пробуждение сексуальной энергии кундалини – цель всех тантрических упражнений. Эта энергия поднимается в верхнюю чакру (2) и соединяется в ней с Верховным Бхагаватом. Человек достигает полной связи с богом, материя превращается в дух. Но работа с этой энергией чрезвычайно опасно, чем и объясняется крайний эзотеризм.

Один из важнейших ритуалов в тантризме – *панчамара*, или *панчататтва* – «ритуал пяти М»:

1) мадья – вино, которому соответствует стихия огня, употребление его ведет к очищению органов чувств;
2) мамса – мясо (говядина) – стихия воздуха – контроль над звуками;
3) матсья – рыба – стихия воды – контроль над дыханием;
4) мудра – поджаренные зерна – стихия земли – отрешенность;
5) майтхуна – половой акт – стихия эфира – контроль над сексуальной энергией.

Последний ритуал совершается ночью, при фиолетовом свете с участием не менее 8 человек. Каждый мужчина-участник, отождествляющий себя с Шивой, сидит рядом со своей партнершей, которая олицетворяет Шакти. Происходит взаимное поклонение йони и лингаму. Канонические асаны майтхуны описаны в «Кама-сутре», которая составлена Малланагой Ватсьяяна в III-IV вв. и «Анангаранге» (букв. «Ступени любви»), написанной Кальянамаллой в XVII в. и включающей 32 асаны, разделенные на 6 групп. «Чандамахарасана-тантра» - алхимический трактат IX в., излагает 13 сексуальных асан – «великий лунный элексир», обеспечивающий технику алхимической трансмутации организма. Горельефы храмов Кандарья Махадевы в Кхаджурахе (XI в.) и Сурьи в Конараке (XIII в.) дают наглядное представление об этих асанах. Возможно, они изображают храмовых танцовщиц.

Согласно тантризму, искусство любви – главное из 64 искусств, которыми должны обладать мужчины, наряду с пением, танцем, музыкой, письмом, чтением, живописью, декламацией, скульптурой, архитектурой, садоводством и т.п.

Тантрическая визуализация осуществляется с помощью янтр и мандал. Янтры – диаграммы, изображающие вселенную или ее отдельные аспекты: богов Шиву, Вишну, Кришну, Ганешу, Шакти и др. некоторые из них – символы космических энергий. Основные элементы янтр:

точка-«бинду», которая обозначает умственный центр;

прямая – рост и развитие;

круг – цельность и полноту;

треугольник – три мира (локи) и три гунны.

Всего существует около 1000 янтр, но самой утонченной из них является пустота – изображение, на котором нет ничего.

Мандала (санскр. «круг») – концентрическая диаграмма, состоящая из сложных узоров и иконографических изображений, составленных из цветных нитей или выложенного на земле подкрашенного риса. Ее общая структура включает пять элементов: центр и 4 стороны, соответствующие странам света. Основная фигура мандалы – круг, в который вписан квадрат:

Внешний круг описывает границы вселенной. Квадрат моделирует основные направления – страны света. Внутренний круг символизирует женское начало, детородное лоно. В центре этого круга иногда изображается лотос. Через созерцание мандалы постигается единство макрокосма и микрокосма, вселенной и человека. В обряде тантрического посвящения инициируемый субъект последовательно проникает в разные зоны или уровни мандалы. Гораздо чаще она используется в ваджраяне, чем индуистском тантризме.

Чакры символизируются специальными дисками - *таттвами*:

1) ◻ притхиви – желтый квадрат, земля, мулитдхара-чакра;

2) ☾ апас – серебряный полумесяц, вода, свадхиштхана-чакра;

3) ▲ теджас – оранжевый треугольник, огонь, манипура-чакра;
4) ● ваю – голубой кружок – воздух, вишудха-чакра;
5) ⬬ акаша – темно-синий эллипс – эфир – аджна-чакра

Особое значение в тантрическом культе отводится *женщине*. Ритуал *кумари-пуджа*, как отмечал М. Элиаде, полностью воспроизводит фазы луны. Он начинается с новолуния и предполагает участие 16 девочек в возрасте от 1 до 16 лет, которые символизируют все 16 лунных фаз.

Литература

Бонгардт-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: Наука, 1980

Бхагаватгита. СПб.: A-cad, 1994. С. 67-163

Введение в буддизм. Спб.: Лань, 1999

Вивекананда Свами. Философия йоги. Магнитогорск: Амрита, 1992

Древнеиндийская философия. Начальный период. М.: Мысль, 1972

Дхаммапада// Будда. История прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки// Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 36-88

Иванов В.В. Эстетическое наследие древней и средневековой Индии// Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 6-35

Каниткар В.П. (Хемант), Коул У.О. Индуизм. М.: Гранд, 2003

Классическая йога («Йога-сутра» Патанджали и «Вьясабхашья»). М.: Наука, 1992

Культура Древней Индии. М.: Наука, 1975

Моде Х. Искусство Южной и Юго-восточной Азии// Малая история искусств. Dresden: VEB Verlag der Kunst, М.: Искусство, 1978

Пятигорский А.М. Лекции по буддийской философии/ Непрекращаемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 38-98

Тема 4. Культура Китая

1. Этапы и особенности развития китайской культуры

Древнекитайская цивилизация возникла в начале II тыс. до н.э. в бассейне р. Хуанхэ. Историю китайской культуры принято разделять на эпохи по правящим династиям. Древность делится на четыре основные эпохи:

Шан-Инь (XVIII-XI вв. до н.э.),
Чжоу (XI-III вв. до н.э.),
Цинь (221-207 гг. до н.э.),
Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.).

К средневековому периоду относятся династии:

Цзинь (III-V),
Вэй (V-VI),
Суй (VI-VII),
Тан (VII-X),
Сун (X-XII),
Цинь (XII-XIII),
Юань (XIII-XIV),
Мин (XIV-XVII).

Последними периодами в истории культуры являются:

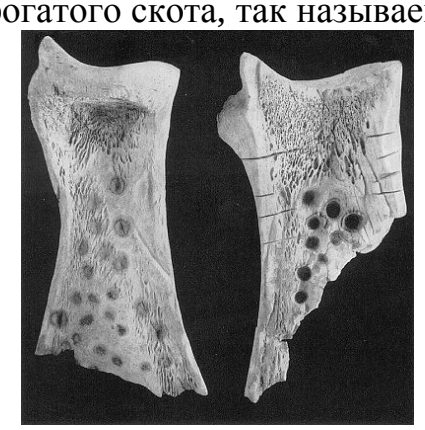
династия *Цин* (XVII-XX вв.),
Китайская Республика (с 1911 по 1949 гг.),
Китайская Народная Республика (с 1949 г. по наши дни).

Центрами китайской цивилизации выступали города – *чэнши* (城市 - букв. «стена и рынок»). В разное время столицами государства были Аньян, Лоян, Чанъань, Кайфын, Ханьчжоу, Пекин. Они строились в форме квадрата или прямоугольника, сориентированного по сторонам света. В центре города, где сходились улицы, соединявшие четверку главных городских ворот, находилась чиновничья управа. В дальнейшем пространство столичного города делилось на три части: «внешний город», где селилось простонародье, «внутренний город», где жили правительственные чиновники, и «запретный город» с императорскими дворцами.

Китайцы, которые называли себя *хань*, говорили на множестве диалектов китайского языка, принадлежащего к сино-тибетской макросемье неностратических языков. Языком китайской учености был «*вэнь-янь*», сыгравший в истории роль, сходную с ролью санскрита в Индии. Постепенно он превратился в мертвый язык, потеряв связь с разговорным, который назывался «*байхуа*». С XIV в. этот разговорный язык становится литературным, а после образования КНР – общенациональным языком Китая (*путунхуа*).

Китайская культура придавала огромное значение *слову*, в особенности *письменному*. К XIV в. до н.э. относятся первые образцы письменности –

гадательные надписи на панцирях черепах и лопаточных костях крупного рогатого скота, так называемая «скапулимантия».



Согласно историко-культурной реконструкции их назначения установлено, что человек, желающий узнать свою судьбу, прочерчивал вопрос на панцире или кости, потом надпись бросали в священный огонь и по характеру образовавшихся трещин толковали ответ.

Сакральная сила слова определялась его древностью. После надписей на панцирях черепах и жертвенных сосудах из бронзы, самые древние тексты наносили на бамбуковые планки справа налево и снизу вверх. В III в. до н.э. используется шелк, а с I в.н.э. – бумага. Иероглифические знаки сначала процарапывались заостренным стержнем на кости, бронзе, камне, бамбуке, потом для более мягких материалов была применена кисть, чаще всего, из заячьей шерсти. Записи делали черной тушью из сосновой сажи. Термином для обозначения культуры стал знак 文 - *вэнь*, восходящий к изображению татуированного тела и указывающий на способность пользоваться иероглифами[26].

Своеобразная иероглифическая письменность Китая возникла эволюционным путем из пиктографии. Ее сохранению до наших дней способствовал особый грамматический строй китайского языка: отсутствие флексий, т.е. родов, падежей, склонений, спряжений и пр. Информация кодируется строго определенной последовательностью неизменяемых слов, как правило, односложных. Поскольку количество слогов ограничено численностью гласных и согласных звуков (в байхуа всего 400 с небольшим слогов), одному и тому же слогу соответствует множество разных слов. Омонимия распространена в китайском языке настолько, что является его настоящим бедствием. В устной речи эта проблема частично решается с помощью тональности: каждый слог может быть произнесен четырьмя различными способами (тонами). На письме тона не фиксируются, а для различения смысла используются либо двухсложные или трехсложные слова, либо так называемые детерминативы (классификаторы), которые указывают на род (класс) объектов, к которому относится слово-слог в данном случае: дерево ли это, животное, инструмент или что-то подобное.

[26] По В.В. Малявину, понятие «культура» изначально тождественно понятию узора, т.е. орнамента, искусственного украшения природных форм

Использование таких детерминативов существенно повлияло на китайскую культуру в целом, вылившись в особое пристрастие к классифицированию. Наиболее ярко это пристрастие проявилось в науке, но не только в ней одной.

Иероглифическая система письма весьма слабо связана со звучанием речи, и поэтому понимать иероглифы может даже тот, кто не знает, как они озвучиваются. Количество иероглифов исторически изменялось. В эпоху Цинь их насчитывали 3300, в эпоху Хань – более 9000, а в 543 г. – около 17000. в современной китайской письменности приблизительно 50000, из которых наиболее употребительны 5-9 тыс.

Первые повествовательные тексты назывались «шу» и представляли собой словесные акты по поводу каких-либо исторических событий6 воззвания правителей к войскам, предписания, повеления и т.п. Основу китайской культуры составляют канонические тексты. В эпоху Хань в 176 г. они были выгравированы на каменных плитах императорского дворца. Составление канонических текстов приписывается китайскому мудрецу Кун фу-цзы. К ним относятся В него были включены также «*Ши-цзин*» («Книга песен»), «*Шу-цзин*» («Книга преданий»), «*Ли-цзы*» («Книга ритуалов»), «*Чунь-цю*» («Весны и осени» - летописный свод) и «*И-цзин*» («Книга перемен»). К этим каноническим книгам следует добавить «*Лунь-юй*» («Беседы и суждения») – записи разговоров Кун фу-цзы с его учениками.

Кроме канонических текстов китайская письменность включала в себя еще 5 «жанров»:

- философские трактаты («Дао дэ-цзин», «Мэн-цзы», «Мо-цзы», «Чжуан-цзы» и др.);
- поэтические произведения (поэмы *фа*, которые декламировались и песни *ши*, которые распевались);
- трактаты по военной науке («Сунь-цзы», «У-цзы» и др.);
- астрологические и гадательные сочинения;
- медицинские книги.

Специфическое направление развития китайской культуры было задано «Книгой перемен» («И-цзин»), иначе называемой «Перемены Чжоу» («Чжоу-и»). Она составлялась на основе мантической практики в течение 8 столетий и была канонизирована в эпоху Хань. В более раннюю эпоху Чжоу она использовалась для предсказания событий в переломных жизненных ситуациях: военных действиях, брачных союзах, серьезных заболеваниях. В содержательном плане текст «И-цзин» очень близок гадательным надписям на костях.

Иероглифика и мантика предопределили склонность китайцев к *нумерологии*, которая приобрела самую развитую форму У Шао Яна и Цай Шэня в эпоху Сун. Нумерологическая ориентация культуры выражается в особом внимании к *числам* и числовым соотношениям, в мировоззренческой установке, по которой числа и графические знаки занимают промежуточное положение между Небом и землей. В соотношениях чисел и геометрических линий выражается статическая и динамическая структура мироздания,

пространственное строение вещей и временной ход процессов. Поскольку иероглифическая письменность произошла из пиктографии, китайцы долгое время отождествляли простые знаки с иконическими, верили в то, что в иероглифах сохраняется сходство с тем, что они обозначают, - если не внешнее, поверхностное, то глубинное, структурное сходство. «Вэнь» - это не условные наборы линий, а то, что схематически передает строение бытия. Числа же – это множества линий («палочек»), что хороши видно по принятой в древнем Китае системе записи чисел.

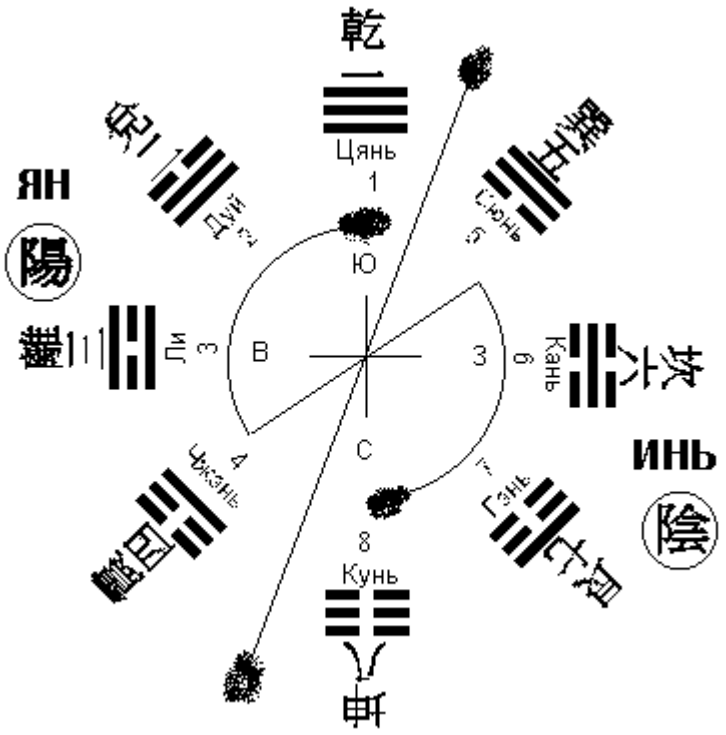
Структура осмыслялась в образе ткани, которая имеет основу – продольные нити, и уток поперечные, которые вплетены в них. Нити основы назывались *цзин* и отождествлялись либо с вертикальными, либо с идущими на север и юг линиями. Поперечные линии назывались *вэй* и располагались по горизонтали или с запада на восток. Первые считались небесными, вторые земными. Пересечение этих линий давало 9-клеточный квадрат, который стал базовой моделью для китайской нумерологии. У ее истоков находились скапулимантия и гадание по стеблям тысячелистника, которые были прототипами счетных палочек. 50 таких палочек использовались для сложения знаменательных комбинаций. Китайская нумерология называется «сян шу чжи сюэ» («учение о символах и числах»). Символами (сян) являются геометрические схемы:

а) триграммы (ба гуа),

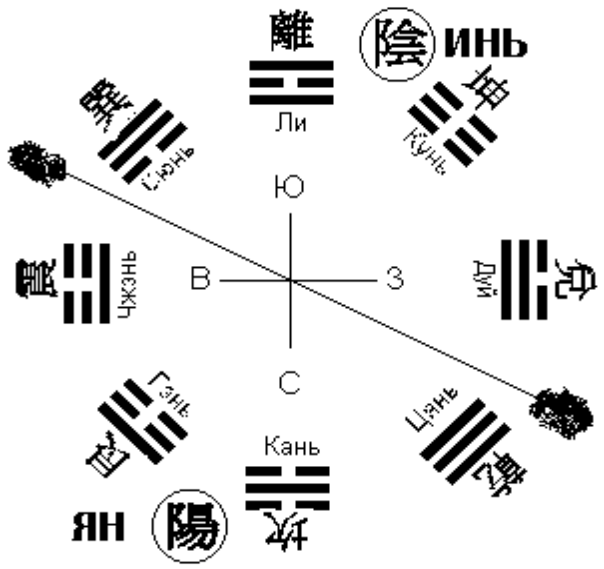
б) гексаграммы (лю шиси).

Открытие триграмм приписывается первопредку Фуси. Они представляют собой из трех сплошных (*ян*) или (*инь*) прерывистых линий. Триграммы и гексаграммы – это очень специфические китайские категории, под которые подводятся природные, космические и социальные явления, события и состояния индивидуальной жизни. Нумерологический характер культуры обусловлен тем, что таких категорий-комбинаций строго определенное число: 8 и 64.

Гуа – это продукты последовательного раздвоения «Великого Предела» (Тай цзы»). Они следуют друг за другом в двух определенных порядках: «преднебесном» (изначальном) и «посленебесном» (производном). Преднебесный порядок связывается с Фуси:



Авторство посленебесного порядка триграмм приписывается Вэнь-вану – основателю династии Чжоу:

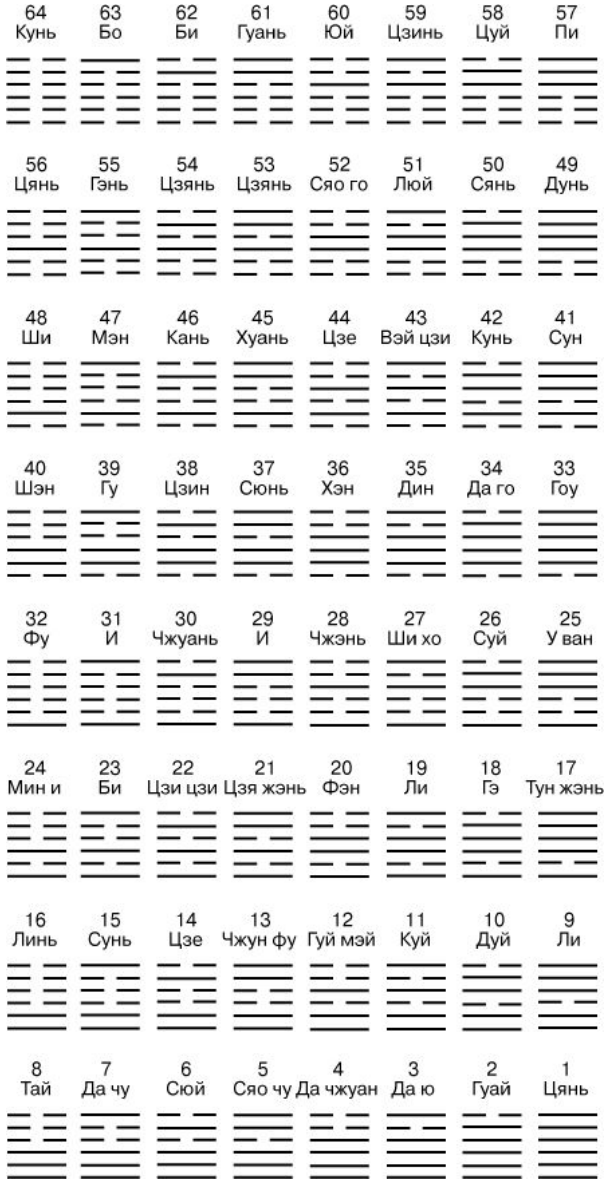


Каждая триграмма обозначает некоторое мировое событие, качество, соответствующему ему и природный объект. Значения триграмм даны в следующей таблице:

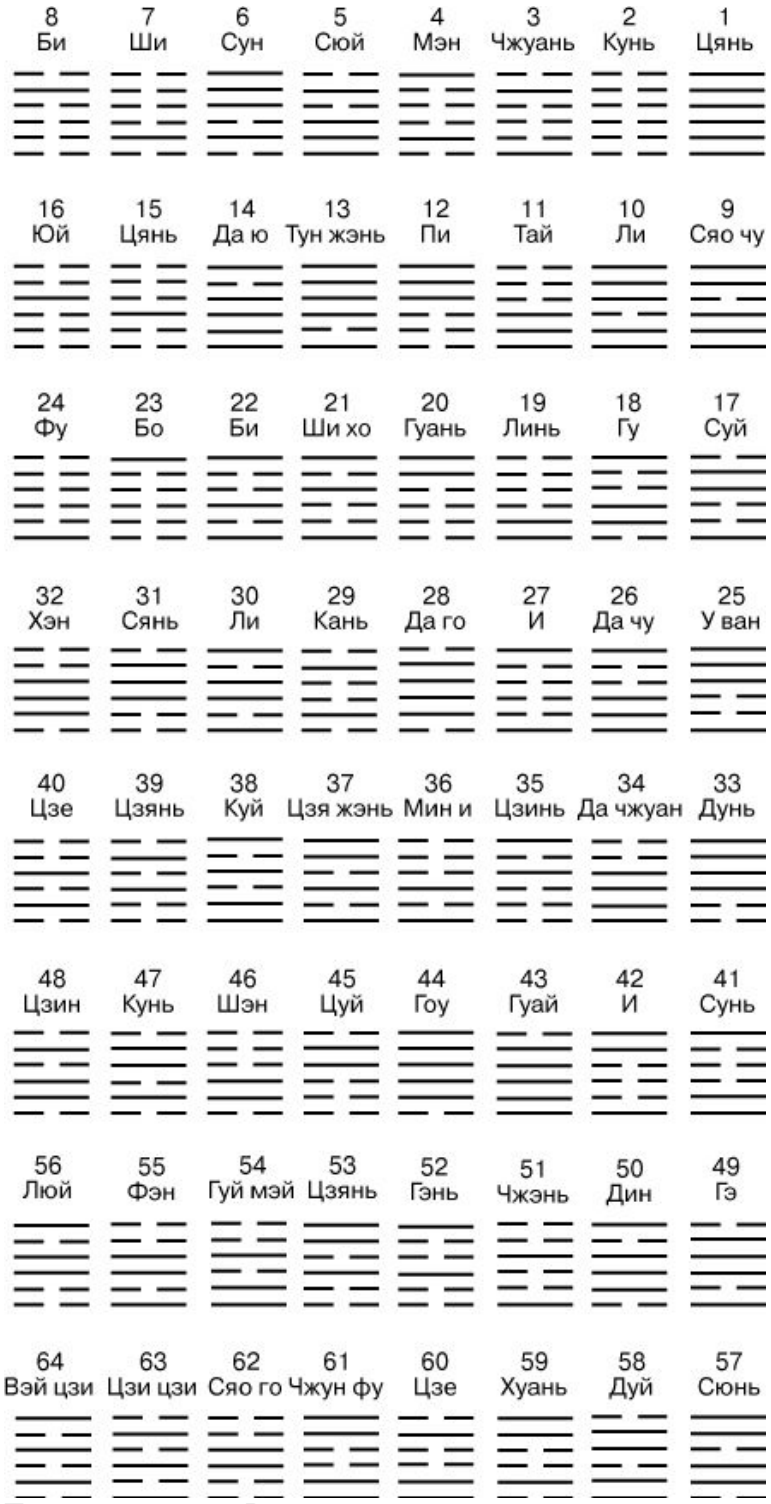
Цянь	Творчество	Крепость	Небо
Дуй	Разрешение	Радость	Озеро
Ли	Сцепление	Ясность	Огонь
Чжэнь	Возбуждение	Подвижность	Гром
Сюнь	Утончение	Проникновенность	Ветер (дерево)
Кань	Погружение	Опасность	Вода
Гэнь	Пребывание	Незыблемость	Гора
Кунь	Исполнение	Самоотдача	Земля

Сложение двух триграмм дает гексаграмму – графический символ, состоящий из 6 линий. Каждая гексаграмма раскладывается на две триграммы, находящиеся в определенном отношении друг к другу.

Если одна пара точно повторяет другую, то у гексаграммы сохраняется название триграммы: Цянь, Кунь, Ли и т.д. Особую важность представляют отношения трансформации (*фань*) – переворачивания на 180º (например, Чжэнь и Гэнь), и обращения (*дуй*), - когда линия «ян» становится линией «инь» и наоборот (например, Цянь и Кунь). Гексаграммы также располагаются в преднебесном и послебесном порядках:



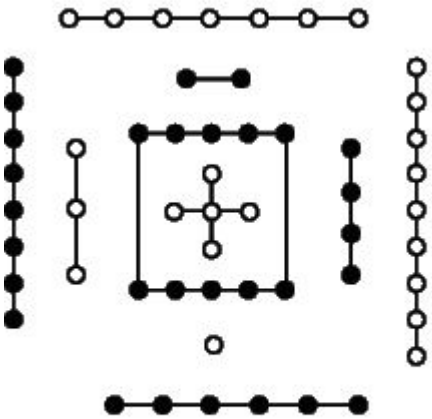
Порядок гексаграмм Фуси



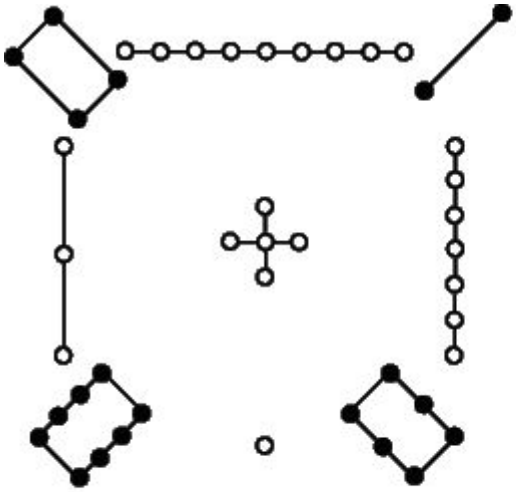
Порядок гексаграмм Вэй-вана

К магическим числам относятся:

а) Хэ ту («План реки») – магический числовой крест и б) Ло шу («Документ Ло») – магический числовой квадрат:



	7 2	
8 3	5 10	4 9
	1 6	



4	9	2
3	5	7
8	1	6

а *б*

По легенде, переданной Ян Сюном (эпоха Хань), первопредок Фуси увидел Хэ ту на боку дракона-коня, появившегося из Хуанхэ, а Ло шу – на панцире черепахи из реки Ло. Увиденное позволило ему открыть ба гуа. Хэ ту соотносится с преднебесным порядком триграмм по Фуси, а Ло шу – посленебесным порядком Вэн-вана. Эти магические числа использовались не только в мантике, но и в организации храмового пространства и ритуального движения в нем, а также в медитации и боевых искусствах.

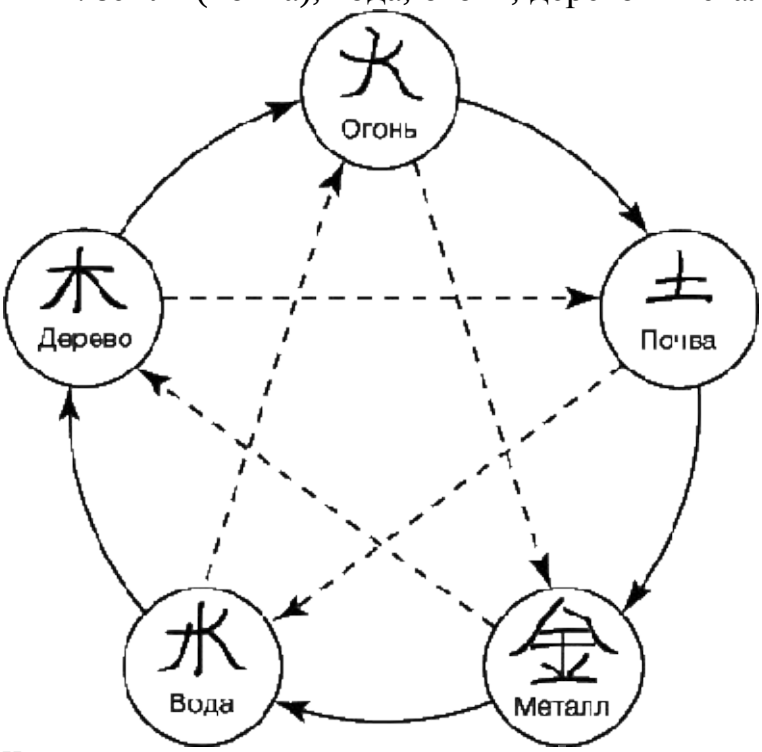
Из соединения графических знаков и чисел возникла ключевые схемы китайской нумерологии – *лян и* («два образца») и *у син* («пять фаз»). Стержневой бинарное оппозицией китайской культуры является учение о противоположности **инь** и **ян**. Первоначально «инь» 阴 - это северный (теневой) склон, а «ян» 阳- южный, освещенный солнечными лучами. В дальнейшем вокруг этого исходного противопоставления группируется множество других. Инь – это женское начало, ритм и цикл жизни. Оно тёмное, холодное, мягкое, пассивное и т.д. Мужское начало ян ассоциируется со светлым, тёплым, твёрдым, активным и т.п. Эти два

противоположных начала должны находиться в гармонии друг с другом, что передано широко известным графическим символом:

☯

Символ указывает на то, что *ян* содержит в себе семя *инь* и наоборот. Цель человека – обретение гармонии инь и ян в самом себе.

Син в своем исходном значении – это «перекресток», место, где соединяются разные дороги. В идее *у син* речь идет о пяти рядах или классах всех предметов и явлений мира. Основанием для классификации служат 5 стихий: земля (почва), вода, огонь, дерево и металл.



На этой схеме показаны основные отношения между ними: сплошные линии означают отношения порождения (например, огонь порождает землю и т.д.), пунктирные взаимопреодоления (вода преодолевает огонь, земля воду и т.п.).

Почитаемое в Китае с глубокой древности число 5, составило общую модель для классификации природного и социального мира, которая получила название «**Великий пятичастный крест**». Он охватывает 5 направлений пространства, 5 основных промежутков времени, 5 материальных элементов, 5 вкусовых качеств, 5 первопредков – культурных героев, 5 священных животных, 5 гадов (паук, змея, скорпион, жаба и ящерица), 5 планет, 5 артефактов, 5 музыкальных тонов, 5 видов счастья (здоровье, богатство, потомство, долголетие, знатность) и т.д.:

	Огонь Юг Лето Горечь Янь-ди Красный феникс Марс Весы Сердце Язык Лицо Сосуды Радость	
Дерево Восток Весна Кислота Фуси Сине-зеленый дракон Юпитер Циркуль Печень Глаза Ногти Жилы Гнев	Земля Середина Год в целом Сладость Хуан-ди Желтый дракон Сатурн Отвес Селезенка Рот Губы Мышцы Мысль	Металл Запад Осень Острота Шао-хао Белый тигр Венера Угольник Легкие Нос Голос Кожа Скорбь
	Вода Север Зима Соленость Чжуань-сюй Черная черепаха Меркурий Гири Почки Уши Зубы Кости Страх	

Магическая роль числа 5 так велика, что даже в таком сугубо «профанном» деле, как искусство любовного соблазна («тайного свидания»), необходимо обладать пятью свойствами: красотой, выносливостью, богатством, совмещением мягкости с настойчивостью и свободным временем: «надо обладать красотой Пань Аня, крепостью ишака, богатством Дэн Гуна, надо быть, как иголка в шерсти, с виду мягким, а на деле острым и, наконец, иметь достаточно свободного времени».

Для китайской культуры характерно то, что в ее основу легли не столько конкретные мифологические сюжеты, сколько общая идея метаморфоз, взаимных превращений. Эти превращения не хаотичны, но подчинены определенному порядку. В силу этого порядка определенное время коррелирует с определенной стороной света, планетой, материальной стихией, цветом, вкусовым ощущением, музыкальным тоном и т.п. Между временами года, например, существуют те же отношения порождения и преодоления, что и между огнем, деревом и т.д. В мироздании однородные элементы резонируют друг с другом, издавая космическую музыку. Символическое значение придавалось не только числу 5, но и другим числам: 50 – «число великого расширения», 55 – «число Неба и Земли». Человек общается с миром через 9 отверстий. Мужская жизнь подчинена

числу 8: в 8 месяцев режутся первые зубы; в 8 лет эти зубы выпадают, сменяясь другими; в 8+8 (16) лет наступает половая зрелость; в 8×8 (64) года активная половая жизнь заканчивается. Жизнь женщины по такой же схеме подчинена числу 7.

Внутренняя цивилизация Китая отводила огромную роль иерархическому порядку. В социальной структуре эпохи Чжоу, например, существовало 5 основных рангов свободных людей:

1) *ван*– единовластный правитель государства,
2) *чжухоу* – правитель области,
3) *дафу* – глава родоплеменной группы,
4) *ши* - глава патриархальной семьи,
5) *шужэнь* – простолюдин.

Принадлежность к рангу определяла количество жён и наложниц[27], цвет и покрой одежды, размер дома и лодки, характер пищи[28], размер гробницы и погребального савана. Ранги имели наследственный характер. Старший сын получал ранг своего отца, остальные сыновья (кроме сыновей шужэня) становились на одну ступеньку ниже. Вплоть до эпохи Цин сыну предписывалось наследовать профессию отца. Каждая семья отправляла культ предков по мужской линии. К шужэням относились торговцы, ремесленники и крестьяне.

Особая склонность к ранжированию проявлялась, например, в распределении мест за столом. Было чрезвычайно важно, чтобы хозяева и гости рассаживались в строгом соответствии со своей значимостью. Даже разбойники, воспетые в средневековом романе «Речные заводи», педантично следят за тем, чтобы каждый занимал место сообразно своему социальному «весу» и «заслугам». В разбойничьем стане Ляншаньбо главари расстанавливают друг друга на 108 (!) иерархических позиций, усматривая в этом единственный смысл справедливости.

Одной из особенностей китайской цивилизации является сравнительно раннее разрушение военного «рыцарского» сословия. Начиная с эпохи Хань, путь к чиновничьим должностям вел не через военную службу, а через экзамен. Отсутствие наследственного чиновничества резко усиливало значение императора, который еще в иньскую эпоху имел статус, весьма близкий к статусу египетского фараона, выступал единственным посредником между Небом и людьми.

Претенденты на ту или иную чиновничью должность должны были написать сочинение по теме, избираемой с помощью жребия. Победителем становился тот, кто не только лучше других разбирался в законах и военном деле, но и в совершенстве владел письменным словом. В эпоху Сун отбор кандидатов стал трехступенчатым: провинция – уезд – столица. Эта система способствовала формирования сословия ученых-чиновников (*шеньши*).

Для поддержания иерархического порядка действовала суровая и жестокая уголовно-правовая система. Государственная политика понималась как

---

[27] Например, ван может иметь одну первую жену, 3 вторых, 9 третьих, 27 четвертых, да еще сверх того 81 наложницу. Наиболее распространенной формой императорской брачной жизни стала тетрагамия. 4 жены соответствовали 4 сторонам света, а сам император символизировал середину. Для обслуживания гаремов с глубокой древности использовали евнухов

[28] Ван имеет право есть любое мясо, чжухоу – только говядину, дафу – только свинину, ши – только рыбу, шуженю запрещено есть мясо вообще

«исправление», а термин *фа*, обозначающий писаный закон государства, рисовался с помощью иероглифа 法, соответствующего нанесению телесных увечий. За преступление, совершенное каким-либо человеком, наказывался не только он сам, но и 5 категорий его родственников: отец, мать, жена, дети, братья. Они подвергались клеймлению и лишению прав. Практиковались разнообразные, в том числе изощренные виды смертной казни: четвертование, разрубание пополам, обезглавливание, удушение, закапывание живьем, варка в котле, пробивание темени и мн.др. К более мягким членовредительским наказаниям относились вырезание коленных чашек, отрубание ступней, отрезание носа, кастрация, битье по пяткам и т.д. В китайском праве отсутствовала презумпция невиновности. Тот, кто обвиняется в преступлении, должен представить доказательства своей невинности. Этим комплексом суровых методов воспитывались преданность, послушание, любовь к порядку. Отсюда вытекает исключительная устойчивость китайской культуры.

Центральными явлениями в китайской культуре стали так называемые «*цзяо*» - религиозно-философские учения. Самые влиятельные из них - **конфуцианство** и **даосизм** – уходят корнями к VI-V вв. до н.э.

2. Конфуцианство в культуре Китая

Основоположником конфуцианства считается древний мудрец Кун фу-цзы («Великий учитель Кун»), живший около 551-479 гг. до н.э. В Европе его назвали Конфуцием, а учение – конфуцианством. Сами китайцы именовали это учение «жу-цзяо». Сословие «жу», к которому принадлежал Конфуций, и которое дало название его учению, состояло из знатоков ритуала, календаря и исторических преданий. Образованный человек в Китае того времени должен был владеть шестью искусствами: ритуалом, музыкой, стрельбой из лука, управлением колесницей, чтением и счетом. Самым важным в этом комплексе было то, что связано с внутренней цивилизацией.

В религиозном содержании жу-цзяо представляло собой культ предков: с одной стороны, представителей своего рода по мужской линии; с другой, обожествленных первопредков *ди* – идеальных правителей древности. Основу культа составляли жертвоприношения – сжигание курительных палочек и символических заместителей тех объектов, которые могут понадобиться духам и богам в потустороннем мире: бумажных животных, предметов обихода, даже специальных жертвенных денег. Считалось, что потусторонним существам достаточно символическое содержание жертвы, одно только означаемое, а означающее для них не представляет интереса. Если в жертву приносились продукты питания, то сакральным существам предназначалась их идеальная сущность, а материальная потреблялась самими жертвователями. Такое понимание жертвоприношения способствовало постепенному **одухотворению ритуала**.

Конфуцианство кладет в свою основу представление об *иерархическом общественном порядке*, соответствующем порядку мироздания. Согласно этой идее, человек должен занимать в обществе именно то место, которое

соответствует его сущности. Люди низменного душевного склада, не способные к великим делам, должны находиться на дне общества, людям благородного склада подобает располагаться на верху. В «Книге Великой Тайны» одного из позднейших конфуцианцев Ян Суна это соответствие выражается так:

Зло низкого и тщетного –
Это невозможность великого приятия…
Солнце прямо стоит в небе:
Это – знатный на подобающем месте[29].

Главным средством поддержания общественной иерархии выступает **ритуал** («ли»). «Ли-цзы» - самый обширный текст в составе Пятикнижия. Вместе с комментариями он занимает 8 солидных томов. В «Книге песен» утверждается, что человек, не знающий ритуала, хуже крысы:

Посмотри-ка: все слажено в теле крысином.
Ты – не знаешь обряда и не славен ты чином.
Коль ни чина нет у тебя, ни обряда,
Что же, ранняя смерть для тебя – не награда?
(I, IV, 8, пер. А. Штукина).

В исходном значении *ли* (禮) – строгое исполнение древних предписаний у священного алтаря с жертвенными сосудами. Из жертвенной практики этот термин был перенесен на жизнь в целом и призван регулировать все виды отношений: между людьми и богами-первопредками, живыми и душами покойников (*гуй* и *по*), а также людей друг с другом. Ритуал распространяется на пять видов социальных отношений:

- правителя и подданного,
- отца и сына,
- мужа и жены,
- «преждерожденного» и «послерожденного», высшего и низшего по положению,
- старшего и младшего друга.

В этих отношениях ритуал служит средством самоограничения перед лицом другого и ради его интересов. По значению он во многом совпадает с греческой «πολιτε⇔α» и латинской «civitas» как важнейшей составляющей культуры. Благодаря ритуалу каждый знал свое место и своим бестактным поведением не оскорблял тех, кто располагался выше него. Худшим состоянием общества в Китае считалась *смута*, всеобщее смешение ролей, обязанностей и привилегий, а забвение ритуала, пренебрежение им неизбежно вело к смуте.

Необходимость подчинения жизни ритуальным правилам обосновывалась на разных этапах становления конфуцианства по-разному. Самим Конфуцием и Мэн-цзы ритуал понимался как обязательное дополнение к естественным задаткам человека, как культурное средство

[29] Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен»// Конфуций. Уроки мудрости. М.: ЭКСМО - ПРЕСС, 1999. с.588

совершенствования того, что в людях уже заложено природой. В дальнейшем, благодаря стараниям Сюнь-цзы, утвердилась идея об изначальной испорченности человеческой природы. Человек от рождения зол: в нем присутствуют стремление к наживе, завистливость и злобность. Его уши и глаза увлекаются красивыми звуками и очертаниями, отчего возникает распущенность. Подлинная человечность, таким образом, не естественна, а культурна. Она восполняет в человеке природное несовершенство, как бы доводит его до кондиции. Наиболее характерно для конфуцианства требование *органического единства природного и культурного*. “Если естественность превосходит культуру, то это дикость. Если культура превосходит естественность, то это книжничество. Когда культура и естественность составляют внутренне-внешнюю целостность, вот тогда получается качество благородного мужа” (Лунь юй, 6, 17). Ритуал – это одновременно средство самоограничения и саморазвития человека. Он перемещает акцент с развертывания внешних форм поведения на внутреннее усилие, с обработки вещей на возделывание символов. С ритуалом связана, с одной стороны, столь характерная особенность внутренней цивилизации Китая, как подчеркнутая сдержанность[30], нелюбовь к сильным душевным движениям, пышности и роскоши. С другой стороны, усвоение ритуала ведет к повышению чувствительности души, ее способности улавливать все более тонкие различия между вещами.

Древность ритуала служила гарантией его связи с мировым порядком. Нет ничего опаснее с точки зрения традиционной китайской культуры, чем произвольное изменение ритуала. Этой своей неизменностью и незыблемостью ритуальные правила отличаются от государственных законов «*фа*», которые вводятся по воле правителей и направлены на достижение временной и, стало быть, суетной пользы. Для правителя верность ритуалу имеет особое значение. Есть два противоположных способа управления государством: *ван дао* («путь вана») – когда правитель действует на основе ритуала, и *ба дао* («путь тирана»), - когда он правит с помощью насилия. Осуществление ритуала – это поддержание вечности в постоянно изменяющемся жизненном потоке. Оно обеспечивает правильную смену времен года, течение космических событий вообще.

Наряду с ритуалом конфуцианство включило в свою религиозно-нравственную систему еще четыре взаимно уравновешивающие и поддерживающие ценности:

«жэнь» 仁 - человечность, человеколюбие;

«чжун» 忠 - преданность, верность старшим по положению, обязательство «служить как конь и собака»;

«и» 義 - должную справедливость;

«сяо» 孝 - сыновнюю почтительность.

---

[30] С этой особенностью китайской культуры можно сопоставить разве только японскую и средневековую испанскую церемонность

Образ человека, обладающего всеми конфуцианскими добродетелями в совершенстве, получил статус *нравственного идеала.* Такой идеальный человек назывался «**цзюнь-цзы**» («благородный муж»). Сначала этим термином именовала себя родовитая знать чжоусской эпохи. Конфуций придал ему нравственное значение, превратив идеализированные образы прошлых правителей Шуня, Яо и др. в образец для подражания. В связи с этим в китайской общественной практике сложился культ учителя «цзы», придающий сакральный статус сначала правителям-первопредкам, а потом и самому Конфуцию. «Цзюнь-цзы» избегает трех утех: в юности, когда организм еще не окреп, - любовных наслаждений; в зрелости, когда появляются силы, - драк; в старости, когда организм слабеет, - жадности. Важнейшим путем воспитания такой личности в ханьском конфуцианстве с I в. до н.э. считалась книжная культура (*вэнь*) – изучение канонических текстов.

Противоположность «благородному мужу» составляет «сяо жэнь» («подлый человек», «ничтожество»). Основные добродетели в его сердце отсутствуют вовсе или даны только в самой рудиментарной форме. Благородным мужем может быть только китаец, живущий в середине мира, варвары, обитающие по краям, только с виду люди, а внутри у них «сердце дикого зверя».

В соответствии с пафосом культа предков в конфуцианстве внутригосударственные отношения выстраиваются по модели *патриархальной семьи.* Процветает то государство, которое не распадается на отдельные семьи, преследующие собственные выгоды, но являет собой одну большую семью, где четко распределены все роли. Ритуал как раз и есть средство установления и поддержания этой модели. С помощью ритуала полагаются *границы* удовлетворения потребностей и желаний каждого человека. Желания нельзя удовлетворить полностью, но можно стремиться к их максимально возможному удовлетворению. Желания нельзя полностью подавить, но стремление к их удовлетворению можно ограничить. “Правильный путь состоит в том, чтобы стремиться получить сполна, когда дают, и уметь умерить свои желания, когда приходиться отказываться от чего-либо”[31]. Пожалуй, ни одна культура мира не стремилась с такой тщательностью определить объем благ, подобающих тому или иному социальному статусу. Во внешнем поведенческом плане ритуал был призван обеспечить правильное соотношение пышности и скромности. Сюнь-цзы уподоблял его значение плотничьему шнуру, весам, циркулю и угломеру. Если последние служат средством установления правильности материальных предметов, то ритуал есть “высшая мера поведения людей”[32].

Вместе с тем ритуал задавал и чувства, которые необходимо проявлять человеку в зависимости от его статуса. С его помощью семь чувств, которые являются естественными и врожденными для человека: радость, гнев, скорбь, страх, любовь, отвращение и вожделение, - удерживаются от крайних

[31] Сюнь-цзы, XXII//Древнекитайская философия в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 197
[32] Там же. С. 179

проявлений и превращаются в десять качеств «и» - в конкретное содержание долга, зависящее от места личности в семейно-государственной структуре:

отец должен проявлять родительские чувства,
сын – почтительность («сяо»),
старший брат – покровительственную доброту,
младший брат – смиренное дружелюбие,
муж - справедливость, как точное воздаяние за вину и заслугу,
жена – послушание,
старшие – милосердие,
младшие – покорность,
государь – человечность («жэнь»),
подданные – преданность («чжун»)[33].

Высшим цветом конфуцианской нравственности выступает «жэнь». В полной мере это качество может быть представлено у правителей государства. Точнее всего это «жэнь» можно перевести как «человеческое в человеке» - то, что определяет достоинство человека в сравнении с другими живыми существами. Оно не дано от рождения, но взращивается кропотливыми усилиями. Китайская культура, которая не равнодушна ко всяческим сопоставлениям и аналогиям, уподобляет ритуал сохе, которой вспахивается поле человеческих чувств, а человеколюбие уборке урожая. Стало быть, эти ценности относятся друг к другу как средство к цели. «Благородный муж» обретает «жэнь» долгой практикой самоисправления. Основное содержание человеколюбия совпадает с «золотым правилом нравственности»: “Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда в государстве и семье к тебе не будут чувствовать вражды”. Тот, кто обладает этой добродетелью, вне своего дома относится к людям так, словно принимает дорогих гостей. «Подлому человеку» это качество вообще не доступно.

Очень характерна для конфуцианского Китая добродетель «сяо» - сыновняя почтительность. Патриархальная модель нравственных отношений выражается в ней самым непосредственным образом: “Недостоин имени сына тот, кто любит другого человека больше, чем отца”. Быть почтительным, значит следовать линии поведения своего отца и при его жизни, и после смерти.

Составной частью конфуцианской культуры стал сборник «24 примера сяо». Вот эти примеры. – Чтобы накормить голодного отца, сын тайком от него отрезает кусок собственного тела и варит из него похлебку. Маленький мальчик ночью не сгоняет с себя комаров, чтобы они не беспокоили его родителей. Даже если отец – вор и убийца, сын имеет право только мягко увещевать его, но не осуждать и тем более не доносить на него властям.

В своем многовековом развитии конфуцианство, существенно обновляясь, прошло 4 этапа: 1) классический, 2) ханьский, 3) неоконфуцианство (лисюэ), 4) постнеоконфуцианство (синь лисюэ). В эпоху Хань этико-политическая доктрина конфуцианства была соединена с учением о строении и развитии мира. Философ Дун Чжуншу (ок.195-115) развил учение о вмешательстве Неба в земную историю и связал подъемы и спады государства с пятью космическими ритмами (у син). В эпоху возникает неоконфуцианство, основоположником, которого считается Чжоу Дуньи (1017-1073). В своей книге «Изъяснение плана Великого Предела» он свел в единую систему основные конфуцианские понятия и ряд идей, заимствованных из даосизма и буддизма. Основной проблемой неоконцуцианства считается

[33] См.: Ли-цзы, IX// Древнекитайская философия в двух томах. Т. 2. С.105

взаимодействие *принципа* (ли), *природы человека* (син) и *судьбы* (мин). Работу Чжоу Дуньи продолжили братья Чэн Хао и Чэн И, которые дополнили конфуцианское Пятикнижие «Четверокнижием»: «Лунь-юй» («Беседы и суждения»), «Мэн-цзы», «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Середина и постоянство»). Шао Юн и Цай Шэнь довели до совершенства конфуцианскую нумерологию.

В первой половине XX в. основной комплекс конфуцианских идей об отношении между принципами вещей и самими вещами разрабатывался постнеоконфуцианцами Фэн Юланем и Сюн Шили. Для них характерен поиск среднего пути между западным рационализмом и китайским интуитивизмом.

3. Даосизм и чань-буддизм

Вторым ведущим религиозно-философским учением Китая является **даосизм**, который сами китайцы называют «дао цзяо». Отношение даосизма к конфуцианству имеет ряд аналогий с отношением буддизма к индуизму. Если конфуцианство стремилось максимально привязать человека к семье-государству, то учение Лао-цзы (VI-V вв. до н.э.) и его последователей, наоборот, было направлено на освобождение человека от иерархической структуры и всех обслуживающих ее культурных средств. Конфуцианское двуединство ритуала и долга воспитывало умение достойно играть свою роль в любых жизненных ситуациях и держало человека в напряжении перед опасностью «потерять свое лицо». Даосизм попытался вернуть человеку его исконную природу. В соответствии с этой установкой, святыми местами даосов стали пещеры в диких горах Лаошань, Суншань и др.

Основы даосизма изложены в трактатах «Даодэ-цзин», «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы». Первый из них считается священным текстом, имеющим экзотерический и эзотерический уровни. Первый доступен всем, включая представителей европейской культуры, второй – только посвященным даосам. Собрание даосских текстов продолжалось несколько веков и завершилось созданием антологии «Дао цзан», включающей более тысячи книг.

Центральное место в этом учении отводится общекитайскому понятию «дао» 道 («путь»), а также понятиям «дэ» 德 («добродетель» - позитивная внутренняя сила в человеке), «цзы жань» («самоестественность») и «у-вэй» («недеяние»). Антиконфуцианская направленность даосизма обнаружилась, прежде всего, в критике ритуала и других иерархических ценностей. Культура в ее конфуцианском содержании представлена здесь не как средство возвышения человека, а как причина и результат деградации человеческого естества. Негативная роль культуры состоит именно в том, что она представляет собой целенаправленное вмешательство в ход естественных процессов. Ошибочно считать, утверждают даосы, что *порядок* всегда лучше *хаоса*. В хаосе есть собственная ценность – ничем не стесненное самовыражение. Практически все виды культурной утонченности действуют или могут действовать во вред человеку. Наслаждаясь острым зрением, предаются излишеству в чувствах, наслаждаясь тонким слухом – в звуках. Наслаждаясь милосердием, нарушают естественные свойства людей, а справедливостью – законы природы. Удовольствия от обрядов помогают извращениям, от музыки – разврату, от мудрости – искусственности, от знаний – порокам. Погоня за этими восемью видами культурных

наслаждений приводит к тому, что люди начинают резать друг друга на куски и скручивать в клубок[34]. Отрицание всех конфуцианских ценностей и устоев основано на вере в самовоспроизводящуюся гармонию природы как целого и отдельных вещей. Согласно принципу «цзы жань», каждая вещь в своих изменениях следует собственной природе, а не давлению других вещей. Если все сущее будет следовать своим путем, а не становиться на путях других существ, то в мире восстановится изначальный порядок. Высший принцип нравственности по версии Чжуан-цзы звучит так: “Береги и храни самого себя, а вещи созреют сами по себе”[35]. Такое отношение к миру конкретизируется в принципе «недеяния» («у-вэй»). Ценность его в том, что человек достигает своей цели, не чиня насилия над вещами: “Совершенномудрый благодаря тому, что следует за вещами, может овладеть ими”. Недеяние предполагает отказ от противодействия злу силою, ибо зло не укоренено в Дао и обречено на уничтожение. “Сильные и жестокие не умирают своей смертью”, потому что жестокая сила вызывает естественное сопротивление вещей. Идеальный правитель практически не вмешивается в ход государственных дел. Он управляет одним фактом своего присутствия и потому должен «сидеть на троне в глубоком безмолвии и только».

Требование недеяния не означает прекращения всяких усилий. Мир уже испорчен, люди сбились с истинного пути, и поэтому необходимы усилия для того, чтобы вернуться к нему. Конечной целью человеческих усилий является обретение личного совершенства («сянь») в виде бессмертия или состояния близкого к нему. Это состояние доступно отнюдь не для всех, но только для «настоящего человека» (чжэнь жэнь»). Казалось бы, стремление к естеству и стремление к совершенству противоположны друг другу. Но даосизм, для которого всякие противоположности условны и возникают из первоначальной гармонии «инь» и «ян», находит возможность соединить и эти стремления. Бессмертным становится тот, кто не цепляется за жизнь. Небо, земля и вода вечны, по рассуждению Лао-цзы, потому что они существуют не для себя. Совершенномудрый человек пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется; он ставит себя позади других и поэтому оказывается впереди[36].

Сокровенная сущность человека во всей китайской этике называется «дэ», что приблизительно переводится как «добродетель». В своем исходном значении 德 – это магическая сила, которой обладает вождь и благодаря которой он может править племенем. В даосизме «дэ» подобна воде, которая приносит пользу всем существам и не борется с ними, т.е. не стремится сохранить свою определенность, растворяется во всем и только потому одерживает победу. Путь к совершенству ведет не через отгораживание от другого, а через осознание сущностного единства с ним, через растворение во всем. Такое совершенство, в конечном счете, совпадает со счастьем: “Я имею великое несчастье, потому что я дорожу самим собой. Когда я не буду

[34] См.: Чжуан-цзы, 11// Дао. Гармония мира. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. С. 210
[35] Там же. С. 213
[36] См.: Дао-дэ цзин,7// Дао. Гармония мира. С. 11

дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья”[37]. Даосская добродетель «дэ» понимается как внутренняя сила, качество вещи, делающее ее такой, а не иной. Своеобразная «дэ» имеется даже у каждой из пяти природный стихий: воды, огня, земли, дерева и металла. В человеке она представляет собой некое единство телесных и духовных способностей. Обладание дэ отнюдь не означает умерщвления плоти, а наоборот, гармонию духа и тела, возможность владеть своими телесными органами в совершенстве. “Кто содержит в себе совершенную *дэ*, тот похож на новорожденного. Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют. Кости у него мягкие, мышцы слабые, но он держит дао крепко. Не зная союза двух полов, он обладает животворящей способностью. Он очень чуток. Он кричит весь день, и его голос не изменяется. Он совершенно гармоничен”[38].

Совершенствование человека понимается в даосизме как процесс *обратного движения к изначальному хаосу, простоте и покою.* Младенческое состояние лучше взрослого, а пребывание в материнской утробе лучше младенчества. В социальном плане это движение предполагает уменьшение иерархических различий и насильственной власти. Совершенствованию как движению вспять служит даосская внешняя и внутренняя алхимия: создание вещественного «эликсира бессмертия» и преображение себя посредством особой дыхательной, сексуальной («семясберегающей») и медитативной практики. Внутренняя алхимия («нэйгун») в качестве основных своих приемов включала вбирание энергии, слюны и сока сексуальной партнерши, накопление семени «цзин», которое с помощью особых упражнений преобразуется в энергию «ци», а потом в чистый дух «шэнь». По преданию, Хуан-ди, один из первопредков и культурных героев даосизма, впитал в себя энергию инь от 1200 женщин и получил «золотой элексир бессмертия» - основной продукт внешней алхимии. Основы сексуальной йоги «фен чжун шу» изложены в трактатах «Канон Хуан-ди» и «Канон трех Бессмертных Дев». Приемы семясберегающей сексуальной практики «двойного взращивания» рассчитаны на то, чтобы мужское семя возвратилось в мозг, откуда оно, якобы, выделяется, и укрепило его. В одном из них оба партнера перед извержением семени пальцами сильно сжимают член. Другой прием представляет собой нажатие на особую «точку тысячи монет».

На даосском мировоззрении основана также практика единоборств *ушу*, стержнем которой является подчинение телесных движений закону взаимодействия *инь* и *ян*, чередования мягкости и твердости. Она зародилась в монастырях на горе Удиншань. Наиболее знамениты школы ушу Синъицюань («Кулак формы воли», Тайцзыцюань («Кулак Великого Предела») и Багуачжан («ладонь Восьми Триграмм»).

Чань-буддизм. Начиная с эпохи Хань в Китае распространяются идеи Махаяны. По аналогии с палийской Типитакой китайский буддийский канон назывался «Сань цзан», хотя включал в себя и другие тексты.

Важнейшими школами китайского буддизма, который назывался «фо-цзяо» (Фо – Будда), стали Таньтай, Хуаянь, Саньлунь и Чань. Последняя

[37] Дао-дэ цзин, 13. С. 12
[38] Дао-дэ цзин, 55. С. 26

была организована в VI в. выходцем из Индии Бодхидхармой и стала примером плодотворного синтеза индийской и китайской культур, который расцвел потом и в Японии под названием «дзен». Термин «чань» - это китайская форма санскритского «дхьяна» («медитация»). Медитация была понята как техника самораскрытия истинной сущности человека в повседневной жизни. Важнейшим в чань-буддизме является «внезапное просветление», которое может наступить без чтения сутр и соблюдения заповедей. “Тот, кто вдруг пробудился к самопросветлению, сразу понимает, что стал обладателем подлинной драгоценности. Сущность невежественного и просветленного одинакова, и разделять их не следует. Следует помнить, что все живые существа являются именно такими, какие они есть. После того, как мы осознаем, что ничто не отделяет наше тело от тела Будды, то зачем нужно стремиться к нирване как к чему-то находящемуся вне нас самих”[39]. Внезапное просветление достигается двух основных техник: *мо-чжао-чань* («безмолвное просветление») и *гун-ань-чань* («публичное объявление»). В первом случае сознание озаряется светом истины через его опустошение – освобождение от мысленных содержаний, например, путем всматривания в стену, которая совершенно пуста. Во втором случае учитель ставит ученика в тупик нелепым вопросом или непонятной историей. Пребывание в умственном тупике завершается внезапным прозрением. Записи такого рода ситуаций сыграли огромную роль в чань-буддизме, оказав значительное влияние на литературу и изобразительное искусство (каллиграфию и монохромную живопись – 10 картин «Поиски быка» Гоань Ши-юаня). В Европе они более известны по японскому названию «*коаны*».

Вот пример такого гун-аня:

“Некий монах обратился к Чжаочжоу с такими словами: «Я только что пришел в эту обитель. Дайте мне наставление». Чжаочжоу спросил: «Ты уже ел сегодня похлебку?» Монах ответил: «Да, ел». Чжаочжоу сказал: «Тогда пойди и вымой свою чашку». В этот момент монах прозрел”[40].

Некоторые из них гранили с кощунством: «Что такое Будда?» - «Палочка для подтирания зада». Восприняв парадокс, заключенный в гун-ане, разум останавливается как крыса, оказавшаяся в тупике, а потом открывает себя. Искусство коанов, сложившееся в X-XI вв. (Нань-юань, Фэнь-ян и др.[41]), понималось как срединный путь между «безмолвным сидением» (полным пренебрежением к слову) и методичным запоминанием сутр (безграничным доверием к слову).

Парадоксальность ситуаций, воспроизводимых в гун-анях, способствовала тому, что смех в чань-буддизме приобрел сакральный характер, стал одним из важнейших средств самораскрепощения и освобождения. Сакрализация смеха явилась следствием сакрализации обыденной жизни, убеждения в том, что между сансарой и нирваной нет непреодолимой границы. Чань-буддисты верят в святость физического труда: возделывания земли, заготовки топлива, приготовления пищи, уборки и т.п.

---

[39] Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Индия и Китай. СПб.: ОРИС, 1994. С. 108

[40] Вон Кью-Кит. Энциклопедия дзен. М.: ФАИР-Пресс, 1999/ С. 5

[41] В сборник «Фэнь-ян Лу» вошло 300 коанов в форме историй из жизни наставников, вопросов и ответов на загадки древних времен. Всего чань-буддийская литература насчитывает 1700 «оповещений». Самыми замечательными сборниками считаются «Записки Лазурной Скалы» и «Застава без ворот»

Отсюда становится понятной забота о физическом совершенствовании. Согласно легенде, основатель Чань Бодхидхарма в монастыре Шаолиньсы создал школу кулачного боя как часть духовного совершенствования монахов. Школа включала 5 комплексов упражнений: *дракона* – укрепления духа; *тигра* – костей; *аиста* – «семенной силы»; *леопарда* – физической силы; *змеи* – жизненной энергии *ци*.

Успех чань-буддизма в Китае парадоксален и загадочен, если учесть традиционное для китайцев неприятие всего чужеземного. По всей вероятности, в Махаяне содержалось много такого, что было созвучно китайскому менталитету, особенно в той его части, которая выразилась в даосизме. Японский ученый Д.Т. Судзуки усматривал такое созвучие уже на уровне языка: “Китайский язык как нельзя лучше приспособлен к Дзену. Это, вероятно, самое лучшее средство выражения Дзена. Возьмем одну только литературную сторону. Благодаря своей односложности, этот язык выразителен и энергичен. Одно слово несет в себе большое количество информации. Несмотря на то, что неопределенность смысла является одним из неизбежных недостатков, учителя Дзена знают, как им пользоваться, и сама неопределенность языка становится орудием в руках их. Учитель далек от желания что-либо скрывать или вводить в заблуждение, но хорошо выбранное односложное слово слетая с уст учителя, превращается в самое важное для системы Дзена слово”[42]. В целом три важнейшие цзяо Китая, изменяясь в силе влияния, составили некую органичную целостность – союз трех деревьев: *сосны* (конфуцианство), *сливы* (даосизм) и *бамбука* (буддизм).

4. Научная и художественная культура Китая

Познавательная культура Китая отличается особой чуткостью к истории. Исторические книги Шу-цзин» и «Чуньцю» вошли, как отмечалось, в состав конфуцианского Пятикнижия. В I в. до н.э. Сыма Цянь создал классический труд «Исторические записки». Составление исторических хроник находилось под контролем специального ведомства при императорском дворе. В позднейшие времена была написана история буддизма.

Склонность к классификаторству проявилась в составлении многочисленный энциклопедий. Уже в эпоху Цинь, например, было создано огромное «Собрание рисунков и книг всех времен».

Развитие техники понималось в Китае как восполнение и совершенствование «работы небес». Своими изобретениями человек не покоряет природу, а развивает то, что в ней уже заложено. Материальная культура Китая характеризовалась изготовлением бумаги, открытием технологии производства шелка, изобретением компаса, сейсмографа, пороха, фарфора. Медицина, которая ориентировалась на лечение организма в целом, издавна славилась практикой иглоукалывания и прижигания («*чжэнь-цзю*»). Эта практика основана на учении о том, что все болезни возникают вследствие дисбаланса энергии в организме. Отверстия от игл и

[42] Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма// Дзен-буддизм. Бишкек: Одиссей, 1993. С. 282

особых сигарет из полыни способствуют доступу требуемой энергии в биологически активные точки тела, коих числом 360.

Астрономия была нацелена на составления календаря, в котором учитывались как лунные, так и солнечные циклы. Китайским звездочетам, которые уже в эпоху Чжоу различали 1464 звезды, сгруппированные в 283 созвездия, были известны 12 зодиакальных созвездий. С каждым из них связывался определенный год в строгой последовательности: мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, конь, баран, петух, собака, свинья. Тигр, дракон, конь, баран, петух и змея ассоциировались с началом *ян*, прочие – с началом *инь*. Новый год начинался с первого новолуния после вхождения солнца в созвездие Водолея – в промежутке от 21 января до 29 февраля. Для согласования лунного года с солнечным время от времени вводился дополнительный 13-й месяц. Отсчет лет велся от 2637 г. до н.э., когда его, по преданию, установил мифический первопредок Хуан-ди.

Среди временных видов искусства господствовала **пентатонная церемониальная музыка** («юэ»). Подобно тому, кто совершает священнодействие, музыкант соучаствует в завершении «работы Неба». Вера в способность ритуала облагораживать человеческие чувства стала предпосылкой убеждения о колоссальном значении музыки для нравственного совершенствования. Музыкальная гармония отражает глубочайшие связи космоса, поэтому точное исполнение «правильных» музыкальных произведений в рамках ритуала позволяет органически включить семью и государство в мировой строй. Мудрость понималась в Китае как способность улавливать мельчайшие колебания жизненной энергии ци. Развитию этой способности помогает слушание «правильной» музыки. Оно очищает слух и даже проясняет зрение. Назначение музыки – гармонизация душевного строя, облагораживание чувств, вызывание состояний покоя и умиротворенности. «Неправильная» музыка в буквальном смысле портит человека и вносит разлад в отношения между Небом и землей. Поэтому она должна беспощадно караться. Насколько нам известно, ни одна культура мира не относилась к канонической музыке так трепетно и не предусматривала искоренения всего рода как наказание за создание или исполнение «безнравственной» музыки.

Музыка способствует равновесию и порядку, а отнюдь не выражению страстей. Основное значение в китайской музыке отводилось ритму, мелодия и тональность считались второстепенными. Тоника состояла из 5 основных нот: *гун* (приблизительно соответствующая европейскому *до*), *шан* (*ре*), *цзяо* (*ля*), *чжи* (*соль*), *юй* (*ля*). Абсолютная высота звука в этой системе не фиксировалась, определяющую роль играли промежуточные звуковые интервалы. Начальная ступень «гунн» изменялась в зависимости от месяца года. Каждому месяцу соответствовал свой «нормативный звук» (*люй*). От него и производился отсчет интервалов. Этот нормативный звук задавался с помощью специального инструмента: каменной пластины или колокола. Низкие ноты считались более благородными по сравнению с высокими. Гун, например, символически связывается с правителями государства, а юй – со

сферами жизни, располагающимися ниже человека: животным, растительным и минеральным царствами. Звукоряд делился на 12 ступеней. Числовые соотношения звуков определялись длиной шелковой струны или бамбуковых трубок, с VIII в. – уровнем воды, заливаемой в глиняные кувшины.

Музыкальные инструменты классифицировались в соответствии с 8 ба-гуа по материалу, из которого они делались: камню, металлу, шелку, бамбуку, дереву, коже, глине и тыкве. Самыми любимыми струнными инструментами были *сэ* (пяти-, позже семиструнные гусли) и *цинь* (пятиструнная цитра). В знаменитом романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» игра на цине уподобляется священнодействию: «Древние прибегали к этому занятию лишь в тех случаях, когда успокаивали душу и подавляли низкие инстинкты. Если кто-нибудь хотел играть на цине, он избирал тихую комнату во внутренних покоях, уходил в лес, скрывался в горах либо удалялся на берег реки. Древние играли на цине лишь в те моменты, когда кругом царил покой, когда ветер свеж и луна светла; играя они погружались в волны благовоний, их не тревожили посторонние мысли, кровь и дух их пребывали в равновесии, и когда своею душою они сливались с божествами и проникали в сущность самого «дао».

Глубокие религиозно-мифологические корни имело стихосложение, позднее появилась проза. Художественное слово сродни ритуальному действу. Оно выявляет «первозданный порядок» бытия, его *ли*. В этом отношении оно располагается между обычной речью и танцем. “Когда внутри рождается чувство, оно ищет выразить себя в словах; когда слов становится недостаточно оно печалуется об этом и выражает себя в стихах; не находя удовлетворения и в стихах, оно заставляет человека пускаться в пляс”[43]. При этом поэзия не только выражает чувства, но и возвышает, облагораживает их. Она рождается в «пустоте просветленного сердца», где человеческое сходится с небесным. Неудивительно, что искусство оценивалось как дело государственной важности. При ханьском императорском дворе было создано особое ведомство *юэфу*, которое занималось собиранием плодов народного музыкально-поэтического творчества.

Китайская поэзия представляла собой импровизацию на заданную тему. Огромное значение придавалось форме. Особо популярны были, например, параллельные строфы:

За зеленым окном
  Ярко светит луна предо мной;
На страницах истории
  Нет образца для меня.

Здесь имеет место сближение и противопоставление двух разноплановых образов: луны на небе и поведенческого образца в истории.

Были составлены специальные сборники рифмованных слов. Проявить поэтическое мастерство значило учесть все сказанное по поводу сравниваемых вещей древними поэтами и увидеть нечто свое, новое.

Преобладало два поэтических жанра: *ши* и *цы*. Ши восходит к древней народной бытовой и обрядовой песне. Стихи состоят из двухстрочной строфы; в каждой строке сначала употреблялись 4, позже 5 или 7 слов. Жанр цы появился в эпоху Тан. Стихи состояли из неравных строк и сочинялись на определенную мелодию.

---

[43] Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001. С. 394

Осевыми явлениями художественной литературы Китая оказались крупные романы «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна (XIV в.), «Речные заводи» Ши Най-аня (XIV в.), «Сон в красном тереме» Цао Сюэ-циня (XVIII в.).

Благодаря иероглифической письменности, временные искусства в Китае так тесно связаны с пространственными, как, пожалуй, нигде более в мире. Искусство слова, прежде всего поэзия, призвано радовать не только слух, но и глаз. Поскольку иероглифическая письменность родилась на основе живописи и сохранила с нею внутреннюю связь, специфически китайским искусством стала каллиграфия - как бы тройная игра звуков, смыслов и линий.

Китайский **театр** («грушевый сад») родился из придворных представлений. На деревенских празднествах разыгрывались сценки борьбы богов и героев с демонами. Подобные сценки были частью даосского богослужения. Смысл представлений заключался в преображении участников для контакта с сакральными существами. Сложившийся в классическом театре традиционный набор ролей маркировался символическим цветом одежд: черный цвет – честность, белый – траур, желтый – царское или монашеское достоинство, красный – счастье, голубой – варварское происхождение. Сценическое действо адресовалось не только и столько живым зрителям, сколько богам и умершим предкам. Подлинными шедеврами стали юаньские драмы «Западный флигель» Ван Шифу, «Обида Доу Э» Гуань Ханьцина, «Осень в Ханьском дворце» Ма Чжиюаня и др. Из погребального культа выросли кукольный и теневой театры. Особой популярность в Китае пользовались представления с участием дрессированных муравьев, черепах, рыб и лягушек.

Зодчество Китая представляло собой развитие идей о гармонизации отношений между человеком и природой, землей и небом. Всякое сооружение должно быть органично вписано в ландшафт, стать его естественным дополнением и украшением. Строение и расположение жилища должно соответствовать особенностям человеческой деятельности. Отсюда возникло искусство *фэн-шуй* («ветра и вод»), изобретен необходимый для него магнитный компас. Организующим центром домостроительства был «небесный колодец» - пустое пространство двора, замкнутое глухими стенами. Дом воплощал в себе историю семейства и возводился в соответствии с рангом его обитателей, подчиняясь строгим канонам. Камень был материалом для мертвых, материалом живых служило дерево. Фасадом дома были обращены во внутренний двор. Там сооружалось крыльцо с нечетным числом ступеней.

В древности опорой для крыш служили не стены, а столбы; 4 основных столба располагались по углам сооружения. На них лежали продольные и поперечные балки, удерживающие двускатную крышу. Столбы или колонны покрывались либо черным, либо красным лаком, крыши выкрашивались в желтый, зеленый или синий цвет. С VIII в. сперва на юге, а потом и по всему Китаю крыши возводились с загнутыми вверх краями. Такая конструкция защищала от проникновения злых духов, которые согласно китайским поверьям могут передвигаться только по прямым линиям.

Самыми значительными сооружениями были дворцы и храмы, которые строились по одному образцу. Те и другие представляли собой комплексы сооружений. В их конструкциях многократно повторялись отдельные модули, что придавало зданию определенный ритм. В пагодах – самых характерных храмовых формах, восходящих к буддийским ступам и местным сторожевым башням, - таким модулем выступает отдельный ярус (этаж). Повторяясь в уменьшенных размерах (чаще всего, 12 раз), он несет в себе идею ступенчатого развертывания жизни и восхождения к Небу.

Пагоды строились возле уездных городов для облагораживания местности. К эпохе Тан относятся Большая и Малая пагоды Диких Гусей в Сиане.

«Железная» пагода в Кайфыне (XI в.)

В тронном зале императорского дворца выражалась символика 5 цветов: черный камень пола, белый мрамор террасы, красные стены, желтая черепица нижней крыши, небесного цвета – верхней. Число «пять» многократно использовалось в конструкции храма плодородия: 5 помещений, 5 чжанов длина алтаря, 5 чи высота, 5 ступеней лестницы и т.д. В эпоху Мин возведен храмовый ансамбль Неба в Пекине. В его плане варьировал квадрат как символ земли и круг как символ неба.

Характерными для Китая являются монументальные арки *пайлоу* с надписями на столбах, сооруженные в честь выдающихся политических и культурных деятелей.

Уникальным архитектурным сооружением является Великая Китайская стена, которая строилась 2 тысячи лет, начиная с IV в. до н.э. Ее длина – более 4 000 км, высота – 7,5 м, ширина наверху – около 5 м.

В эпоху Мин своего пика достигает ландшафтная архитектура, в первую очередь, «искусство садов». Сад позади жилого дома становится «оазисом культуры», художественно организованным пространством. В этом пространстве в уникальной композиции размещены основные элементы мира: растительность, земля, вода и камни. Особо ценились камни, омываемые водой. Считалось, что они расширяют пространственно-временные горизонты человека: вода навевает думы об отдаленном, а камень о древнем. Главный прием садовой композиции – *цзе цзин* («заимствование вида»). Сад заполнялся различными экранами: искусственными горами, стенами, густыми зарослями, - которые разделяли садовый пейзаж на множество отдельных видов. Этот прием давал эффект кругового видения, созерцания объекта с разных сторон, что соответствовало принципу «рассеянной перспективы», используемому в китайской живописи. Композиция отдельных видов превращала сад в своего рода наррацию – повествование о мире преображенной природы.

Культ предков не требовал скульптурных изображений. Терракотовые фигуры выполняли примерно ту же функцию, что и египетские «ушебти», но только изготовляли их в больших количествах, если судить по гробнице императора Цинь Шихуанди, в которой найдена целая терракотовая армия. Своего расцвета китайская скульптура достигает в рамках буддизма и даосизма.

В скульптуре представлены изящные мраморные и нефритовые статуэтки

Мраморная статуэтка сидящего мужчины (эпоха Инь-Шан).

Гонец на лошади (эпоха Хань).

Китайская живопись по большей части представляла собой рисунки тушью и красками на шелке или бумаге. Линия, особенно, кривая (круг, дуга, спираль) в ней безусловно доминировала над цветом. Согласно легенде, основателем живописи считается Хуан-ди, приказавший нарисовать портрет своего главного врага Чи Ю.

Классическим жанром стал пейзаж 山水 *шань-шуй* («горы и воды». Его основы заложены южнокитайскими мастерами Дун Юанем и Цзюйженем в конце эпохи Тан. Расцвет его приходится на эпоху Сун, когда творили Ли Чэн («Читающий стелу»), Фань Куань («Путники у горного потока»), Го Си («Осенний туман рассеялся нал горами и равнинами». Пейзажи этих художников, входивших в Академию Живописи, более каноничны. Акцент в них ставится на четкость линий. В оппозиции к «академикам» находились Ми Фэй («Весенние горы и сосны») и его единомышленники, которые отдавали предпочтение вдохновению, а не кропотливой работе; пятнам туши, а не линии и контуру. Ма Юань («Лунная ночь») и Ся Гуй («Игра на лютне у реки») органично вводят в пейзаж изображение человека, резко повышая его эмоциональную насыщенность. Они положили начало новой живописной школе *Ма-ся*.

Особенности стиля видны на примере картины танского художника Гу Кай-чжи «Наставления учительницы придворной даме»:

Вторая иллюстрация представляет нам пейзаж художника Ван Юань-ци (династия Цин).

Это рисунок тушью «Горы и сосны весной» Ми Фэя (около 1100 г.).

Отдельные элементы пейзажа (орхидея, сосна, кипарис, бамбук, мэйхуа) символизируют типовые человеческие добродетели и душевные состояния. Классификационизм, свойственный китайской культуре, нашел выражение и в живописи. Художники скрупулезно различают конфигурации гор, состояния

водной стихии, очертания облаков, конфигурации листьев и пр. Главное в художнике – способность видеть вещи такими, какими они еще не бывали, и при этом преображаться самому. Он должен уметь “сообщить о присутствии другого мира, не изображая его”[44]. Поэтому одним из самых излюбленных средств живописи оказалась полупрозрачная облачная дымка, которая настраивает зрителя на мысль, что изображенное на картине вот-вот примет имеет вид, превратится во что-то иное. Понятие перспективы обозначалось термином «*юань-цзинь*» («далекое-близкое»). Далекие предметы изображались так отчетливо, как если бы они находились на переднем плане. Перспективные линии не имеют точки схода: каждой вещи как бы предоставлено право быть тем, что она есть, а не объектом, подчиненным точке зрения художника и зрителя. В живописи органично реализован даосский принцип *у-вэй* – невмешательства в естественный ход вещей. Принцип «рассеянной перспективы» предполагал, что в живописной композиции нет фиксированного центра и вся она составляется равновесием противоположных сил: инь и ян, тяжелого и легкого, густого и разреженного, наполненного и пустого. В силу неистребимого китайского гостеприимства один из членов бинарной оппозиции играет доминирующую роль «гостя», а другой – подчиненную роль «хозяина». Утверждению канона способствовало создание Академии Живописи при императорском дворе в Нанкине. В живописи и других видах пространственного искусства широко используются орнаментальные символы: эмблема Великого предела, 8 ба-гуа, у-син, драконы, кружащиеся вокруг «огневой жемчужины», иероглифы 快 «счастье» и 长生 «долголетие»

Для китайского портрета характерно использование физиогномики – учения о том, что черты лица тесно связаны с нравственными качествами человека и его судьбой. Этим отчасти объясняется подчинение портретного искусства строгому канону. В русле чань-буддизма художники Му Ци («Птица на старой сосне»), Лян Кай («Поэт Ли Тайбо»), Ин Юйцзянь («Горная деревня в тумане») выявляют глубокий смысл в том, что кажется незначительным и бессмысленным.

Китайская культура оказала огромное влияние на культуру Кореи, Японии, Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии.

Литература

Беседы и суждения Конфуция. СПб.: Кристалл, 1999

Виноградова Н.А., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока// Малая история искусств. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1980; М.: Искусство, 1979

Вон Кью-Кит. Энциклопедия дзен. М.: ФАИР-Пресс, 1999

Дао дэ цзин// Дао. Гармония мира. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999

Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Индия и Китай. СПб.: ОРИС, 1994. С. 73-311

[44] Малявин. С. 479

Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994
Лу Куань юй. Даосская йога: Алхимия и бессмертие. СПб.: ОРИС, 1993
Лукьянов А.Е. Истоки Дао. Древнекитайский миф. М.: ИНСАН, 1992
Малявин В. Конфуций. М.: Мол. Гвардия, 1992
Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ др., 2001
Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма// Дзен-буддизм. Бишкек: Одиссей, 1993
Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб.: Лань, 1998
Чжуанцзы// Дао. Гармония мира. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999
Ши-цзин// Конфуций. Уроки мудрости. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999
Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» // Конфуций. Уроки мудрости. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999.

Литература

Беседы и суждения Конфуция. СПб.: Кристалл, 1999;
Виноградова Н.А., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока// Малая история искусств. Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1980; М.: Искусство, 1979;
Дао дэ цзин// Дао. Гармония мира. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999;
Лу Куань юй. Даосская йога: Алхимия и бессмертие. СПб.: ОРИС, 1993;
Лукьянов А.Е. Истоки Дао. Древнекитайский миф. М.: ИНСАН, 1992;
Малявин В. Конфуций. М.: Мол. Гвардия, 1992;
Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ др., 2001;
Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб.: Лань, 1998;
Чжуанцзы// Дао. Гармония мира. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999;
Ши-цзин// Конфуций. Уроки мудрости. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 1999.